

63.3(2Вс-6Кан)

К П 44

ПОДРОЖНИК

Выпуск 9

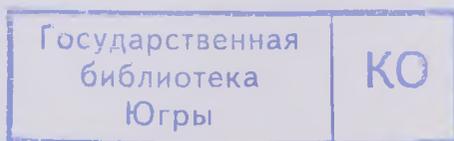
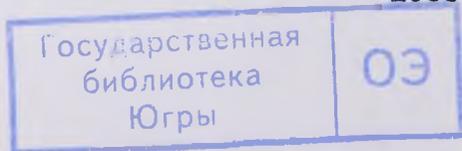
ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 9

Редактор-составитель
В.К. Белобородов

Тюмень
Мандр и Ка
2008

-0106094-

ББК 63.3 (2Рос-6Хан)

П 44

- П 44** Подорожник : краеведческий альманах / сост. Валерий Белобородов. — Тюмень : Мандр и К^а, 2008. — Вып. 9. — 184 с. + 4 ил.

© Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.

© Белобородов В.К. (составление), 2002.

© Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.

© Дума Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (издание), 2008.

© Мандр и К^а (оформление), 2008.

ISBN 5-93020-410-1

Описание города Березова*

Березов, уездный город Тобольской губернии, лежит под $63^{\circ} 55,9'$ северной широты, $82^{\circ} 47'$ долготы от 1-го меридиана, среди пустынных лесов и тундр отдаленного Севера, на левом, довольно возвышенном берегу реки Сосвы, верстах в 25 от слияния последней с рекою Обью.

<...>

В длину город простирается по Сосве с севера на юг около 400 сажень, в ширину же не более полуверсты. В Березове всего 150 домов, все деревянные и большею частию ветхие. В городе две прекрасные каменные церкви: Воскресенский собор и другая во имя Рождества Богородицы. Они построены на самом горном берегу и величественно возвышаются над дикими окрестностями, радуя издали вежами своими утомленный взор приближающегося к ним пловца пустынных рек.

Из казенных и общественных зданий находятся здесь 14 деревянных домов. 1-й вмещает в себя окружной и земский суды и окружное

* **От редакции.** Предлагаемый читателю, интересующемуся историей края, отрывок взят из записок, которые вел член экспедиции Русского географического общества в северо-западную часть Тобольской губернии, возглавляемой геологом полковником Э. Гофманом, молодой топограф Д. Юрьев. Полное название его труда, вышедшего в свет в Санкт-Петербурге в 1852 году, — «Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1847 и 1848 годах, с присовокуплением общего обзора путешествий экспедиций, отчета по съемке, разных замечаний в статистическом и этнографическом отношении; карты Северного Урала и плана города Березова». Текст открывает нам автора как весьма любознательного и практичного начинающего исследователя, в нем содержится ряд ценных подробностей, позволяющих предметно увидеть, каким был Березов в середине XIX века.

Копия текста Д. Юрьева предоставлена для публикации библиотекой Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

казначейство, 2-й — городскую полицию, 3-й — духовное правление, 4-й — городское хозяйственное правление, 5-й — уездное училище, к несчастью, погоревшее летом 1847 года, 6-й — инородческую больницу для остяков и самоедов Березовского округа*, 7-й — городской лазарет, 8-й — почтовую контору, 9-й — казенный магазейн для складки пушных товаров и кладовая окружного казначейства, 10-й — казачий провиантский магазейн, 11 — ссудный хлебный магазейн для инородцев, 12 — городской хлебозапасный магазейн, 13-й — соляной магазейн и 14-й — пороховой погреб.

На берегу Сосвы, у подошвы и на склонах горного берега ее, выстроены для складки товаров сараи и амбары с устроенными в них 6 или 7 лавочками, составляющими гостиный двор березовский. Зимую же, по случаю сильных морозов, в них торговать бывает невозможно; поэтому все товары продаются тогда в домах купцов.

Кроме трех продольных и прямых улиц, весь город состоит из одних только частых переулков, делающих общее расположение города более неправильным и разбросанным. Все они не вымощены, весьма грязны и нечисты, даже посреди города, в виде огромной площади, находится невысыхающее и непроходимое гнилое болото, заваливаемое мусором и навозом. Оно делает воздух невыносимо тяжелым в летнее время. За городскими строениями виднеются кое-где разбросанные землянки и чумы остяцкие, и начинается сейчас дикая чаща леса без всяких дорог, ею закрыты окрестности города на огромное пространство.

С северной стороны города сливается с Сосвою значительный проток Вогулка, истекающий из нее же, а с юга он примыкает к глубокому оврагу, называемому Колтушным буераком, по которому течет маленькая речка того же имени. За реку из города представляется открытый вид на необозримую луговую низменность, простирающуюся до самой реки Оби; на нем, между разбросанными кустарниками и группами деревьев, всюду видны большие массы воды протоков, озер и зыбких болот, в которых как бы плавают кусты и острова.

На всем лежит здесь печать сурового Севера. Унылая природа зимою бывает облачена в снежный саван почти в течение семи месяцев;

* К сожалению, инородцы неохотно пользуются этими благотворными мерами правительства по собственному грубому невежеству, сильной нетерпимости лекарств и по странному предубеждению к больнице вообще. Из огромного числа инородцев Березовского округа свыше 15 тысяч душ редко когда бывает в больнице более 10 человек. — **Здесь и далее примечания автора.**

в это время бывают постоянно сильные морозы, которые доходят иногда до 40° по Реомюру; погода отличается непостоянством, особенно часто случаются страшные бураны; застигнутый этою вьюгою путешественник и дикий зверь имеют единственное спасение, спокойно ложась на снегу, чтобы переждать вьюгу. Ночи продолжительны и мрачны, но этот мрак сокращается по временам северным сиянием, и это величественное явление полярного горизонта, освещая темное царство зимы, служит утешением угрюмому обитателю Севера.

Продолжительные оттепели, выпадание легких снегов, густые туманы, непроницаемые даже для солнечных лучей, частые перелеты птиц к Северу — суть признаки появления весны, начинающейся никак не ранее половины апреля месяца.

Кратковременное лето, начинающееся в половине июня, почти при постоянном сиянии солнца быстро распространяет в воздухе плодотворную теплоту и оживляет природу от продолжительного омертвения ее. Несмотря, что в первых числах июля в продолжение нескольких дней теплота доходит иногда до +28° и более по Реомюру, но дурная почва земли, оттаивающей не более как на пол-аршина, не позволяет никакого земледелия, поэтому в Березове ничего нет, кроме нескольких скудных при домах огородиков с некоторыми и то не всегда поспевающими овощами.

В половине августа, а иногда и ранее, начинается уже осень; пасмурное небо, постоянные северные или северо-восточные ветры, быстроувеличивающийся холод, туманные и более темные ночи предвещают приближение зимы. Это время года — самое несносное на Севере и, кажется, вредное для здоровья.

<...>

Жителей в Березове считается вообще до 1000 человек, в этом числе полный штат чиновников уездных присутственных мест, духовенство, казацкое сословие, купцы, мещане и разного другого звания люди; порядочных ремесленников вовсе не имеется в городе. Все почти жители, не исключая и казаков, занимаются более или менее меновою торговлею с инородцами, доставляя этим себе пропитание.

В начале весны, вскоре по вскрытии рек, оживляется торговля в отдаленном Березове. В это время прибывают сюда из Тобольска дощеники** с разными товарами, состоящими в хлебе и других съестных

** Однопалубные плоскодонные суда, поднимающие груза от 5 до 25 тысяч пудов и поднимающиеся вверх по рекам Оби и Иртышу почти постоянно на бичевой тяге.

продуктах, в железных вещах, сетях и разных снастях, более употребительных в инородческом быту, в лыках, холсте, сукне крестьянском, полуситцах, в красном товаре и прочих русских изделиях и мелочах. Остающиеся здесь до сентября месяца тобольские, ирбитские и туринские промышленники сбывают все это березовским торговцам и непосредственно самим остякам, проезжающим в эту пору из зимних юрт на рыбные промыслы. Они выменивают и покупают от них различные туземные произведения, доставляемые инородцами со всего Березовского округа. Вывозимые из Березова произведения суть: мягкая рухлядь, бобровые, собольи, лисьи, горностаевые, росомаховые, выдровые, беличьи, бурундучьи, медвежьи, волчьи, песцовые разных сортов, заячьи, оленьи и лосиные шкуры на сумму около 30000 рублей серебром, птичьи пух и перо, мамонтовая кость, кедровые орехи, добываемые в хороший урожай до 20000 пудов на сумму более 25000 руб., разного рода соленая и сушеная рыба, как-то: осетры, муксуны, нельма, сырки и щуки, рыбий жир и икра, всего на сумму около 8000 рублей. Следовательно, ежегодный вывоз этих произведений из Березова превышает 60000 рублей серебром и мог бы принести значительные выгоды жителям, если бы все это они сами доставляли на Ирбитскую ярмарку, но теперь большею частию участвуют в торговле иногородные купцы, из березовских же жителей только купцов пять имеют некоторую возможность непосредственно сбывать собранное на означенной ярмарке, закупая там разные мелочные товары и более нужнейшие для инородцев вещи, которыми после торгуют как в самом Березове, так и на ярмарках в его округе.

Звериною и рыбною ловлею сами березовцы мало занимаются, находясь почти круглый год в разъездах по торговым делам для вымена и покупки произведений от инородцев. В последних числах мая начинаются рыбные промыслы: купцы и все достаточные казаки, мещане, крестьяне отдельно или компаниями, имея собственные суда, поднимающие от 7 до 15 тысяч пудов, нанимают по контракту в работники к себе остяков с платою по способности каждого и сплавливают почти на 30 таких судах вниз по Оби, по протокам ее и на Обскую губу, к самоодам и обдорским остякам, муку, соль, разный мелочный товар, рыболовные снаряды и другие необходимые в их быту вещи, табак, пряности и разные лакомства. Некоторые из этих торговцев привозят собственный товар, другие же берут для оборота от купцов на порядочные суммы под разными условиями, выгодными для обеих сторон. По

прибытии на место меняют товар сначала на мягкую рухлядь и стараются как можно более раздавать в долг инородцам. Хотя каждый из торговцев имеет своих знакомых покупателей, но все-таки они стараются всеми средствами более приобрести должников; сбывши товар свой, торговцы остаются здесь до августа месяца собирать рыбу от туземцев за розданный товар. Несмотря на весьма обильные рыбные промыслы, самоеды и остяки не только не могут расплатиться, но, кажется, все более и более задолжаются, потому что самые пустячные товары сбываются им по очень дорогим ценам.

Главная рыба — муксун, осетр и нельма; их солят сейчас [же] на месте; другая же рыба: щука, сырки и проч., вялится и сушится; кроме того, добывают рыбий жир и икру. Все это делается под личным надзором торговца-хозяина его работниками.

Когда же весь товар выменяют на рыбу, то с нагруженными судами спешат в августе месяце обратно в Березов и продают ее на дощеники березовским и иногородным купцам. После того инородцы остаются промыслять рыбу собственно для себя, сколько позволят осень и обстоятельства. Муксун есть единица ценности, в этой меновой торговле эта рыба принимается от самоеда по мерке и должна быть не менее 9 вершков в длину, в противном случае считают три муксуна за два или, что чаще случается, два за один; самоед не будет спорить.

Муксун от них принимают в 10 коп. ассигнациями, но самоеды не привыкли и не умеют считать на деньги, а все почти ценят товары относительно песцовых шкур; например, песец равняется 20 лапкам песцовым (из которых также сшивается особый мех) или же равняется 50 муксунам.

Все счета ведутся у березовских и обдорских торговцев в суммах песцов и лапок, переводя обыкновенно лапки в песцы, как копейки в рубли. Инородцы дают им палочки с разными надрезами и зарубками, у каждого по-своему, вроде расписок в получении товара на означенное на них число песцов и лапок и по мере выплачивания долга срезают собственноручно эти знаки, уменьшая счет.

Нужно заметить, что вещи, по-видимому, самые обыкновенные и всякие безделушки, продаваемые на муксуны и песцы, доставляют огромный барыш торговцам. Из цен некоторым вещам можно уже заключить о дороговизне остальных и более необходимых для самоеда вещей, например, за лодку нужно заплатить столько муксунов, сколько в нее поместится оных, за котел платится чистого рыбьего жиру полно

налить, за простой ножик в деревянном черенке, облитый оловом, платится от 30 до 50 муксунов. Аршин простого красного или желтого драдедаму — 4 песца или 120 муксунов, даже простое медное кольцо, стоящее едва ли $1/2$ копейки серебром, продается за 1 или 2 муксуна.

Сами же березовцы получают за муксуна соленого, сдаваемого на дощеники, не дешевле 10 коп. серебром. Теперь можно судить, какой барыш с лодки и других означенных вещей имеют торговцы. Распродав же на дощеники все собранное летом, некоторые из березовских жителей отправляются еще вверх по рр. Сыгве и Сосве забирать и там рыбу, дичь, кедровые орехи, перо и проч., развозя таким же образом хлеб и другие товары и раздавая более в долг. Здесь остяками счет ведется уже не на песцы, а на белки, беличья шкура ценится от 5 до 7 коп. серебром. Добытые по этим рекам произведения отправляются тоже осенью, на дощениках же, в Тобольск.

Этим оканчиваются летние промыслы березовцев, до октября или ноября месяца, покуда реки не закроются. Тогда в стране пустынной, бесплодной, лишенной природою летом почти всяких сообщений сухопутных, зимние морозы превращают непроходимые топи тундр в твердую массу льда, только тогда звериные промыслы, торговля и прочие нужды заставляют полудикого туземца и отдаленного промышленника русского пролагать путь на лыжах, на оленях или собаках за несколько сот верст как по рекам, тундрам, лесам, так и чрез самый Уральский хребет. Это время года, по-видимому, благоприятствующее сообщениям необходимым, имеет иногда свои препоны. Хотя от лютости морозов привычки и туземная теплая одежда и обувь предохраняют путника, но постоянные метели и снежные бураны бывают иногда ужасны, часто долговременны и нередко гибельны, заставляя целые караваны загребаться в снежные сугробы и пережидать вьюгу, в особенности когда буран застигнет в горах, переходя через Урал. Зимой березовцы рассеиваются по диким и лесистым местам, внутрь отдаленных юрт инородческих, развозя муку и разный товар, выменивают и покупают мягкую рухлядь. Кроме того, с 25 декабря по 25 января на Обдорской ярмарке бывает главная торговля, сюда съезжаются даже купцы тобольские или их приказчики, зыряне, ижемцы из-за Урала с огромными караванами и самоеды отдаленного Севера. Так же на муку и прочие товары, необходимые в быту инородческом, выменивают разные произведения и дорожную рухлядь, и все это отправляется оттуда на Ирбитскую ярмарку.

Перед Обдорскою ярмаркою, в конце ноября, съезжаются в село Мужи, на р. Оби, зыряне из-за Урала, образуя тут малую ярмарку, откуда уже некоторые возвращаются опять за Урал, а другие отправляются в Обдорск. Сообщение в этом крае бывает пять месяцев водою, способствующее к сплаву тяжестей, а семь месяцев — зимним путем, удобным только для легкой езды, но затруднительным для своза груза.

<...>

Путь по означенным рекам, сейчас по закрытии их, бывает иногда чрезвычайно затруднителен и даже очень опасен.

Река Обь, как и все большие сибирские реки, не закрывается одновременно на всем протяжении течения своего, и замерзание восходит от устья к вершинам ее довольно быстро. От постепенного приобая плывучего льда и сплачивания один с другим река покрывается неровно и шероховато, местами совершенно вертикально застывшими большими льдинами и грудями, затрудняющими езду.

По значительной ширине этой реки, доходящей до трех верст, местами посредине и близ берегов ее в более глубоких быстринах она совершенно не замерзает даже и в сильные морозы; некоторые из этих полых мест, называемых вообще полоньями, подергиваются тонким льдом и бывают весьма опасны, в особенности в темноту.

Во время поездки с полковником Гофманом из Березова по первому пути мы имели случай провалиться в Обь, несмотря, что мороз был свыше 25° Реомюра. К счастью, образовался неширокий пролом, и кошева наша осталась плавать над водою, поддерживая собою несколько и лошадей, которые только передними ногами цеплялись за лед, а всем корпусом были погружены в воду. Журналы и тому подобные вещи, более важные, были тотчас спасены, а остальные же, оставаясь дольше в воде, покрылись довольно толстою коркою льда, равно как и мы сами. Выбрав поодиночке из саней все вещи, потом мы успели вытащить своих лошадей стеньгами, потеряв только походную аптечку и некоторые мелочи.

Другое затруднение бывает то, что лед иногда почти в продолжение целой зимы не покрывается на гладких местах снегом, который, падая, бывает тотчас сметаем вьюгами, чрез что езда на некованых лошадях туземцев делается до такой степени невозможною, что приходится выпрягать их и самим вместе с проводниками катить сани на значительные расстояния, как это было зимою 1848 года.

Д. Юрьев

Деятельность А.М. Сибирякова в Тобольской губернии*

В истории исследования и освоения Сибири очень значимо имя А.М. Сибирякова, который был исследователем Севера, одним из инициаторов освоения Северного морского пути, меценатом в области географических исследований, активным членом Восточно-Сибирского отдела ИРГО (основанного в Иркутске в 1851 г.), почетным профессором Томского университета, почетным гражданином г. Иркутска, членом научного и литературного общества г. Гетеборга, членом-корреспондентом общества военных моряков Швеции, почетным членом Шведского общества антропологии и географии, был награжден серебряной медалью Русского географического общества и орденом Св. Владимира 3-й степени за большой вклад в дело исследования Сибири, французским правительственным знаком отличия «Пальмовая ветвь» за помощь в организации экспедиции Ш. Рабо, шведским правительством за помощь в организации и проведении экспедиции А.Э. Норденшельда — орденом Полярной звезды¹.

Биография Сибирякова интересна, в первую очередь, с точки зрения его просветительской и благотворительной деятельности. Первые шаги Сибиряков предпринял сразу же, как только получил наследство (1874 г.)². К крупным акциям, с которыми зачастую связывают его имя, относится финансирование им сибирских исследователь-

* Работа выполнена в рамках проекта «Этнографика» (руководитель Л.С. Андриенко, ст. науч. сотр. Музея природы и человека).

¹ Соловьева Б.А. Александр Михайлович Сибиряков // <http://www.kapustin.boom.ru/journal/soloveva.htm>

² Там же; Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX в.: имена, биографии, судьбы (качественные исследования в социологии культуры). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 88.

ских экспедиций. Он начал с содействия освоению Северного морского пути, продолжив дело промышленника М.К. Сидорова, при финансовой поддержке которого в 1874 г. шотландский капитан У. Уиггинс совершил первое плавание из Европы в устье Оби. А в 1875 г. Уиггинс вновь отправился в торговую экспедицию на Енисей, но уже на средства Сибирякова, который передал капитану от себя лично 1000 фунтов стерлингов³. Это плавание не было успешным. Повезло лишь следующей экспедиции, вновь организованной на средства Сибирякова и английского предпринимателя Гардинера. В 1876 г. Сибиряков жертвует средства на организацию плавания в устье Енисея английской паровой яхты «Темза» под командованием Уиггинса⁴.

В 1876 г. Общество германской северополлярной экспедиции в Бремене постановило направить в район Оби естествоиспытателей О. Финша и А. Брема, но смогло ассигновать лишь небольшую часть необходимой суммы. На своей родине в Германии ученые смогли найти для финансирования экспедиции только 5000 марок. Когда они обратились к общественности, то обнаружили, что их затея не вызвала никакого энтузиазма у промышленных кругов. Так, один немецкий предприниматель пожертвовал на нужды экспедиции всего пять марок, другой подарил походную аптечку⁵. Экспедиция была осуществлена в основном за счет средств А.М. Сибирякова, выделившего для ее проведения 20300 марок⁶.

Экспедиция Бременского общества полярных исследований состоялась летом 1876 г. Руководителем экспедиции был сотрудник Бременского музея доктор О. Финш, в ее состав входил знаменитый ученый-натуралист А. Брем. Исследовательское общество ставило задачу изучения природных богатств Обской губы. О. Финш и А. Брем работали в Восточной Сибири, исследовали Туркестан, достигли гор Алатау, затем перешли в Северо-Западный Китай и вернулись через Западную и Северо-Западную Сибирь в Европу, собрав громадные коллекции; описанием этого путешествия они в последующем спо-

³ Словцов И.Я. Письма // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. / сост., вступ. ст. Ю.Л. Мандрики. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. С. 366.

⁴ Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели... С. 99.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Соловьева Б.А. Александр Михайлович Сибиряков // <http://www.kapustin.boom.ru/journal/soloveva.htm>

собствовали ознакомлению западноевропейского населения с Сибирью, причем беспристрастно относились к виденному и отдавали полную справедливость колонизаторским заслугам русского правительства⁷. Результаты поездки отражены в работе О. Финша и А. Брема «Путешествие в Западную Сибирь»⁸.

А.М. Сибиряков обратился в Императорское географическое общество с предложением исследовать водные сообщения в Сибири, пожертвовав на это 7000 р. (было исследовано течение Ангары и водораздел рек Оби и Енисея, 1878)⁹. Обществу содействия промышленности и торговли Сибиряков передал 5000 рублей на изучение низовьев Оби и Енисея. По его инициативе была снаряжена исследовательская экспедиция капитана Христиана Даля, которая занималась изучением низовьев Оби¹⁰.

Сибиряков наряду с другими меценатами выделил средства для экспедиции полковника С.А. Моисеева, исследовавшей фарватер и берега Обской губы в 1881 г.¹¹

Сибиряков помог в организации и проведении экспедиции члену Французского географического общества Ш. Рабо, который в 1890 г. путешествовал от Казани через Урал по Сибиряковскому тракту, затем по Оби и собрал богатую этнографическую коллекцию¹². За помощь экспедиции французское правительство наградило А.М. Сибирякова знаком отличия «Пальмовая ветвь». Сам Рабо вынес очень приятное впечатление от той части Урала, которая лежит на 63°55' с.ш. «Это происходило, конечно, от влияния на впечатлительного

⁷ Финш // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедия: в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами // Электронная версия: ИДДК. ООО «Бизнессофт». Россия, 2004.

⁸ Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К^о, 1882. 578 с.

⁹ Сибиряков Александр Михайлович // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедия: в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами // Электронная версия: ИДДК. ООО «Бизнессофт». Россия, 2004.

¹⁰ Даль Х. Отчет экспедиции общества для содействия русской промышленности и торговле, для исследования водного и сухопутного сообщения Байдарацкой губы с Обью через перешеек полуострова Ямал. СПб., 1877.

¹¹ Словцов И.Я. Письма // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. / сост., вступ. ст. Ю.Л. Мандрики. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. С. 406.

¹² Соловьева Б.А. Александр Михайлович Сибиряков // <http://www.kapustin.boom.ru/journal/soloveva.htm>

француза времени года и от способа путешествия (с большими удобствами, доставленными А.М. Сибиряковым)»¹³.

Сибиряков оказывал материальную помощь и местным предпринимателям, к примеру, тоболяку К.Н. Николаеву, который разрабатывал проекты соединения р. Щучьей с Карским морем, железнодорожного сообщения Волжского и Обского бассейнов¹⁴.

Но самым значительным было участие Сибирякова в организации знаменитой полярной экспедиции А.Э. Норденшельда по Северо-Восточному проходу и вокруг Евразии в 1878–1880 гг. Сибиряков предложил ему финансовую поддержку для осуществления плаваний сначала по Карскому морю, а затем по всему Северному Ледовитому океану¹⁵. Средства на данную экспедицию были доставлены опять частью шведским правительством, частью королем Швеции и Норвегии Оскаром II (как частным лицом) и гетеборгским предпринимателем и меценатом О. Диксоном¹⁶. При этом Сибиряков оплатил около 40% всех расходов¹⁷. Целью экспедиции являлись разнообразные научные исследования на северных берегах Западной Сибири и в омывающих их водах, а также определение возможности установления судоходства вдоль северного побережья Сибири, от Карского моря до Берингова. Сибиряков помогал шведскому ученому и средствами, и богатой информацией о Сибири, которую собрал, изучая историю плаваний в водах арктических морей¹⁸.

А.М. Сибиряков и сам принимал участие в опасных экспедициях. В 1880 г. он участвовал в плавании из Норвегии (г. Варде) через Карское море к устью Енисея на собственном пароходе «Оскар Диксон» с капитаном Э. Никсоном, но пароход смог пройти только до Гыданской губы¹⁹.

¹³ Поездка на Северный Урал летом 1892 года / составил по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. С. 104.

¹⁴ Суханов И.И. Памяти Козьмы Николаевича Николаева // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. С. 102.

¹⁵ Норденшельд // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедия: в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами // Электронная версия: ИДДК. ООО «Бизнессофт». Россия, 2004.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Соловьева Б.А. Александр Михайлович Сибиряков // <http://www.kapustin.boom.ru/journal/soloveva.htm>

¹⁸ Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины... С. 90.

¹⁹ Там же. С. 92.

Сибиряков описал свое путешествие в статье «Плавание шхуны "Оскар Диксон" в 1880 г. к устью Енисея»²⁰. В 1882–1885 гг. Сибиряков вновь снарядил экспедицию на корабле «Норденшельд» для прохождения через Карское море на Енисей, но попытки вновь оказались неудачными²¹.

А.М. Сибиряков подводил итоги неудавшейся экспедиции: «Конечно, одно это плавание не дает еще оснований делать выводы о непригодности Карского моря для морских сообщений, но так как при моем посредстве были предприняты другие плавания к устью Енисея в течение нескольких лет до и после моей поездки, а равно и другими лицами по их собственной инициативе, имевшими одинаковую со мной цель, то в общем, я полагаю, есть достаточно оснований, чтобы вывести заключение о том, что плавания туда сопряжены с большим риском и имеют неопределенный характер, поэтому для коммерческих целей неудобны, иногда действительно Карское море освобождается ото льда, но это случается редко. Кроме того, негде возобновить запаса угля или провизии, нет телеграфа...»²².

Судоходство в полярных широтах активизировал в 1880-е гг. правительственный вердикт о беспошлинном импорте дефицитных товаров²³. Был разрешен беспошлинный провоз «Северным океаном к устьям Оби и Енисея иностранных товаров, за исключением: товаров мануфактурных, готового платья и белья, соды, стеклянных изделий, спирта и крепких напитков, чая, сахара, табака, патентованных лекарств, книг и вообще произведений печати»²⁴. В 1882 г. А.М. Сибиряков с помощью своего доверенного Пежемского пытался исследовать сухопутную дорогу от Обдорска до Югорского Шара, так как пароходы не всегда могли проникнуть в Обскую губу из-за «непроходимых льдов»²⁵. Возможность использования Югорского Шара

²⁰ Сибиряков А.М. Плавание шхуны «Оскар Диксон» в 1880 г. к устью Енисея // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. РГО. 1881. Т. XVII.

²¹ Соловьева Б.А. Александр Михайлович Сибиряков // <http://www.kapustin.boom.ru/journal/soloveva.htm>

²² Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб., 1907. С. 20.

²³ Дмитриев А. Ирбитская ярмарка // Урал. 2004. № 5 // Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/dm20.html>

²⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 42. Д. 310. Л. 5об.

²⁵ Там же. Лл. 1, 1об.

была известна еще с XVII в., по этому проливу передвигались русские путешественники по пути в Мангазею. Сибиряков планировал обустроить станцию на берегу пролива для приема грузов с пароходов и затем перевозить на оленях заграничные товары до Обдорска. Для этого он оправил на пароходе дом и амбар²⁶. Как обстояли дела с исследованием сухопутного пути от Югорского Шара до Обдорска, пока неизвестно. Конечно, морской путь давал огромную выгоду в доставке товаров, как по времени, так и по цене. Но возможности навигации в Карском море были очень ограничены, и даже летом иногда бывало скопление льдов, препятствующее проходу пароходов.

Подвижническая деятельность Сибирякова положила начало новому делу — освоению сибирского Севера и его морей. В последующем вопрос Северного морского пути неоднократно обсуждался в общественно-научной жизни страны, актуален он и в настоящее время²⁷.

Неудача проекта по открытию судоходства в Карском море привели Сибирякова к решению «остановиться на Печоре» и через нее установить связи Сибири с Европой. Проекты транспортной связи европейской Печоры с сибирской Обью, а если еще шире — Сибири с Северной и далее Западной Европой, возникали уже не раз с середины XIX в.²⁸

В 1880-х гг. А.М. Сибиряков начал осваивать смешанные водно-сухопутные пути из Европы в Сибирь, проявил инициативу постройки зимней дороги, соединяющей Урал и Северное Зауралье. В 1884 г. Сибиряков отправился до устья Печоры морем на своем пароходе «Норденшельд», проследовал вверх по реке, на оленьих нартах пере-

²⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 42. Д. 310. Л. 1об.

²⁷ К прим.: Белобородов В.Я. Товарный выход Западной Сибири к морскому порту // Северная Азия: общ.-полит. журнал. М., 1925. Книга 3. С. 11–23; Ноткин А.И. Северный морской путь: к вопросу о хозяйственном развитии Северной Азии // Северная Азия. 1925. Кн. 1–2. С. 28–43; Кн. 4. С. 53–75.

²⁸ Сидоров М. Проект купца Сидорова о заселении Севера Сибири путем промышленности и торговли и о развитии внешней торговли Сибири. Тобольск, Тип. губ. правл., 1864. 41 с.; Суханов И.И. К вопросу о торговых сношениях Сибири с Западной Европой. Тобольск, 1894. 10 с.; Богданович Е.Е. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб.: Типография Ф.С. Сушинского, 1868. 42 с.; Он же. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. Изд. 2-е. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1891. 44 с.; Голохвастов А.Д. Транзитные торговые пути из Сибири в Европу. СПб.: Коммерческая скоропечатня преем. Евгения Тиле, 1891. 26 с. (с 3 картами); Он же. Обь-Иртышский торговый путь между Западной Сибирью и Европейскими государствами. СПб.: Типо-литография, 1910. 25 с. (с картой).

ехал с устья Печоры через Урал на Обь в Березов и добрался по реке Тоболу до Тобольска. Таким образом, он лично выяснил условия для постройки сухопутной дороги, соединившей бы Сибирь и Урал²⁹. Это путешествие, как и предыдущие, было сопряжено с большим риском. По Северному Уралу предприниматель добрался до Ивделя. В пути Сибирякова сопровождал известный исследователь Западной Сибири К.Д. Носилов. Носилов пытался исследовать путь, по которому шел отряд С. Курбского осенью 1499 г., для этого он нанял проводников и отправился через Уральский хребет от зимних юрт Хурумпауль к реке Щугор³⁰. Осенью 1884 г. он встретился на Сабле-горе с известным деятелем Севера А.М. Сибиряковым, который разыскивал «нечто подобное, разуверившись в возможности плавания через Карское море к Сибири»; К.Д. Носилов поделился с ним своими идеями маршрута и обустройства дороги³¹. Сибиряков и в последующем проводил исследования в Зауралье. Так, в 1890 г. он производил разведки золотоносных песков в бассейне Северной Сосьвы³².

Сразу после исследования путей через Урал Сибиряков приступил к реализации своего проекта обустройства дороги. В 1885 г. уже была устроена зимняя дорога из Ляпина в с. Щугорское³³. 13 июня 1886 г. «высочайше разрешена была постройка северной Ляпин-Печорской дороги» шириной до 3 саженьей, типа «неопределенного», а 7 апреля 1889 г. «высочайше разрешено было строить южную Илыч-Сосьвинскую грунтовую проезжую дорогу, шириною до 6 саженьей, с правом пользоваться бесплатно срубленным при проведении дороги лесом»³⁴. Эта дорога, как и Ляпин-Печорская, устройством своим отвечала лишь зимнему сообщению. Сибиряковские пути соединяли конечные судоходные пункты Обского и Печорского бассейнов. Для Ляпин-Печорской дороги конечными пунктами были юрты Ляпинские по р. Ляпин и село Щугор на р. Печоре Усть-Сысольского уезда Вологодской губ.

²⁹ Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели... С. 93–97.

³⁰ Носилов К.Д. У вогулов: очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 231–276.

³¹ Там же. С. 276.

³² Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // И.С. Шемановский: Избранные труды. М.: Сов. спорт, 2005. С. 241.

³³ Там же. С. 232.

³⁴ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. М.: Либерея, 1995. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. С. 121.

(протяжение всего пути 170 верст, из них в пределах Березовского края — 59 верст), для Ильгч-Сосьвинского пути конечными пунктами стали юрты Няксимвольские на р. Сосьве и устье р. Лаги, впадающей в Ильгч, приток Печоры (Усть-Сысольского уезда), протяжение всего пути — 120 верст, из них в пределах Березовского края — 87 верст³⁵.

А.М. Сибиряков возбуждал ходатайство о заселении проводимых им дорог выходцами из-за Урала, причем отвод земель и устройство переселенцев он предоставлял заботам правительства, сам же выражал готовность оказать переселяющимся материальную помощь³⁶. Конечные пункты торговых путей А.М. Сибирякова в Зауралье — юрты Ляпинские и юрты Няксимвольские — привлекали коми переселенцев, занимавшихся торговлей и участвовавших в перевозке торговых грузов. В связи с развитием торговой деятельности А.М. Сибирякова в 1880-х гг. в Ляпинскую волость усилился приток коми-ижемцев, до этого времени чумы коми оленеводов появлялись близ Ляпина редко³⁷. По данным А.А. Дунина-Горкавича, в 1880-х гг. перевозчиками в транзитной торговле Сибирякова были «зыряне-олeneводы»³⁸. В 1880-х годах коми оленеводы Ляпинской волости приобретали солидный заработок от перевозки хлеба за Урал на Печору, который продавал А.М. Сибиряков; оседлые ижемцы с. Саранпауль также участвовали в транзитной торговле между Обдорском, Мужами и Ижмой, они занимались разными работами на Сибиряковой пристани и извозом³⁹.

Грузы доставлял речной пароход «Обь», их хранили в амбарах на Пристанском, или Сибиряковой пристани (Ляпинская пристань), которая размещалась на правом берегу р. Ляпин (Сыгва) на высоком берегу. В 1897 г. на пристани были следующие постройки — часовня, контора, дом конторщика, два больших пакгауза и несколько казарм для рабочих⁴⁰.

³⁵ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. М.: Либерия, 1995. Т. 1. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. С. 121.

³⁶ Там же.

³⁷ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. М.: Либерия, 1996. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 287.

³⁸ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север... Т. 1. С. 122.

³⁹ Там же. С. 122. 124.

⁴⁰ Михайлов А. Внутренние известия // Сибирский листок. 1898. № 3 (8 янв.). С. 2 // Сибирский листок: 1895–1900 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. С. 394.

Государственная
библиотека
Югры

17
03

Государственная
библиотека
Югры

КО

Грузы перевозили до с. Щекурья, от которого начинался тракт. Для передвижения по дороге использовался гужевой транспорт, регулярные рейсы начинались только зимой. Для отдыха ямщиков на всем протяжении пути было выстроено пять промежуточных станций⁴¹.

На Щугоре грузы оставляли в складах, а с начала навигации перегружали на морской пароход «Норденшельд». В обратную сторону шел такой же грузопоток. С 1884 г. в течение 14 лет пароходы Сибирикова совершали торговые рейсы из Архангельска и других портов в устье Печоры, откуда товары следовали далее в Сибирь. При этом Сибириков пользовался правом беспошлинного ввоза иностранной поваренной соли. Для облегчения доставки грузов Сибириков начал в 1886 г. оборудовать колесный летний путь, затратив на это огромные суммы. Был поднят также вопрос о постройке через волок узкоколейной железной дороги⁴².

Дать доступ продуктам из Сибири на Печору — значило для Сибирикова не только обеспечить печорское население дешевым продовольствием, но и изменить направление российских торговых путей в пользу Сибири. Сибирские грузы вывозились в Печорский край, Мезенский уезд, на Мурманский берег, в Северную Норвегию, Данию⁴³. Его путь во всех отношениях имел преимущества перед традиционным волжским путем, т.к. втрое сокращалась продолжительность доставки товаров, а сама доставка значительно удешевлялась. Было подсчитано, что доставка каждого вида товара трактом давала экономию примерно на 24 копейки⁴⁴. Сибириков старался поднимать интерес к дороге, устраивал рекламу. Так, он разместил карту «Сибиряковский тракт на Севере» в специальном приложении к газете «Екатеринбургская

⁴¹ Кеммерих А.О. Приполярный Урал: путеводитель. М.: Физкультура и спорт, 1970. С. 100.

⁴² Коновалова Е.Н. Путешествия тобольского мещанина А.И. Тротнгейма // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2006. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие: материалы междунар. симпозиума. С. 296.

⁴³ Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. Т. 49. С. 284.

⁴⁴ Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели... С. 95.

⁴⁵ Макашкина Л.П. Судьбы рекламных изданий в Екатеринбурге // Изв. Уральского гос. ун-та. 1998. № 9. С. 117.

неделя», которое выходило во время Сибирско-Уральской промышленной выставки в 1887 г.⁴⁵

Большой пользой для развития животноводства у местных жителей стало появление новых сенокосных угодий, оставшихся после постройки дороги. В Ляпинской волости казенные оброчные сенокосные участки площадью 250 десятин по рекам Ляпин (Сыгва) и Манье вблизи устраиваемой А. М. Сибиряковым грунтовой дороги в 1890 г. сдавались в арендное содержание; срок содержания устанавливался — 24 года, оценочная стоимость — 20 коп. за каждую сенокосную десятину⁴⁶. Так, в устье Маньи, на левом берегу, еще в первой четверти XX в. использовались хорошие сенокосные угодья, расчищенные еще Сибиряковым⁴⁷.

Современники высоко оценивали устройство транспортных путей на Севере Тобольской губернии. «Сибиряковский путь составляет главный оплот к развитию экономических сил Сибири и дает ей возможность выйти из той замкнутости, в которой она находилась целые столетия»⁴⁸. В докладе В. А. Студницкого-Гизберга «Культура Севера», прочитанном в губернском музее в 1896 г., прозвучало: история края свидетельствует, что Сибирь завоевана и изучена промышленными классами, а потому и в будущем лишь от предприимчивости таких промышленников и купцов, как покойный Сидоров или работающий в наше время А. Сибиряков, можно ожидать подъема жизни Севера⁴⁹.

Однако дорога, на которую возлагали столько надежд, так и осталась невостребованной. Царскому правительству, для которого задача развития Сибири вовсе не была первоочередной, тракт оказался попросту не нужен, а отечественные предприниматели и иностранные дельцы не сочли дорогу удобной и поэтому не торопились расставаться с деньгами для дальнейшей ее застройки⁵⁰. Сибиряковский тракт действовал в 1884–1898 гг. Он был рассчитан на гужевой транспорт и оказался нерентабельным. «По Сибиряковской дороге

⁴⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 700. Оп. 1. Д. 18. Лл. 44, 46.

⁴⁷ Дмитриев-Садовников Г. М. Экскурсия по р. Сосьве и др.: дневник экспедиции // Лукич. 2000. Ч. 4. С. 19.

⁴⁸ Левитов И. С. Сибиряковский тракт на Север. Екатеринбург, 1887. С. 30.

⁴⁹ Городская хроника // Сибирский листок. 1896. № 89 (14 нояб.). С. 3 // Сибирский листок: 1895–1900 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. С. 281.

⁵⁰ Беспалова Ю. М. Западносибирские предприниматели... С. 96.

перевозить пришлось гужом, а этим способом при огромных затратах едва ли можно перевезти более 300 тыс. пудов, и Сибирякову, пробившись несколько лет, затративши немало средств, пришлось отказаться от своей затеи»⁵¹. Также угасание Сибиряковского тракта связывается с постройкой железной дороги Печора — Лябытнанги из Западной Сибири через Урал в Европейскую Россию, которая открывала возможность вывозить сибирский хлеб в Западную Европу и привела к его резкому подорожанию⁵².

Переправа зерновых продуктов по тракту стала невыгодна. С 1 июля 1900 г. сибирские фактории (пристань) на Ляпине и Сосьве, а также и зауральские перешли во владение к тобольскому купцу А.А. Сыромятникову⁵³. В советское время Сибиряковским Ляпин-Печорским трактом пользовались геологи, охотники. Ильч-Сосьвинская дорога сохранилась в виде просеки, идущей от с. Няксимволь Березовского района. Просека есть и в северной части Печоро-Ильчского заповедника (на западных склонах Урала), ее называют «Сибиряковский тракт». Эта дорога поддерживается заповедником как противопожарная трасса⁵⁴.

Деятельность Сибирякова не ограничивалась целями экономического, промышленного и коммерческого плана. Ряд идей и благотворительных начинаний, принадлежащих ему, касается культурного строительства в Сибири. А. Сибиряков жертвовал огромные суммы на благотворительные цели, народное образование. Им было потрачено более 1,5 млн. руб. на изучение и освоение Сибири, а также на развитие в ней культуры и просвещения, он финансировал деятельность Восточно-Сибирского отдела ИРГО⁵⁵.

В Березовском округе Тобольской губернии Сибиряков оплатил сооружение каменного храма во имя Святых Первопрестольных

⁵¹ Воропай И.М. По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру // Природа и охота. 1901. Кн. III. С. 100–101.

⁵² Кеммерих А.О. Приполярный Урал: путеводитель. М.: Физкультура и спорт, 1970. С. 100; Голубчиков С.Н. Взойдет ли вновь звезда Сибирякова? (К 150-летию со дня рождения А.М. Сибирякова // <http://www.rcarktika.ru/EXPUE9XZS.htm>

⁵³ Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Шемановский И.С. Избранные труды. М.: Сов. спорт, 2005. С. 268, 272.

⁵⁴ Житенев Д.В., Серебрянный М.М. ООПТ России — Печоро-Ильчский заповедник // <http://reserves.biodiversiti.ru/pilich/comm.html>

⁵⁵ Сибиряков А. М. // Краткая энциклопедия по истории купечества. Новосибирск, 1997. Т. 1, кн. 1. С. 50–51.

Апостолов Петра и Павла с каменной колокольней в с. Обдорском (1886–1894 гг.)— «церковь построена в 1894 г. тшанием прихожан на пожертвования в сумме 25000 руб. купца А.М. Сибирякова»⁵⁶. 4 сентября 1894 г. церковь была освящена. Этот храм стал лучшим украшением Обдорска и обошелся в сумму около 100000 руб., из которых Сибиряковым было пожертвовано, по данным И.С. Шемановского, 30000 руб.⁵⁷

Сибиряков подавал прошение о строительстве церкви в Искарских юртах Сосьвинского прихода «с тем, чтобы при постройке его не вмешивались никакие власти». В январе 1893 г. Тобольская духовная консистория ответила положительно: «Постройка храма во всяком случае — дело доброе. Не хочет храмоздатель подчиниться законному контролю — пусть строит без нашего ведома, по каким планам и ценам желает. Но по окончании храма он должен быть передан духовному ведомству, которое по освидетельствовании его, если найдет годным к употреблению — примет с благодарностию, если же найдет негодным — оставит на ответственности строителя, как его собственность»⁵⁸. В мае 1893 г. по указу Тобольской духовной консистории было дано разрешение на строительство в этих юртах на собственные средства господина Сибирякова небольшой деревянной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая с тем, чтобы церковь эта была приписною к церкви села Сосьвинского⁵⁹.

В последующем планы Сибирякова изменились, им был построен храм в с. Няксимвольском. Возможно, что конечное решение было связано с его проектом по сооружению дороги через Урал. На средства Сибирякова была построена из кедрового леса церковь без колокольни во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского в с. Няксимвольском (1893 г.)— «Церковь построена в 1893 г. на средства иркутского 1-й гильдии купца, коммерции советника, потомственного почетного гражданина А.М. Сибирякова»⁶⁰, им же в 1895 г. был построен дом священника⁶¹.

⁵⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 24. Д. 576. Л. 55.

⁵⁷ Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае... С. 249.

⁵⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 32. Лл. 542–543.

⁵⁹ Там же. Л. 629.

⁶⁰ ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 24. Д. 482. Л. 56; Там же. Д. 576. Л. 48.

⁶¹ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Типография Епархиального братства Св. Великомученика Димитрия Солунского, 1913. С. 35.

Дома для причта были построены Сибиряковым также для церкви во имя Богоявления Господня в с. Щекуринском — «Дома для служителей церкви на церковной усадебной земле деревянные и построены тщанием благотворителя А.М. Сибирякова в 1894 г.»⁶².

А.М. Сибиряков способствовал просвещению в крае. Он обеспечивал литературой церковно-приходские школы. К примеру, в отчете церковно-приходской школы с. Сосьвинского (Сартынья) за 1889–1890 учебный год отмечалось, что в библиотеке школы «имеются книги Священного Писания в количестве 250 экземпляров, пожертвованные в сосьвинскую церковь купцом Александром Михайловым Сибиряковым. Ученики пользуются, для чтений даются на дом»⁶³.

Сибиряков участвовал в финансировании газеты «Сибирский листок» в 1890–1893 гг.⁶⁴ А.М. и его брат И.М. Сибиряковы оказали финансовую помощь в борьбе с голодом и эпидемией холеры на юге Тобольской губернии, когда в 1891 г. в результате жаркого и засушливого лета кобылкой было истреблено более 350 тыс. десятин посевов⁶⁵. Распространение холеры было связано с увеличением количества переселенцев, первые случаи заболевания обнаружили именно в пересельных бараках в Тюмени, а умерло во время эпидемии 14117 человек⁶⁶. Сибиряковы пожертвовали значительные денежные средства, на которые был организован санитарный отряд, состоящий из студентов-медиков, врачей и фельдшериц во главе с Г.П. Сущинским. Общее руководство отрядом осуществлял Н.М. Ядринцев⁶⁷. В трудную зиму 1892 г. А.М. Сибиряков организовал столовые по всей Тобольской губернии⁶⁸. Сибиряков построил на свои средства «двор» на Тюменском переселенческом пункте в 1890-х гг., который включал четыре жилых барака, баню, колодец, кухню со столовой⁶⁹.

⁶² ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 24. Д. 576. Л. 17об.

⁶³ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 26. Л. 491об.

⁶⁴ Тобольск, 20 декабря 1900 // Сибирский листок. 1900. № 100 (21 дек.). С. 2 // Сибирский листок: 1895–1900 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. С. 564.

⁶⁵ Шиловский М.В. Патриот Сибири: к 160-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева // Сибирский исторический журнал. Тюмень: ТюмГУ, 2002. Вып. 1. С. 101.

⁶⁶ Шиловский М.В. Патриот Сибири... С. 101.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели... С. 102.

⁶⁹ Калинин А. Тюменский переселенческий пункт в 1896 г. // Сибирский листок. 1896. № 55 (18 июля). С. 2 // Сибирский листок: 1895–1900 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. С. 175.

Организация и финансирование исследовательских экспедиций, просветительская, благотворительная деятельность, попытки включения Сибири в широкий экономический и культурный европейский контекст — это различные грани биографии А.М. Сибирякова. Его волновали проблемы путей сообщения в Сибири и связи ее с другими странами. Он посвятил им около 30 статей, опубликованных в 1881–1914 гг. главным образом в томской газете «Сибирская жизнь». В своей крупной печатной работе «К вопросу о внешних рынках Сибири...», изданной в 1894 г., Сибиряков говорил о возможности соединения сибирских рек — Оби, Енисея, Лены и Амура — каналами для создания единой системы водоснабжения Сибири⁷⁰. В 1907 г. А.М. Сибиряков издает с помощью известного русского публициста М.М. Стасюлевича книгу «О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами», в которой он объединил свои статьи и вместо предисловия включил размышления «Об автономии Сибири»⁷¹. Ряд его статей был опубликован в двух немецких журналах: «Petermanns Geographische Mittheilung» и «Deutsche Geographische Blätter». В 1910 г. в Цюрихе вышла книга Сибирякова «К вопросу о внешних сношениях Сибири с Европой» на немецком языке⁷².

Научные исследования, проводимые как им самим, так и на его пожертвования, носили помимо академического и большое практическое значение, способствовали определению народно-хозяйственного и географического положения края в России и по отношению к близлежащим государствам⁷³.

В честь А.М. Сибирякова полярный исследователь А.Э. Норденшельд назвал остров в Енисейском заливе, имя Сибирякова носил советский ледокол. К сожалению, имя А.М. Сибирякова в Тюменской области из-

⁷⁰ Сибиряков А.М. К вопросу о внешних рынках Сибири. О важности водного сообщения между Тобольском и Енисеем через устья Оби и Енисея. Тобольск, 1894. С. 11.

⁷¹ Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб., 1907. 189 с.

⁷² Соловьева Б.А. Александр Михайлович Сибиряков // <http://www.kapustin.boom.ru/journal/soloveva.htm>

⁷³ Дегальцева Е.А. Геополитические аспекты изучения Сибири научными обществами во второй половине XIX — начале XX в. // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 113.

вестно недостаточно широко. Слабо изучена его благотворительная деятельность, вклад в развитие культуры, промышленности, торговли. С 2000-х гг. отмечается рост интереса к личности и деятельности А.М. Сибирякова. В Зауралье в память о Сибирякове улица в маленькой деревне Щекурья Саранпаульской сельской администрации Березовского района ХМАО — Югры, от которой начинался Ляпин-Печорский тракт, в 2002 г. по решению Саранпаульской сельской администрации получила название «Сибиряковская». В 2003 г. была организована военно-патриотическая республиканская экспедиция молодых краеведов и спортсменов Республики Коми «Звезда Сибирякова», посвященная 150-летию Александра Михайловича Сибирякова и 82-й годовщине Республики Коми⁷⁴. В 2006 г. проводилась историко-этнографическая экспедиция «Сибиряковский тракт», по итогам которой подготовлен радиопроjekt радио «Югория», занявший первое место на фестивале «Тюменская пресса — 2006»⁷⁵. В 2006–2007 гг. на территории Березовского района проходила историко-этнографическая экспедиция Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) и ИПОС СО РАН (г. Тюмень), в задачи которой входил и сбор полевых данных о деятельности А.М. Сибирякова и функционировании Сибиряковского тракта.

С конца XX в. в российском обществе возрастает значение предпринимательства, благотворительности, меценатской деятельности в развитии культуры, образования, научных исследований. В связи с этим особый интерес представляет обращение к опыту и достижениям дореволюционной России, когда практика меценатства имела широкие границы (и географические, и социальные). И наша задача как потомков принять наследие лучших стандартов деловитости, инициативности, благотворительности, нравственных ориентиров, патриотизма, знать и чтить память людей, являющихся по праву культурными символами региона, одним из которых является Александр Михайлович Сибиряков.

*Нина Повод,
канд. ист. наук*

⁷⁴ http://www.ra9xf.kominet.ru:8101/SRC/exped_sibir.htm

⁷⁵ <http://www.admhmansy.ru/news/full/?id=7749>

О северных путях

(Письмо в редакцию от А. М. Сибирякова)

Ввиду разноречивых слухов о моей поездке в Сибирь на пароходе «Норденшильд» летом с.г. имею честь сообщить следующее. После того, как я отправил пароход «Норденшильд» с устья реки Печоры (близ бара) в Архангельск, я, пересев на пароход «Обь», отправился на нем вверх по Печоре. Считаю при этом нелишним заметить, что Печорский бар не обставлен никакими знаками, поэтому переходить через него для судов даже малой осадки представляется довольно затруднительным: если бы не катер, который шел впереди «Оби», постоянно указывая ей дорогу, то «Обь» легко могла бы сесть где-нибудь на мель. «Обь» пришла в Кую 24 августа; несмотря на полную выгрузку товаров, мы не могли добраться далее вверх по Печоре даже до Усть-Цыльмы, и это не потому, чтобы река была мелководна, но вследствие песчаных кошек, рассеянных по фарватеру и не обставленных никакими знаками. 30 августа, сев на мель в 20 верстах от Усть-Цыльмы и не снявшись с нее спустя несколько часов, я решил оставить «Обь» на зимовку в Хабарихе, в 40 верстах ниже Усть-Цыльмы, где зимовал ранее пароход «Георгий», сам же на лодке отправился далее и прибыл в село Оранец 8-го сентября. Из Оранца я выехал на оленях 15-го сентября на Урал. На следующий день близ горы Сабля встретил г. Носилова, с которым мы и поехали чрез Урал вместе. Зимний Щекурьинский проход описан г. Носиловым во 2-м выпуске «Известий Императорского Русского географического общества» за 1884 г., летний мало от него разнится. Идя по болотистой равнине от Оранца до горы Сабля (более 40 верст), он переходит отсюда к реке Патэк на расстоянии около одного дня оленного пути (верст 20) и затем следует этой речкой до самого истока ее из озера, имеющего около одной версты длины. Озеро это — или, правильнее, два, соединенные друг с

другом речкой, — находится у самого водораздела. Перевалив через отлогую возвышенность, составляющую водораздел обеих речных систем, обской и печорской, дорога спускается по ней к реке Щекурье, у подошвы ее протекающей, и следует ей до так называемой остяцкой дороги, хорошо прорубленной и настолько вообще удобной, что на будущее время я предпочел бы по ней путешествовать на лошадях. Впрочем, и ранее еще, у водораздела, можно найти следы летней дороги. Эта остяцкая дорога ведет к вершинам речки Польи, притока реки Щекурьи, и спускается по последней до избы г. Шишкина, производившего когда-то разведку золота по реке Полье. Изба эта находится в 25–28 верстах от Щекурьиного селения, отсюда летняя дорога совпадает с зимней. Она оставляет реку Полью и выходит к болотистой равнине, в 15–17 верстах от селения. Зимой болота удобны для переездов, летом же путешествие по ним крайне затруднительно, лучше ехать от избы г. Шишкина другой дорогой, а именно: не оставляя речки Польи, следовать по ней до самого впадения ее в реку Щекурию, находящегося близ села Щекурьиного; говорят, что там будто бы даже существует прорубленная остяцкая дорога. В с. Щекурьиное я приехал 27-го сентября, после 12 дней пути из Оранца, из коих три дня мы отдыхали; отсюда в тот же день на лодке отправился в зырянские юрты и Березов, куда прибыл 1-го октября, а 18-го октября приехал в Тобольск. Что касается до пароходного сообщения с одной стороны по реке Печоре, с другой по рр. Сыгве и Сосве, то по Печоре до Оранца нет никаких препятствий для плавания пароходом неглубокой осадки, и в настоящее время имеются на Печоре уже три парохода, которые рейсируют от пристани Якши, находящейся в 600 вер. выше Оранца, до самого устья, по Сосве же и Сыгве из Тобольска товары мои доставлены были нынешним летом на пароход, т. к. обе реки эти вполне судоходны.

Я думаю, что так как Щекурьинский проход чрез Урал простирается всего на 170 верст и не представляет никаких препятствий для устройства летней дороги, чрез что грузы, доставленные морем к устью Печоры, могли бы в одну и ту же навигацию попадать в Сибирь и наоборот, то в будущем путь этот должен иметь большое значение и для морского сообщения Сибири с Европой.

Восточное обозрение. 1885. № 1 (3 янв.). С. 8.

Новый путь на Печоре

(Письмо в редакцию А.М. Сибирякова)

Несколько времени тому назад в газетах сообщалось, что я имею намерение устроить летнюю дорогу чрез Уральский волок, между реками Печорой и Сыгвой, и именно от д. Оранца на Печоре до с. Щекуринского на Сыгве. Действительно, когда я проехал в прошлом году осенью чрез этот волок, у меня явилась мысль об устройстве чрез него грунтовой дороги для перевозки товаров по нему и летом, т.к. зимой им уже издавна пользуются зыряне для той же цели. Меня оттаивала только болотистость некоторых местностей по волоку, а именно от д. Оранца до горы Сабля около 40 верст и близ Щекуринского селения на протяжении около 15 верст*.

Приехав нынешним летом из Архангельска на Печору, я пожелал осмотреть другой путь чрез Урал к тому же Щекуринскому селению, который также уже издавна известен, именно чрез р. Щугор, впадающую в Печору в 80 вер. выше дер. Оранца, и пришел к тому заключению, что путь чрез Щугорский волок имеет многие преимущества пред первым путем.

Т.к. до перевала чрез Урал и именно до устья Торговой речки, впадающей в реку Щугор, я поднимался на лодке по р. Щугору, то я не могу в настоящее время с точностью судить о качествах сухопутного пути от этого пункта до с. Щугорского на Печоре (при устье реки этого имени), по отзывам же зырян, тут нет гор и местность сухая.

Что же касается до перевала чрез Урал от устья Торговой речки к Щекуринскому селению**, то и он имеет то преимущество пред перевалом из Оранца, что как сам он, так и даже следующие возвышенности еще более пологи и по большей части лесисты. Выйдя на один из притоков рч. Картуса, впадающей в реку Щекурью, спустившись по нему и этой речке до ее устья и следуя потом рекой Щекурьей до самого Щекуринского селения, можно избежать всех болот, которые находятся около последнего. Я уже отправился от вышеупомянутого притока речки Картуса к речке Чортынье, впадающей также в реку Щекурью, и потом от нее остяжкой дорогой прямо до с. Щекуринско-

* Впрочем, последние болота устранялись, если пользоваться для проведения дороги речкой Польей, впадающей в р. Щекурью.

** Я ехал это расстояние (около 100 верст) на оленях около 5 суток.

го, но тот путь, хотя и более близкий, — почти столь же неудобен, как этот, который я испытал в прошлом году пред этим селением: не доходя верст 15 до него, местность становится сильно болотистой.

Расстояние же обеих сухопутных дорог к Щекуринскому селению как от д. Оранца, так и от с. Щугорского почти одинаково.

К этому нужно прибавить, что самая река Щугор, вероятно, окажется годной для весеннего сплава, по крайней мере, от речки Тальпоса или немного ниже ее.

Сообщая о своей поездке на Печору в прошлом году, я высказал мнение, что путь этот может служить и для морского сообщения Сибири с Европой; поэтому замечу кстати, что в нынешнем лете даже в начале июля — и, полагать должно, в конце июня — путь от Архангельска на Печору был совершенно чист ото льда, нигде — ни около острова Колгуева, ни в устье Печоры не было заметно даже следов льда.

Восточное обозрение. 1885. № 47 (5 дек.). С. 9.

Березов на рубеже XIX и XX веков в письмах А.Я. Штернберга

Краткие сведения об Ароне Яковлевиче Штернберге (1871—после 1940), служившем в 1898–1901 гг. березовским окружным врачом, удалось отыскать более десяти лет назад, впервые они опубликованы в книге «Югорские краеведы: материалы к библиографическому словарю» (Шадринск, 1995). С того времени все теплилась, но никак не сбывалась надежда отыскать дополнительные сведения об этом весьма заметном человеке, который никак уже не должен был бесследно затеряться. Надежда питалась еще и тем, что его старший брат Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) был крупным ученым-этнографом, членом-корреспондентом Академии наук, и где-то наверняка хранился его архив, а в нем, вероятно, — и письма брата, и фотографии, и другие документы.

Летом 2006 г., будучи в командировке в Санкт-Петербурге, зашел в филиал архива РАН для первого знакомства с бумагами Х.М. Лопарева. Попутно поинтересовался, нет ли в архиве фонда Л.Я. Штернберга. Оказалось, что есть. В нем и отыскались три публикуемых письма А.Я. Штернберга ко Льву Яковлевичу и его невесте, а вскоре и жене — Саре Аркадьевне Ратнер. К сожалению, других свидетельств березовского периода жизни Арона Яковлевича в фонде не нашлось. Особенно жаль, что нет фотографий.

В.Б.

Березов

18 января [1900 г.]

Дорогой Лев! Несказанно рад за тебя, что дали тебе возможность жить в Петербурге и работать. Рад, что устроился ты мало-мало спокойно и доволен своей семейной жизнью.

Очень грустно, что я пока лишен возможности пожить вместе с тобой и Сарой. Не знаю, к сожалению, когда это случится наконец.

Ну да Бог милостив. Пока что живу, стараясь, чтобы время даром не пропадало. Березов — оживленный (сравнительно) городок... можно устроить так, что не будет ни одного свободного вечера. Часто езжу в округ и делаю кое-какие, правда, незначительные заметки, которыми делюсь с читателями «Сиб. жизни» и «Сиб. листка». В последней газете, издающейся в Тобольске и редактируемой неофициально Викт. Костюриным¹, административным ссыльн[ым], я веду особый отдел под названием «Березовская хроника» и «Березовские письма». Не забудь, что Березовский уезд имеет очень важное значение для Зап. Сибири, т.к. по Оби идет пароходное сообщение с Лондоном и другими европ[ейскими] центрами, из которых в бухту Находка в Обской губе приходят к нам, навстречу нашим пароходам, большие морские корабли. Нынче на наш уезд еще больше обращено внимания, т.к. от крайнего пункта Сев[ера] З[ападной] Сибири, с Обдорского, в 500 вер[стах] сев[ернее] Березова, проектируется железная дорога через Урал и Большезем[ельскую] тундру к Белковской губе против Маточкина Шара. Вследствие этого предп[олагаемого] пути Березов видит часто разного рода инженеров и проектиров и т.д.

Кроме того, уезд полон, так сказать, этнографии, фольклористики, антропологии и пр. и пр., так что сюда недаром ежегодно приезжают ученые для исследования остяков, самоедов и вогулов. Со всеми этими проезжими, проф. Папаем², магистром Сирелиусом³, вице-инспект[ором] кор[пуса] лесничих Маркграфом⁴ и др., я перезнакомился и почерпал от них немало интересных сведений. Не говорю

¹ Костюрин Виктор Федорович (1853–1919) — общественный деятель. Был осужден за противоправительственную деятельность. После тюремного заключения и ссылки, которые отбывал в Забайкалье и Якутии, в августе 1894 г. приехал в Тобольск и сразу стал сотрудником редакции «Сибирского листка», а после середины 1900 г., когда его жена М.Н. Костюрина была утверждена редактором-издателем газеты, — фактическим ее редактором. Состоял в различных обществах, был действительным членом губернского музея, входил в состав его редакционной комиссии.

² Попай Йожеф — венгерский лингвист, исследователь хантыйского языка.

³ Сирелиус Уно Тави (1872–1929) — финский этнограф. Совершил две длительные экспедиции в Западную Сибирь: к ханты в 1898 г. и к ханты и манси в 1899 — феврале 1900 г. Автор труда «Домашние ремесла остяков и вогулов».

⁴ Об экспедиции Маркграфа см.: Внутренние известия. Обдорск // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 523.

уже о том, что, будучи помимо всего людьми крайне интеллигентными, они заставили меня хоть на короткий [миг] забыть, что судьба закинула меня под 64° сев[ерной] широты.

Надеюсь, что впоследствии соберусь с силами и, по крайней мере в виде пробы, начертаю очерк Березовского края: уж больно много любопытного в тундре, чтобы держать все это втуне. Ну, да еще когда будет.

Работаю по медицине старательно, много читаю, выписываю почти все журналы и газеты медицин[ские]. Общелитер[атурные] новости получаются в Пушкинской общ[ественной] библи[отеке], создавшейся при мне и некоторым образом благодаря мне⁵.

В конце прошлого столетия, за несколько дней до нового года, я сделал ампутацию обеих ног в нижней трети голени у одного зырянина, который при 49° мороза в дороге отморозил себе обе ступни. Сейчас он вполне здоров, и вскоре выпишем ему искусственные ноги. Доклад об этом случае, интересном по многим причинам, посылаю в Омское физико-медицинское общество. Операция трудноватая, да и вдобавок без помощников (всего два фельдшера). В общем операц[ий] делаю мало, все мелкие. В больнице (на 40 кров[атей]) бывают зачастую интересные больные.

Хороших знакомых у меня здесь немного: судья, учитель, несколько человек пятого сословия и только. Остальные — официальщина.

Наибольшие радости мои здесь — это вести о родных, идущие из-за Урала, но пишут ужасно редко, именно ужасно. И ты даже, Брут, то бишь Лев Яковлевич. А ты ведь самый что ни на есть аккуратист в переписке. И вот от аккуратиста жду аккуратных писем. Целую тебя тысячу и один раз и желаю всего лучшего.

Твой Арон

Тебе, дорогая Сара, вторая моя сестрица, большущее спасибо за приписку. Знакомы мы с тобой уже давным-давно, с тех пор, как Лев впервые написал мне о том, что он просит пока держать в секрете, хотя это уже было дело решенное, именно о предст[оящей] семейной радости у Штернбергов.

Кого Лев полюбил, того я, любя его, не могу не любить. Я верю в его вкусы. Мой Лев прежде всего человек и ищет прежде всего челове-

⁵ См. в настоящем выпуске публикации «Грязновы» и «Из истории березовской Пушкинской общественной библиотеки...»

ка. Если он в Саре его нашел, то чего же еще желать большего. Жду не дождусь момента, когда окажусь в Петербурге вместе с вами обоими. Целую тебя и желаю всего-всего лучшего.

Твой Арон

Снимитесь оба и пришлите карточку.

Березов

1900. 20 июля

Дорогой Лев и Сара!

Сердечно поздравляю вас и желаю вам всего лучшего в жизни. Огорчен глубоко, что лично не могу обнять вас и видеть вас. Но свет не сошелся клином, я надеюсь получить отпуск и свидеться со всеми. Я твердо уверен, что у моего милого Льва должна быть милая жена, уверен, что не разочаруюсь.

Проклинаю 64° северной широты за то, что под ним нет телеграфа. Твое, Лев, письмо получил 18-го июля. Оно было тобою писано 2-го. 16 суток я не знал, что в нашей семье совершилось радостное событие.

Итак, «воображаемо» обнимаю вас, жму вам руки и горячо желаю всех земных благ. Горю интересом увидеть вас поскорее.

Ваш Арон

Спасибо тебе, Лев, за карточку, кстати сказать, очень удачную.

Новостей у меня мало. У всех теперь на языке и на уме мобилизация. У меня забрали 3-х фельдшеров и смотрителя больницы. Меня самого спасло то, что я заведу больницу, содержимой на инородческие суммы, а это освобождает от службы в ополчении.

Кстати, война, мобилизация — вот три стимула, побуждающие теперь наш городок спать поменьше. Последнее у нас известие: бомбардировка Благовещенска-на-Амуре. Но мы живем 20-го июля событиями 9-го июля. Недаром Березов близок к Полярному кругу.

Помимо медицины, своих непосредственных занятий, работаю по этнографии, пишу в «Сиб. жизни» и «Сиб. листке». В «Ежегодн[ике] Тоб[ольского] Губ[ернского] Музея» за 1899 г. напечатана моя «Остяцкая легенда о сотворении мира». Для образца моих бумагомараний в «Сиб. листке» посылаю тебе № с передовой статьей моей и корресп[онденцией] моей же из Березова. Пишу почти в каждом №, по возможности откликаясь на все важные «события» нашей жизни.

О Медвежьем празднике собирать сведений не буду, ибо прекрасно, верно и точно вполне все сведения собраны у Гондатти⁶ в его сообщении Общ[еству] Люб[ителей] Естеств[ознания] и пр. в Москве, кн. VIII. Протоколы 49–65 засед[аний] (29 янв. 1885 — 14 ноября 1887 года). Изд[ание] 1888 г. Сообщение это сделано под названием «Куль[т] медведя у инородцев Северо-Западной Сибири».

О столбах северн[ого] сияния остяки понятия не имеют.

Ну, будь здоров и счастлив. До свидания!

Твой Арон

Просьбу твою насчет шкурок, если удастся, исполню.

Березов

1900. 1 октября

Дорогой Лев! Спасибо тебе за твое письмо от 8 сентября (получил его 29-го сентября — сравнительно быстро).

План мой относительно отпуска не удался. Во всем виновата эта проклятая китайская война: забрали много врачей на войну, и вследствие этого некому было меня заменить на время отпуска. Теперь точно не знаю, когда сумею выбраться в Россию.

Пока что работаю по-прежнему, не покладая рук. Читаю, кое о чем пишу, сотрудничаю в «Сибирской жизни» и «Сиб. листке». Не ску чаю. Здоров.

Рад, что ты в Питере и работаешь. С удовольствием узрю твою гилячину. Не сумеешь ли ты прислать мне твоих «Сахалинских гиляков» из «Этнографического обозрения». Про северное сияние расспрашивал. Узнал следующее. Называется сияние по-остяцки «Торум тут» (Торум — бог, тут — огонь), божий огонь. Ни к каким событиям остяки северн[ое] сияние не приурочивают. Вместе с русскими они уверены, что это перед холодом или сильным теплом. Оговариваюсь, что расспросы сделал у «цивилизованных» остяков. Зимой расспрошу ка-

⁶ Гондатти Николай Львович (1863–1945) — ученый-этнограф, государственный деятель. Сразу после окончания Московского университета, с мая 1885 по апрель 1886 г., совершил поездку в Березовский округ для антропологических, этнографических и зоологических исследований, посетил Березов и Обдорск, обследовал бассейны Северной Сосьвы, Ляпина и Казыма. В 1906–1908 гг. — тобольский губернатор. Впоследствии — томский губернатор и генерал-губернатор Приамурского края. Умер в эмиграции в г. Харбине.

зымских остяков, находящихся еще в первобытном состоянии и удаленных от всякой русской культуры.

От Абрама, Савелия и Давида⁷ ни слова. Только сестра да родители исправны. От них получил одновременно с письмом от тебя поздравительную карточку. Поздравляю тебя с Новым годом и желаю всяческих благ.

<...>

Обнимаю тебя и целую крепко.

Любящий Арон

⁷ Абрам, Савелий, Давид — братья А.Я. Штернберга.

Грязновы

В конце лета 1896 г. в Березове появился новый штатный смотритель уездного училища и училищ Березовского округа Петр Никандрович Грязнов, до этого служивший в г. Каинске Томской губернии. Приехавший годом позднее выпускник Омской учительской семинарии Федор Филиппович Ларионов вспоминал на склоне лет в «Семейной хронике»: «Моим начальником по [Березовскому] училищу оказался, неожиданно для меня, мой бывший учитель по Каинску Петр Никандрович Грязнов, которым я был встречен весьма радушно»¹.

П.Н. Грязнов, сын чиновника, в 1883 году окончил Томское Алексеевское реальное училище и в следующем году начал преподавать в Каинском уездном училище арифметику и геометрию, а с 1889 г. там же — историю и географию.

Переехав в Березов, Петр Никандрович, помимо смотрительских, стал обрастать и другими обязанностями. Уже в начале следующего года он был назначен членом Березовского отделения Томского епархиального училищного совета. Кроме того, по предложению Главной физической обсерватории принял на себя заведование метеорологической станцией и ведение наблюдений, за что обсерватория в письме от 20 августа 1898 г. выразила ему благодарность, а 5 марта 1903 г. Императорская академия наук по представлению обсерватории за оказанную науке пользу утвердила его корреспондентом Николаевской главной физической обсерватории с выдачей диплома. В начале 1901 г. Петр Никандрович был избран действительным членом Тобольского губернского статистического комитета. Помимо этого, состоял Грязнов еще и членом строительного комитета по постройке училищных зданий в Березове. За ревностное и успешное

¹ Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника: материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск, 1993. С. 11.

исполнение этой последней обязанности попечитель Западно-Сибирского учебного округа 30 декабря 1905 г. выразил ему благодарность.

Отдельно следует сказать об участии П.Н. Грязнова в просвещении населения северного городка, не отличавшегося богатством и разнообразием культурной жизни. В отчете о состоянии учебно-воспитательной работы в Березовском уездном училище за 1901–1902 учебный год он отмечал, что деятельность членов педагогического совета, кроме прямых забот о воспитании и обучении учащихся, «была направлена к тому, чтобы училище, как центр просвещения северного края, по возможности принимало участие во всех случаях проявления умственной жизни и чтобы от училища же исходила инициатива всех общеобразовательных начинаний, как-то: поддержка общеобразовательных учреждений, устройство воскресных чтений, празднование юбилеев русских писателей, устройство детских праздников и пр.».

Далее штатный смотритель сообщает, что в истекшем учебном году училище «самое горячее участие» приняло в изыскании средств на поддержание Пушкинской общественной библиотеки, которая начала создаваться в 1899 г. в ознаменование 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина (Петр Никандрович — один из инициаторов ее устройства и впоследствии — заведующий библиотекой). После того как в феврале 1902 г. было получено разрешение на проведение воскресных народных чтений «с гуманными картинками», состоялось до конца учебного года шесть чтений; кроме учителей в них участвовали мировой судья В.С. Масловский, врач И.И. Зальмунин, акцизный чиновник Г.А. Енбаев, чтения охотно посещались публикой. В помещении уездного училища проведены чествования памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. 7 октября 1901 г. здесь же был публично и торжественно выставлен портрет бывшего штатного смотрителя Н.А. Абрамова в память об его заслугах перед городом. В этот день на квартире П.Н. Грязнова была устроена подписка, собранные 130 рублей переданы штатному смотрителю для употребления их на нужды учащихся, преимущественно из инородцев. Педагогический совет постановил часть этих денег выплатить учительнице А. Добровольской, взявшей на себя труд подготовки четырех мальчиков из бедняков к поступлению в уездное училище. По просьбе штатного смотрителя городское управление уступило одну из своих комнат для заня-

тий с мальчиками, готовящимися поступить в первый класс, и этим помещением училище пользовалось с 1 ноября по 1 июня².

Проработав в Березове 10 лет, П.Н. Грязнов, согласно прошению, был с 1 августа 1906 г. перемещен учителем-инспектором Курганского городского четырехклассного училища, а через год, также по его просьбе, — учителем-инспектором Бийского Пушкинского городского трехклассного училища. В 1908 г. Грязнов был затребован в Томск, где попечитель Западно-Сибирского учебного округа поручил ему исполнять должность инспектора народных училищ 4-го района Томской губернии. По-видимому, в Томске и продолжалась вся его дальнейшая служба. Как видно из формулярного списка, заполненного в августе 1911 г., к этому моменту 46-летний педагог имел четыре государственных награды: орден св. Станислава 2-й и 3-й степеней, св. Анны 3-й степени и серебряную медаль в память императора Александра III³.

В Березове у Грязновых родились трое сыновей: Николай (1899), Михаил (1902) и Александр (1903). О среднем из них — Михаиле — недавно удалось узнать, что он стал крупным археологом, доктором исторических наук, профессором, исследователем Сибири, Алтая, Казахстана. По сведениям, сообщенным В.В. Огрызко, Михаил Петрович окончил Томское реальное училище и в 1919 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Томского университета. Позже он перевелся в Петроградский университет, но каждое лето ездил на раскопки в Сибирь. В 1945 г. М.П. Грязнов защитил кандидатскую диссертацию «Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане», а через пять месяцев стал доктором наук. В статье В.В. Огрызко приводится еще ряд подробностей биографии М.П. Грязнова, но ошибочно утверждается, что он родился в 1908 г., а не в 1902-м, как свидетельствует формулярный список его отца⁴.

В 1959–1974 гг. М.П. Грязнов руководил Красноярской археологической экспедицией, работавшей в зоне затопления Красноярской гидроэлектростанции. Он автор более 200 научных работ. Умер в 1984 году в Ленинграде.

Валерий Белобородов

² История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 271–273.

³ Гос. архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2659. Лл. 7–15 об.

⁴ Огрызко В.В. Североведы России: материалы к биографическому словарю. М., 2007. С. 138.

Из истории березовской Пушкинской общественной библиотеки

Одна из старейших библиотек Западно-Сибирского Севера — Березовская центральная районная библиотека. В начале июня 1999 года праздновалось ее столетие. Праздник этот, надо сказать, был несколько преждевременным. В день столетия со дня рождения А.С. Пушкина в кругу березовской интеллигенции родилась лишь мысль собрать в ознаменование этого юбилея общественную библиотеку. Дату ее открытия — 19 февраля (ст.ст.) 1900 г. — называет тобольская газета «Сибирский листок». В этот день, сообщалось в заметке, в здании уездного училища, где приняла первых читателей библиотека, был отслужен молебен, и заведующий библиотекой П.Н. Грязнов выступил с речью. 19 февраля 1901 г. была отмечена первая годовщина существования библиотеки, с отчетом о ее работе выступил тот же П.Н. Грязнов. Прямые же библиотечарские обязанности исполнял учитель Ф.Ф. Ларионов.

Документы Государственного архива Томской области подтверждают, что библиотека открылась позднее июня 1899 года, и позволяют проследить, как ходатайство березовской общественности, желавшей приохотить к чтению грамотных горожан, двигалось по ступеням бюрократической лестницы. Казалось бы, библиотека — дело березовцев и только их, но на деле открытие ее могло состояться не раньше, чем на то дадут соизволение свыше. Оно и пришло осенью 1899 года.

11 октября управляющий Министерством народного просвещения и директор департамента (подписи неразборчивы) уведомляли из Петербурга попечителя Западно-Сибирского учебного округа о разрешении учредить при Березовском уездном училище общественную библиотеку на изложенных в проекте правил условиях и присвоить

ей наименование «Пушкинская». Через некоторое время из Томска через Тобольск эта весть дошла до Березова.

В 2000 г. часть документов, имеющих отношение к открытию библиотеки, была опубликована в № 4 журнала «Лукич», в частности «Правила для Пушкинской общественной библиотеки, помещавшейся при Березовском уездном училище» (С. 146–150). В этом выпуске «Подождника» мы помещаем два списка книг, пожертвованных библиотеке в январе и феврале 1900 года, и протокол педагогического совета Березовского уездного училища от 30 сентября 1900 года о выписке газет и журналов для библиотеки на 1901 год.

**Список книг, пожертвованных разными лицами
в Пушкинскую Березовскую общественную библиотеку
в январе месяце 1900 года**

№ п/п	Название книг	названий	томов	переплетов
1	2	3	4	5
1.	А.И. Полежаев. Полное собрание сочинений. Под ред. Введенского. Изд. Маркса	1	1	1
2.	А.С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. Под ред. Введенского. Изд. Маркса	1	1	1
3.	И.И. Козлов. Полное собрание сочинений. Под ред. Введенского. Изд. Маркса	1	1	1
4.	А.В. Кольцов. Полное собрание сочинений. Под ред. Введенского. Изд. Маркса	1	1	1
5.	Жюль Верн. Дети капитана Гранта, роман в 3-х частях. Москва. 1897 г.	1	3	1
6.	Его же. Таинственный остров, роман в 3-х частях. Москва. 1897 г.	1	3	1
7.	Его же. Путешествие к центру земли, роман. Москва. 1897 г.	1	1	1
8.	Его же. Воздушный корабль, роман. Москва. 1897 г.	1	1	1
9.	Его же. Вверх дном, роман. Москва. 1897 г.	1	1	1
10.	Его же. 80000 верст под водой, роман в 2-х частях. Москва, 1897 г.	1	1	1

1	2	3	4	5
11.	Его же. Вокруг света в 80 дней, роман. Москва. 1897 г.	1	1	1
12.	Его же. Зеленый луч, роман. Москва. 1897 г.	1	1	1
13.	Золя Эмиль. Рим, ром[ан]. Изд. 2-е. С.-Петербург	1	1	1
14.	Золя Эмиль. Лурд, ром[ан]. Изд. 2-е. С.-Петербург	1	1	1
15.	Золя Эмиль. Париж, ром[ан]. Изд. 2-е. С.-Петербург	1	1	1
16.	Сенкевич. Повести и рассказы. Том II. Перевод Добровского. Изд. Йогансона	1	1	1
17.	А. Михайлов. Дворец и монастырь. Исторический роман-хроника	1	1	1
18.	Памятная книжка Тобольской губернии за 1882 год со статьями об инородцах	1	1	1
19.	Биографическая библиотека Павленкова. М. Е. Салтыков, его жизнь и литературная деятельность. 1891 г.	1	1	1
20.	Достоевский, его жизнь и литературная деятельность	1	1	1
21.	Сакиа-Муни (Будда), его жизнь и философская деятельность	1	1	1
22.	Дж. Гарibaldi, его жизнь и роль в объединении Италии. 1891 г.	1	1	1
23.	Милль, его жизнь и учено-литературная деятельность. 1891 г.	1	1	1
24.	Канкрин, его жизнь и государственная деятельность	1	1	1
25.	Н. Златоврацкий. Среди народа. Бытовые очерки. Вып. 2-й. С.-Петербург. 1878 г.	1	1	1
26.	Носилов. В снегах. Рассказы из путешествий по северу Сибири	1	1	1
27.	Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского, ком[едия] в 3-х действиях. Премия к журн. «Будильник» за 1898 г.	1	1	1

1	2	3	4	5
28.	Абрамов. Описание Березовского края. Изд. Имп. русск. геогр. общества	1	1	1
29.	Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирской древности и о сход- стве некоторых из них с великорусскими. Изд. Имп. русск. геогр. общества	1	1	1
30.	Благовидов. Русская земля. Сборник для народного чтения. Волга-матушка	1	1	1
31.	Обиходная книжка для мальчиков. Изд. журнала «Семья и школа»	1	1	1
32.	Патапенко. Игроки, рассказ	1	1	1
33.	Патапенко. Светлый луч, повесть	1	1	1
34.	Патапенко. Через любовь, роман	1	1	1
35.	Кот Мурлыка. Горлинка, повесть	1	1	1
36.	Кот Мурлыка. Ледяное сердце, рассказ	1	1	1
37.	Вандерем. Два берега, роман	1	1	1
38.	Киплинг. Смелые мореплаватели, повесть	1	1	1
39.	Гнедич. Туманы, роман	1	1	1
40.	Поль и Маргеритт. Новые женщины, роман	1	1	1
41.	Гер. Святые воды, роман	1	1	1
42.	Венгеров. Великое сердце. Виссарион Григорьевич Белинский	1	1	1
43.	Мельшин. Конец Шалаевской тюрьмы (из мира отверженных)	1	1	1
44.	Кьеланд. Столпы общества, ром. Перевод с норвежского	1	1	1
45.	Светлов. Пустынное сердце, роман	1	1	1
46.	Светлов. Пути жизни, роман	1	1	1
47.	Светлов. Обреченные на гибель, повесть	1	1	1
48.	Луговой. Возврат, роман колеблющихся настроений	1	1	1
49.	Салов. Любуша, повесть	1	1	1
50.	Ан. Чехов. Сборник рассказов. Изд. Маркса	1	1	1
51.	Тисиндье. Мученики науки. Изд. Павленкова. С.-Петербург. 1891 г.	1	1	1
Итого		51	55	49

Книги «Описание Березовского края» Абрамова, «О достопримечательнейших памятниках сибирской древности» Спасского и «Рассказы» Чехова приобретены на средства Пушкинской библиотеки; первые две — от Императорского русского географического общества, а последняя — от Маркса.

Заведующий Пушкинской библиотекой
штатный смотритель

П. Грязнов

ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1404. Лл. 19–20об.

**Список книг, пожертвованных разными лицами
в березовскую Пушкинскую общественную библиотеку
в феврале месяце 1900 года**

№ п/п	Название книг	назва- ний	ТОМОВ
1	2	3	4
52.	Дубровина. Бескровная месть. Исторический роман	1	1
53.	Немирович-Данченко. Вперед. Роман из военной жизни	1	1
54.	Чюмина. На огонек рампы. Очерки и рассказы	1	1
55.	Я. Полонский. Проигранная молодость. Роман	1	1
56.	Немирович-Данченко. Боевая страда. Роман	1	3
57.	Ясинский. Свет погас. Роман	1	1
58.	Ясинский. 1. Муза. 2. Повести и рассказы	1	1
59.	Ясинский. Сердце скажет. Роман из совр. жизни	1	1
60.	Ясинский. Убийство на постоялом дворе. Роман	1	1
61.	Лермонтов. Полное собрание сочинений	1	2
62.	Сервантес. Дон-Кихот Ламанчский. Роман	1	2
63.	Достоевский. Собрание сочинений	1	12
64.	Гончаров. Собрание сочинений	1	12
65.	Гнедич. Ноша мира сего	1	1
66.	«Жизнь», журнал 1898 года	1	12
67.	«Русское богатство», журнал 1895 года	1	12
68.	«Русское богатство», журнал 1896 года	1	12
69.	«Русское богатство», журнал 1897 года	1	12

1	2	3	4
70.	Писемский. Собрание сочинений, т. 1, 2, 5, 6, 11 и 12	1	6
71.	Вальтер Скотт. Талисман, роман из времен крестовых походов	1	1
72.	Вальтер Скотт. Пертская красна-девица	1	1
73.	Вальтер Скотт. Роб-Рой, роман	1	1
74.	Вальтер Скотт. Квентин-Дурвард	1	1
75.	Русские бывшие деятели, т. 2-й	1	1
76.	Эжень-Ледо. Трактат о человеческой физиономии	1	1
77.	«Путь-дорога», сборник в пользу общества вспомоществования переселенцам	1	1
78.	Глеб Успенский. Собрание сочинений в 2-х томах	1	2
79.	Помяловский. Собрание сочинений	1	1
80.	Байрон. Собрание сочинений	1	6
81.	Шекспир. Собрание сочинений	1	12
82.	Пушкин. Собрание сочинений	1	7
83.	Лермонтов. Собрание сочинений	1	4
84.	Гр. Л. Толстой. Плоды просвещения, комедия	1	1
85.	Достоевский. Собрание сочинений	1	12
86.	Е. Водовозова. Как люди на белом свете живут. Немцы, испанцы, турки	1	3
87.	Ф. Г. Популярная гигиена	1	1
88.	Стивенс. Вокруг света на велосипеде	1	2
89.	Фонвиель. Южный полюс	1	1
90.	Волгин. Амур (Природа и люди Амурского края)	1	1
91.	Келлер. Жизнь в море	1	2
92.	Фигье. История чудесного в новейшее время	2	2
93.	Фламмарин. Меры действительные и воображаемые	1	1
94.	Святский. Левчие птицы	1	1
95.	Уралов. На верблюдах. Вспоминания из жизни в Средней Азии	1	1
96.	Гр. Ф-т. Как узнать характер человека?	1	1
97.	Майльс. Естественная история в рассказах	1	1
98.	Ходсон. Натуралист на Ла-Плате	1	2
99.	Рулетка в Монако. Перевод с французского	1	1
100.	«Иллюстрированный мир», журнал 1888 года	1	1

1	2	3	4
101.	Крылов. Собрание сочинений	1	2
102.	Державин. Собрание сочинений	1	4
103.	Ахшарумов. Во что бы ни стало	1	1
104.	Ахшарумов. Граждане леса	1	1
105.	Ахшарумов. Двойник, повесть. Игрок, повесть	1	1
106.	Ахшарумов. Манدارин, роман	1	1
107.	Ахшарумов. Концы в воду, роман	1	1
108.	Ахшарумов. Мудрое дело	1	1
109.	Ахшарумов. Натурщицы, юридическая фикция. Ночное, рассказ часового мастера. Смерть Слепцова, кавказская быль	1	1
110.	Баратынский. Собрание сочинений, т. 2-й	1	1
111.	Квитко-Основьяненко. Пан Халявский	1	1
112.	Фонвизин. Собрание сочинений. Редакция Введенского	1	1
113.	В. Бартенев. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края	1	1
114.	Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония. Издание И.М. Сибирякова, 1892 г.	1	1
115.	Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Изд. И. Сибирякова, 1891 г.	1	1
116.	Э.Ю. Петри. Антропология. Том 1-й. Основы антропологии. Том 2-й. Соматическая антропология	1	2
		66	188

Примечание. Книги за № 113, 114, 116 предполагается выписать на пожертвованные деньги.

Заведующий Пушкинской библиотекой
штатный смотритель

П. Грязнов

ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1404. Лл. 14-15.

30 сентября 1900 года

№ 16

**Протокол
педагогического совета Березовского уездного училища**

Присутствовали: председатель педагогического совета, штатный смотритель П.Н. Грязнов, законоучитель протоиерей о. Георгий Поникаровский, учитель русского языка Ф.Ф. Ларионов, учитель арифметики и геометрии В.И. Свиридов, учитель искусств К.В. Добровольский и секретарь педагогического совета учитель истории и географии А. Гуцин.

Члены педагогического совета, занимаясь обсуждением вопроса относительно выписки газет и журналов на 1901 год для Пушкинской общественной библиотеки при Березовском уездном училище, постановили выписать следующие периодические издания.

Ежемесячные издания

- 1) «Русское Богатство» — ц[ена] 9 руб.
- 2) «Русская Мысль» — ц[ена] 12 р.
- 3) «Жизнь» — ц[ена] 7 р.
- 4) «Исторический вестник» — ц[ена] 10 р.
- 5) «Вестник историческ. лит.» — ц[ена] 5 р.
- 6) «Юный читатель» — ц[ена] 2 р.

Еженедельные издания

- 7) «Нива» — ц[ена] 7 р.
- 8) «Природа и люди» — ц[ена] 5 р.
- 9) «Народное здравие» — ц[ена] 4 р.
- 10) «Будильник» — ц[ена] 10 р.

Ежедневные

- 11) «Русские ведомости» — ц[ена] 12 р.

- 12) «Сибирский листок» — ц[ена] 5 р.
13) «Сибирская жизнь» — ц[ена] 5 р.
14) «Биржевые ведомости» — ц[ена] 4 р.
Итого 14 изданий на сумму 97 рублей.

Кроме того, педагогический совет постановил выписать для библиотеки следующие сочинения:

- 1) Толстой Л. Полное собрание сочинений.
- 2) М. Горький. Рассказы, т. I, II, III, IV — 4 р.
- 3) П.Я. Стихотворения. 2-е изд. — 1 р.

Настоящий протокол представить господину попечителю Западно-Сибирского учебного округа на рассмотрение и утверждение Его Превосходительства.

Председатель педагогического совета, штатный смотритель	П. Грязнов
Законоучитель протоиерей	Георгий Поникаровский
Учитель русского языка	Фед. Ларионов
Учитель арифметики и геометрии	В. Свиридов
Учитель искусств	Добровольский
Секретарь педагогического совета, учитель истории и географии	А. Гуцин

ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1404. Лл. 38, 38 об., 41.

Академик из Березово

Гольдин Сергей Васильевич (28.1.1936–18.5.2007). Родился в г. Ленинграде. Доктор физико-математических наук (1979). Профессор (1983). Членкор. РАН (1991). Академик РАН по Сибирскому отделению геологии, геофизики, геохимии и горных наук (1997). Специалист по теоретической и вычислительной геофизике.

Окончил Ленинградский горный институт (1958). Техник-оператор, инженер-оператор сейсмопартии Среднеобской комплексной ГФЭ г. Колпашево Томской области (1958–1959). Старший инженер сейсмической партии Березовской КГРЭ Тюменского геологического управления (1959–1961).

Аспирант, младший научный сотрудник Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР (1961–1965), г. Новосибирск. Руководитель лаборатории ЗапСибНИГНИ (1965–1970), г. Тюмень. Заведующий лабораторией, главный научный сотрудник Института геологии и геофизики Сибирского отделения РАН (1970–1996). Директор института геофизики Объединенного института геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения РАН (1996–2004). Советник РАН (2004–2007), г. Новосибирск.

Основные направления научных исследований: геометрическая сейсмика, прямые и обратные задачи сейсмики, методы цифровой обработки и интерпретации данных сейморазведки на ЭВМ, геотомография, статистические методы в геологии и геофизике. Им развиты: теория обработки и корреляции сейсмограмм, заданных в экстремальной форме; статистическая теория линейной многоканальной и многокомпонентной фильтрации сейсмических сигналов; методы распознавания геофизических и геологических объектов. Создатель концепции расчлененных алгоритмов интерпретации, являющихся оптимальными по помехоустойчивости в классе алгоритмов относительно невысокой вычислительной сложности. Решил двумерные и трехмерные обратные задачи сейсмики отраженных волн для вертикально-неоднородных слоев как с горизонтальной, так и с криволинейной отражающей границей, впервые используя при этом аналитическое продолжение годографа — комплексную плоскость. Разработал алгоритмы определения параметров слоистых сред с криволинейными преломляющими и отражающими границами с использованием вторых производных годографа ОГТ.

За вклад в развитие теории обратных кинематических задач сейсмологии отраженных и головных волн С.В. Гольдину в 1986 г. присуждена премия им. О.Ю. Шмидта (вместе с академиком Н.Н. Пузыревым). За научный вклад в освоение нефтегазовых месторождений Севера Сибири С.В. Гольдину в 1998 г. присуждена Государственная премия РФ.

Доберезовский период

Если судить по приведенной биографической справке, Березово в судьбе Сергея Васильевича занимает очень скромное место: к открытию березовского газа отношения он не имел, поскольку прибыл в эти края шестью годами позже, в 1959 году, а через два года уже отбыл в Новосибирск, в науку, в аспиранты к академику Н.Н. Пузыреву. Больших успехов за время работы на производстве не добился. Тем не менее ветераны Березовской комплексной геологоразведочной экспедиции, да сих пор называющие себя «березовцами», Гольдина помнят и любят и считают своим. А сам академик признавался:

«Я благодарен судьбе, что прошел эти три года на производстве. Потом мне это давало огромный перевес перед многими коллегами-учеными. Я ведь стал теоретиком, а теоретик, который совершенно в отрыве от того, как меряется сигнал, что с ним в принципе можно делать, как это получается, — он не чувствует, как задачи надо ставить. Безусловно, это оказало огромное влияние на мою научную деятельность, на карьеру и, что не менее важно, на мой характер. Ведь я рос с мамой, без мужского влияния, и, может быть, без такой школы не был бы столь самостоятельным.

В геофизику я попал случайно. Или благодаря судьбе. Школу закончил с медалью, решил поступить в Ленинградский университет на физический факультет. Но это был 1953-й год. А у меня отец в тридцать седьмом году был объявлен врагом народа и репрессирован, мамина национальность «неподходящая». И на собеседовании мне объяснили, что физика из меня не получится. Тогда я и вспомнил о существовании горного института, где, как я незадолго до этого узнал, есть некая специальность «геофизика». Я совершенно не представлял, что это такое, но подумал: если, с одной стороны, это геология (а я совершенно не возражал против того, чтобы быть геологом), а с другой стороны — физика, то почему же не пойти туда? Я пошел туда и был принят. Специализация тоже определилась не моей волей. Нефтяная геофизика казалась мне чем-то таким приземленным — вышки стоят

на ровном месте, а рудная геофизика — это горы, романтика! Но не принимали уже медалистов на рудную геофизику, все вакансии были заполнены, и пришлось идти на геофизику нефтяную, за что я опять же благодарен судьбе, поскольку довольно быстро понял, что именно эта специальность мне и нужна. А когда я заканчивал, у меня и у моего товарища, сейчас профессора Ленинградского горного института Александра Телегина, были персональные приглашения на работу от СНИИГГиМСа — новосибирского института. Но тогда был закон, по которому человек должен был сначала отработать три года на производстве, а потом уже идти в аспирантуру или НИИ. Я выбрал Новосибирск, чтобы было близко к СНИИГГиМСу.

Попал в Колпашевскую экспедицию в Сургут. В Сургуте еще были зеленые улицы, по которым ни один трактор не проехал, наша машина первая была в 1958 году. Сезон я отработал в поле техником-оператором и оператором, но уже и интерпретацией занимался. Я обрабатывал материалы по Усть-Балыкской структуре, по Восточно-Сургутской — это были первые детальные работы в Сургутском Приобье, все внове, все страшно интересно! Начальник партии Альберт Григорьевич Лурье понял, что меня надо использовать как интерпретатора. Но когда мы с ним пришли к главному инженеру экспедиции Павленкову, чтобы я стал интерпретатором не только де-факто, но и де-юре, тот сказал, немного заикаясь, фразу, которую многие знают: «Пока ты работаешь в Западной Сибири, ты будешь работать оператором!» Тогда как раз объявили дополнительный набор в Березовскую экспедицию. Я решил, что пролетарию нечего терять, кроме своих цепей, и поехал туда».

Крут был в те годы Александр Иванович Павленков — не зря в Новосибирском геофизическом тресте, к которому тогда относились Колпашевская экспедиция и ее Сургутская партия, его прозвали Железным Канцлером! Но и свой резон в том безапелляционном заявлении был. Камеральная работа, интерпретация при великой нехватке специалистов, считалась занятием женским, легким, а интеллектуальный труд — роскошью, право на которую настоящий мужчина-геофизик должен был доказать успешной работой в полевой партии. Из Гольдина же оператор за первый сезон получился не очень... Об этом рассказал однокашник по институту и «однопартиец» по первому полевому сезону Сергея Васильевича **Владимир Александрович Королев**:

«Сергея Гольдин как теоретик и тогда был прекрасный! А его работоспособность просто поражала. Когда учились, я его видел только в институте (я дома жил, а он в общежитии), а в полевой партии мы оказались в одном балке, оба на верхних нарах. Но мои были впереди, а его — сзади, прямо над печкой, он там жарился постоянно, не понимаю, как жив остался. Раз захворал еще один наш “сожитель”, мы ему градусник воткнули. Смотрим — температура, при которой он жить уже не может. Когда градусник повыше поставили, он показал 70 градусов жары. А Гольдин как раз там лежит, грызет сахар, читает, какие-то записи делает, рисует — работает. Днями мы с ним работали и операторами, и техниками. За день на морозе да по сутробам с сейсмоприемниками так накувыркаешься, что, возвращаясь, я моментально падал и засыпал вмертвую. Просыпаюсь ночью — в предбаннике лампочка от аккумулятора горит — Серега работает! Талант и работоспособность нечеловеческие. Но практик он был довольно странный. В станции, чтобы запись от взрыва сделать, надо было вставить приемную кассету, заправить бумагу. Мы с ним работали спаренно, то есть один командует, другой включает станцию. Я команду: “Огонь!”, Серега включает станцию — и тут же начинает вопить. Значит, опять либо кассету не поставил, либо не заправил бумагу — нет записи, пропал взрыв! Взрывную скважину вручную бурили — это адский труд, скандал, елки-палки, невероятный! А что с него возьмешь — это же Серега! Убивать его жалко!»

«Уникальная экспедиция» — свидетельства очевидцев

Устояли, окрепли, сдружились
Мы и многие, кто — навсегда.
Нам березовской юности были
До сих пор продлевают года.

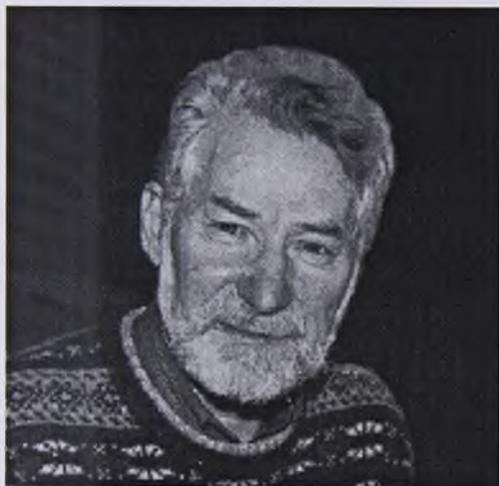
Лев Трусов

Главным геофизиком Березовской КГРЭ был **Лев Григорьевич Цибулин**, тоже весьма решительный руководитель, придерживающийся тех же принципов по отношению к молодым специалистам, что были приняты в Колпашево:

«У меня было такое правило: инженера обязательно пропустить через поле. Чтобы стать полноценным руководителем, он должен сначала повариться в производственном котле. Мы очень быстро росли в объемах. В

Академик из Березово

Рассказы геофизиков записала Елена Шмелева (с. 47–68)

Гольдин Сергей Васильевич,
доктор физико-математических
наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
академик РАН по Сибирскому
отделению геологии,
геофизики, геохимии и горных
наук, специалист
по теоретической
и вычислительной геофизике

В лаборатории

М. Мадьярова.

В главном сходимся

(с. 143–147)

Библиография работ
Т.В. Пуртовой

**Татьяна Владимировна
Пуртова**

1956-м году, в первый год моей работы в Березово, мы из 6 сейсмоотрядов сделали 11, в 1957-м из 11 организовали 14, а еще через год, весной 1958-го года, сюда приезжал член Политбюро Аристов. Этот приезд послужил толчком к развороту работ примерно так же, как березовский фонтан. Мы, наверное, сумели убедить Аристова в том, что Западная Сибирь — это будущее. Позднее, для того чтобы дать какие-нибудь дополнительные ресурсы материальные, технику, выходило специальное постановление Совета министров, а здесь у нас создалось впечатление, что все решилось росчерком пера! Вот тогда мы опять увеличили вдвое объем геофизических работ в Березово. Из 14 сейсмоотрядов сделали 27! Больше такого резкого увеличения не было ни разу за всю историю развития. Это был, пожалуй, первый год, когда мы с главным инженером экспедиции Беловым не ссорились из-за тракторов — куда они попадут.

К нам прибывало очень много молодых специалистов. Я и сам недавно был таким и не боялся. Значит, и эти ребята смогут! В Березово имелись техники со стажем, можно было пойти по такому пути: техника — в инженеры-операторы, а молодого инженера к нему — пускай набирается опыта. Но мы пошли по другому пути: к каждому приехавшему в Березово выпускнику прикрепили техника-оператора. Хотя казалось, что значительно менее рискованно было бы поступить наоборот: техники уже — зубры, раздать им под начало по вчерашнему студенту... Но я считаю, что именно такое решение послужило тому, что начали ребята расти.

Пока не было полевого сезона, молодые специалисты шли в ГМЛ на ремонт сейсмостанций. А когда начиналась комплектация партий, я приходил в ГМЛ и спрашивал: “Ну, кто смелый? Кто хочет работать оператором в этот полевой сезон?” Кто-то сразу готов, а кто-то осторожничает, ему надо еще себя попробовать, подумать. Я не неволил, никого через колено не гнул. Но, поставив вчерашних выпускников на ответственные должности (второй сезон — начальник партии!), я уже постоянно мотался из отряда в отряд, переезжал, смотрел, кто на что горазд, кто как ведет себя в поле. Отсева было очень мало. Но если после первого же сезона становилось ясно, что из него руководителя не получится, — зачем его дальше гнуть, ломать, заставлять? Потом эти 27 отрядов расползлись: половина ушла в Ямало-Ненецкий округ, другая — в Ханты-Мансийский.

Гольдин приехал, уже год в Колпашево отработав, потому я ему сразу сказал: “Пойдешь оператором”. Он помялся, ушел. Через час

приходит его супруга — тоже геофизик: “Лев Григорьевич, да вы что, да какой из него оператор? Но он как интерпретатор...!” Я ее отправил. Нет, она опять ко мне является, и опять. И в конечном итоге добила. Я спрашиваю: “А почему он не хочет оператором?” — “Да вы видите, какой он решительный да самостоятельный, что мне приходится...” Этим она, кстати говоря, меня и убедила: да, действительно, оператора из него не получится. А потом он — очень быстро! — стал светилом геофизической науки! Для таких, может, и не надо было проходить через поле. Но мне-то ясно было уже после березовских фонтанов, что объемы будут расти, и никто мне не пришлет готовых начальников, надо делать их из того, что есть».

Сергей Васильевич об особенностях своего назначения интерпретатором не узнал и проникся горячей симпатией к главному геофизику и ко всей экспедиции:

«Льва Григорьевича Цибулина в ту пору я очень любил... Молодым он был просто исключительным человеком: обаятельный, энергичный, принимающий решения самостоятельно, берущий ответственность на себя, разбирающийся... Он, конечно, принимал огромное участие в создании особой атмосферы этой экспедиции. Так вот он сразу, недолго думая, взял и назначил меня интерпретатором!

Экспедиция была совершенно уникальная. Возможно, частично это было связано с тем, что она была большая. Возникла некая критическая масса неординарно и творчески заряженных людей. У нас одних молодых специалистов было 159 человек! Мы устраивали конференции, на которых ребята из полевых партий приезжали, делали доклады. Не знаю, бывало ли это где-нибудь еще — конференции внутри одной экспедиции. А были конференции и по-взрослому, на которые съезжались ученые из Тюмени и других мест. С некоторыми из будущих коллег я там познакомился. Там была одна опытная партия, во главе которой стоял Александр Михайлович Бриндзинский — потом главный инженер Ханты-Мансийского геофизического треста. Очень яркая личность, вокруг которой тоже собрались люди, будущие мои друзья. Стал моим другом Семен Кац, очень рано защитивший докторскую диссертацию. Сейчас он давно в Соединенных Штатах — профессор одного из университетов Лос-Анджелеса. Роберт Бембель, мой первый аспирант, — сейчас тоже доктор наук».

Семен Абелевич Кац в 1959 году окончил геологоразведочный факультет Московского института нефтехимической и газовой промышленности, Бриндзинские Александр Михайлович и Зоя Афанасьевна и их однокашники Лева и Фарида Трусовы прибыли в Березово, уже отработав два года после окончания Московского нефтяного института. Вообще в экспедиции работали представители практически всех геологоразведочных и нефтяных учебных заведений СССР, но в 1959 году особо отличился Томский политехнический институт, направивший (по личному распоряжению Председателя Совета министров А.Н. Косыгина) в Березово весь выпуск геофизиков — 33 молодых специалиста! Одним из них был **Роберт Михайлович Бембель**:

«В институте нам преподавался такой предмет — геология СССР. Приходил профессор, вывешивал геологическую карту всего Советского Союза во всю стену. Геологические карты 1950-го года, как и нынешние, были цветными, очень яркими, но по самому центру — огромное белое пятно: Западная Сибирь. Глядя на эту карту, я понимал: зачем выбирать, куда ехать после института, — все ясно, вот оно, белое пятно, надо сюда идти! Всерьез заниматься нефтяной сейсморазведкой я начал в 1958-м году, на дипломной практике в Сургуте, еще в Колпашевской геофизической экспедиции. Но там с Гольдиным мы не встретились, на несколько дней разошлись. После окончания института я планировал, конечно, что еду в Колпашевскую экспедицию, там меня ждали. Но нас направили в Березово. А вслед за нами туда же приехали колпашевцы!

Партия Бриндзинского организовывалась как опытно-методическая. Инициатором ее создания, видимо, выступал сам Лев Григорьевич Цибулин — он всегда поддерживал новейшие идеи. В ней работали специалисты ВНИИ геофизики, командированные из Москвы. Но, насколько я помню, они не выделялись ни интеллектом, ни чем-либо другим, тон задавали обычные геофизики-производственники, только что выпущенные из института. Еще до создания этой партии у нас был кружок: по вечерам, после работы, мы собирались и занимались теорией сейсморазведки. Инициатором учебы, по-моему, была жена Бриндзинского Зоя Афанасьевна. Техник-вычислитель Семен Кац, старший техник Юра Бевзенко и я, техник-оператор, — все со студенческой скамьи — и инженер-геофизик Сергей Гольдин, старше нас на год, — рядовые сотрудники производственных партий. Публика вечерами шла в местный ресторан или играть в преферанс, а мы — учиться! Естественно,

когда мы узнали, что есть проект создания опытно-методической партии, то постарались попасть в нее, заниматься творчеством. И уже тогда цель у нас была одна: получать все более тонкие и детальные представления о глубинном строении, увидеть сквозь Землю, понять ее. И это стремление так и проходит через всю нашу жизнь».

Наука в Березовской экспедиции была прекрасным, но кратковременным эпизодом. Основная работа все-таки шла в полевых партиях, и будущий академик варился в производственном котле наравне со всеми.

Гольдин С.В.:

С Кацем мы в экспедиции появились одновременно, хотя я к тому времени уже год отработал в Колпашево. Нам поручили писать проект на две трехприборные партии — Самутнельскую и Ванзеватскую, под моим руководством, поскольку мне уже приходилось писать смету производственную. Мы составили, пришли сдавать. Нам говорят: «Молодцы, ребята, очень хорошо, что вы это сделали. Но два бурстанка, по-видимому, до Березово дойти не успеют из-за ледостава. Поэтому одна из партий будет одноприборной». Мы выкинули проект и смету, которые были рассчитаны на три сейсмических станции и составили новую, на одноприборную партию. Приносим ее. Нас опять похвалили: «Молодцы! Но, знаете, кажется, те два бурстанка идут. Давайте тот вариант, для трехприборной партии». А мы же его уже выбросили! Пришлось писать снова. Станки не дошли. Но утвержден был проект трехприборной партии, и нам сказали, что этого уже не изменить и мы должны работать по плану трехприборной партии. Тогда я вспомнил, что в Ленинграде, будучи на последнем курсе, купил книжку первых переводов иностранных статей по геофизике, и там первые две статьи были о воздушных взрывах. Полный воспоминаний об этих статьях, я и предложил начальнику моей партии Валентину Ивановичу Иванову работать на воздушных взрывах. И вот два отряда работали круглые сутки с одним станком: полсуток — один, полсуток — другой, а еще один отряд у нас практически весь сезон работал на воздушных взрывах. Это была очень сложная проблема для интерпретатора, потому что в данном случае не было вертикальных приемников у устья скважины, которые измеряют время пробега от заряда до по-

верхности, грубо говоря, меряют свойства самой верхней части разреза — при воздушных взрывах этого не было. Другой частотный состав, другая форма записи — свести это воедино было очень непросто. Мы с Валентином Ивановичем очень хорошо, как мне кажется, справились с этой сложной задачей. Но поставить пятерку за отчет партии, которая план не выполнила, в советское время было невозможно. Хотя вины нашей в том, что трехотрядная партия работала с одним бурстанком, не было никакой.

Иванов В.И.:

Конечно, качество работ при воздушных взрывах страдало, но выручало группирование. Там не просто в одно место клали, а подвешивали на шестах до 10–20 зарядиков в один взрыв. Но это была очень трудоемкая и опасная работа.

В том полевом зимнем сезоне наша трехприборная партия работала километров 500, но плана не сделали. Балки были плохие, трактора были плохие, и их было мало. Отряд, в лучшем случае, имел по паре тракторов С-80, которые постоянно ломались. Я однажды поехал в отряд на тракторе — инспекцию провести и вообще пообщаться с народом. Так 20 километров мы ехали целую ночь. Трактор постоянно глох. Потому что солярка летняя, а морозы тогда были 40 градусов, 45... Тракторист Саша Петков — я поражаюсь его мужеству и выносливости! Постоянно на морозе, постоянно с голыми руками, он этот трактор ремонтировал. Приехали утром черные, чумазые. Проще было бы на лыжах пробежать, но мы везли с собой груз.

И вдруг на итоговом собрании в экспедиции называют нашу партию, что, мол, сработали плохо. А там было положено столько трудов, столько сил! Но ничего не скажешь — план не выполнен!

Для меня все время работы была одна, но вечная проблема: ничего не хватало! Всего не хватало! Вечно! Все остальное зависит уже от тебя, но когда работать нечем — хоть зарежься! И взять негде!

Бембель Р.М.:

Тогда у нас создалась компания, девизом которой было «Не хапать!». Это было время бурного организационного взрыва в Березово, когда каждый болт, каждая деталь были расхвачаны, ничего не хватало, все мы находились в состоянии, что вот что-то дал нам Цибулин — боме! — опять не хватило! И опять, и опять не хватило! Появились какие-то ловкачи, кто-то успевал, кто-то не успевал... Компанию с принципом «Не хапать!» создал Леня Кабаев — выпускник Киевского университе-

та. Нас свела общая проблема: обоим негде было жить. Оказалось, что мы еще и по характеру схожи. Но Леня был старше нас и в нашей компании был безусловным лидером. Все хапают, а мы стоим, ждем, когда все нахапаются. Все, больше нет. Тогда идем к Цибулину: «Лев Григорьевич, а вот нам не хватило!» Тогда Лев Григорьевич из своей заначки выделяет нам каждому. Мы оказывались лучше всех обеспеченными, да при этом еще чувствовали себя такими благородными — очень приятно! Правда, скоро нас разоблачили. Но, ей-богу, у нас не было заранее задней мысли, просто психология не позволяла лезть в общую кучу, что-то там делить. С этого и началось. Потом по тому же принципу «Не хапать!» мы оказались без жилья. Кому-то нашлось место в общежитии, кто-то успел снять квартиру, а мы, как всегда, пришли последние. И тогда мы с Леней и еще два моих однокашника, Федя Цирук и Гена Захаров, решили купить дом. Полоса-то была такая: в конце 50-х — начале 60-х деньги не представляли для нас такой ценности, как сейчас. Никаких сберкнижек ни у кого из нас не было: если я сегодня работаю, значит, завтра деньги будут! Никто ничего не копил, отношение к деньгам было легкое, коммунистическое. Мы нашли дом, который продавался очень дешево (или в аренду мы его взяли, не помню). В этом домике, по слухам, жил Меньшиков. Когда-то дом был двухэтажным, но весь первый этаж ушел в землю, один угол совершенно прогнил, провалился, поэтому стоял дом скособочившись, самолетом, заходящим на вираж. Мы это учитывали, спать укладывались головой к углу, уходящему вверх.

Вчетвером недолго прожили. На зиму разъезжались по полям, хозяйкой оставалась жена Захарова Наташа и принимала всех наезжавших. В Березово она работала в клубе, возглавляла хор в экспедиции, потом в Доме культуры — ездили на концерты даже в Тюмень.

Захарова Н.И.:

В Березово я первую национальную самодеятельность организовывала. Ханты, манси со всех деревень собрали, я разделила на группы: группа ханты, группа манси. Вели они себя, как дети: занимаюсь я с ханты — манси чуть не плачут, перешла к манси — ханты чуть не плачут! Хотя взрослые люди, с образованием — педагоги. Поездила по селам, посмотрела, послушала, стараясь уловить характер национальный, стиль, выбрала лучшее, что-то обработала. На какой-то годовщине округа мы давали концерт в педучилище Ханты-Мансийска, нас записали, и потом года три-четыре по радио крутили — аж

голова кругом шла: одно и то же, одно и то же. Потом стали писать, сочинять новые темы, а эти уже никто, конечно, не помнит.

В «доме Меньшикова» мы продолжали жить большой компанией. Ребята на полу, а мы с Геннадием на кровати за шторкой. Отношения у нас были очень хорошие. Парни из группы Геннадия опекали меня, наверное, лет 10–15, среди них я чувствовала себя царевной. Потом открыли общежитие, но мест не хватало, и, когда нам, как семейным, дали квартиру, ребята перешли ко мне жить. Так же спали на полу, так же дверь не закрывалась, и всю ночь кто-то приходил. Геннадий, как и другие, почти постоянно был в поле. У меня был маленький ребенок, и, когда я уходила на занятия, кто-нибудь из ребят с ним оставался. Удивительные были люди на Севере — очень хорошие, добрые, умные, всем интересующиеся. В Березовской экспедиции вообще был очень удачный подбор высокообразованных людей. Не только в своей области, но и в области культуры. У нас собиралась компания — москвичи, свердловчане, томичи... Я вела класс вокала — многие из них заочно окончили музыкальные училища, Семен Альтер, например, ходил ко мне заниматься вокалом, Власов — был такой геодезист, он окончил по классу вокала консерваторию. Бесподобный тенор! У него, правда, был дефект с дыханием, не мог дышать, как положено певцу, но голос — от Бога! Но он так и остался геодезистом и очень любил свою профессию. Были гитарист Боря Брославский, он окончил музыкальное училище, аккордеонист, на контрабасе играл местный житель Меньшиков. С ними мы организовали первый эстрадный ансамбль, выступали в клубе. А дома для себя ребята играли на гитарах, на баяне, я — на фортепиано, пели, много говорили о музыке, об искусстве, о геофизике, конечно. Выписывали свои журналы по геофизике на английском языке — Геннадий хорошо знал его. Сережа Гольдин — это был настоящий поэт от математики, он всех ею увлек. У них были какие-то свои теории, они спорили, доказывали — даже мне было очень интересно! Леня Кабаев вместе со своей женой Галей жили с нами. Они вместе с Геннадием сочиняли стихи и музыку.

Бембель Р.М.:

Леня Кабаев в своих песнях утверждал, что он «едет за деньгами», но это он просто над собой смеялся, не за деньгами он ехал, деньги нам никому не нужны были. Помню, в Березово пришли в кино. «Сколько нас?» — «Раз, два, три... Семь!» — «Ну ладно, беру десять билетов: кто-нибудь еще подойдет!» В ресторане то же самое: заказываем полный

комплект, кто-то действительно подходит, ели, пили, рассчитывается тот, кто последним пришел. И никому в голову не приходит считать: кто, что, где, когда... Позволяли себе такую роскошь. Может быть, это было связано с тем, что после скудных студенческих стипендий вдруг такой северный Клондайк! Покупать себе одежду не надо было — нам выдавали спецодежду, меховые костюмы и прочее, кормежка была, поскольку нас кормили на кухнях, деньги были только на развлечения. Как мушкетеры жили — это было удивительное время.

Но были и трагедии. Еще в 1959-м году, в первую же зиму, на тракторе утонул один из наших однокашников, Юрка Антонов. Там мы его и похоронили. И каждый для себя тогда решил, что смерть эта не была напрасной: мы такого больше не допустим! В моем отряде все знали, что я никому не позволю перегонять через реку трактор с водителем в кабине, никого не надо было предупреждать.

Гольдин С.В.:

Атмосфера была еще и спортивной. Я был капитаном волейбольной команды, которая победила на территории Березовского района — это среднее европейское государство, еще и поболее некоторых! Были и другие виды спорта. Тренировки шли до двух часов ночи, мы просто не замечали времени. Замечательная была экспедиция, мы только добрыми словами ее вспоминаем.

Иванов В.И.:

Но в поле приходилось нелегко. В нашей Ванзеватской партии зимой оказалось несколько человек из «досрочно освобожденных», все ходили — грозились. Там же не было ни магазинов, ни чайных, только склад, на складе, конечно, была и водка — вот они все ее требовали. Однажды собрались меня убивать. Со мной в роли телохранителей ходили парни — итээровцы Кабаев Леня, Шагандин Володя... На лето я поехал в отпуск, а за себя оставил Гольдина. Так вот он тогда жаловался: «Тяжело с народом!» Он человек ученый, энергичный, шепутной, веселый, талантливый, а понял, что не так просто с народом иметь дело.

Гольдин С.В.:

У меня там восемь человек работало с Полярного Урала. И был один эпизод, когда я выехал на строящуюся промбазу, ночевал в палатке, а вокруг меня бегали двое, один с топором, а другой от него убегал и кричал: «Сергей Васильевич, спасите!» Я его втащил к себе в палатку. Наутро я их обоих уволил и ждал только вертолета, чтобы отправить.

И вот тот, который бегал с топором, спрашивает: «А вы для нас один вертолет вызываете?» — «Ну, конечно, один!» — «Ну, смотрите...»

Конечно, были эпизоды и более серьезные. Так, когда я оставался за начальника партии, ушедшего в летний отпуск, в партии (большой, трехприборной) не осталось ни одного трактора на ходу. Когда Валентин Иванович вернулся с баржой, с материалами на зиму, первое, что спросил: «Ну, как с тракторами дела обстоят?» Я говорю: «Трое на подбазе стоят без горючего. Два, которые везли горючее, потонули по дороге. Один трактор на капитальном ремонте и еще очень нескоро выйдет». — «Еще один должен быть». — «А один...» — я показал за борт, — на дне протоки». Прямо у того места, где мы стояли.

Вот как он туда попал. Меня связисты попросили дать трактор, чтобы вытащить на берег лодку, в которой они ездили на тот берег чинили трассу. Большая лодка. Отчего не помочь хорошим людям? Я и сам пошел на берег, и тракторист с нами. А трактор остался на высоком берегу протоки. Постоял и вдруг — чих-чих-чих — пошел вниз! Тракторист не поставил его на тормоз! Я тогда совершил поступок, который до сих пор высоко оцениваю: сразу вбил колышек против того места, где он вошел в воду. Потому что там шесть метров глубина. Солярка выходила пятнами, но там сильное течение, ее сразу сносит... Мы пробовали нащупать шестами, где он, но не могли. Зато когда через два месяца прибыл водолаз, он знал, от какого места надо искать.

Но представьте себе положение Валентина Ивановича, когда он узнал, где находится последний трактор. Он вечером того дня пришел ко мне, сел напротив, вынул бутылку водки и молча пил ее в моем присутствии. Мне не предлагал, потому что было известно, что я не пью. И ничего не сказал, но был полон укора!

Трактор мы, конечно, достали. Мы вообще все доставали. И вот как мы вышли из этого положения. Поскольку у нас была летняя партия, нам впервые в порядке эксперимента дали военную технику: вездеходы и даже танк, без башни. Но у него были такие узкие траки, что использовать его мы не могли. А тут как раз начало подмерзать. Мы на него взгромоздили бочку солярки, и он прошел до базы. Мы запитали те трактора, которые там стояли, они вытащили те, которые потонули с горючим.

Но план я тогда выполнил на 25 процентов. Частично из-за того, что не умел принимать нужные решения вовремя. Когда Валентин

Иванович уезжал в отпуск (большой, летний), он обещал тем, кто оставался в поле, что обязательно вывезет их с профиля в баню. А как вывезти в баню? Вертолетов мало, туда вывезешь — а будет ли возможность доставить обратно? Я не понимал тогда, что могу принять любое из двух решений, и каждое было бы правильным. Мог сказать: «Ребята, я вам не обещал. Я этого сделать не могу. Работайте. Потом это дело компенсируем. Давайте баню организуем на профиле или еще как-нибудь». Мог сделать и другим образом: поехать в Березово, стукнуть там кулаком перед начальством, обратиться в профсоюз и добиться, чтобы были вертолеты и туда и обратно в нужном количестве — много было народу. Неделю-полторы, может, я потерял бы на этом деле, но люди бы еще работали. А так они при каком-то малейшем ЧП сели на АТЛ-ки... А для той техники свободный пробег без капремонта — сто километров. Они не доехали даже до села и на работу больше не попали. Дальше я работал с одним отрядом. Оператором в котором, кстати, был Леня Кабаев.

Кабаев Л.Н.:

Сергей Васильевич однажды прилетел к нам в отряд на вертолете, я его встретил, идем по профилю — он хромает и сам не понимает: что такое? Смотрим, а у него оба сапога — левые! Ну, он с юмором был хорошим, очень коммуникабелен, моментально сходился с людьми. По любому параметру стыковался (есть такое выражение «стыковочный модуль»): анекдоты — пожалуйста, поэзия — пожалуйста, геофизика — тем более пожалуйста, хозяйственные дела, даже если он в этом не очень «копенгаген», — тоже пожалуйста! И умел заразить своим отношением. У него был замечательный смех: если он хохотал, никто не мог удержаться, чтобы не засмеяться вместе с ним, даже не понимая причину смеха. Если он был в компании, то все расходились в слезах от хохота. Но работа начальника партии его вконец измотала. Ведь задачи начальника партии — это прежде всего решение организационно-хозяйственных вопросов: кадры, снабжение, рубка просек, проектирование. Гольдин же — инженер, помешанный на своих дифференциалах-интегралах. К тому же еще наша партия, наверное, единственная за всю историю сейсморазведочных работ на Севере Тюменской области, пыталась проводить работы летом — не водные, не по рекам, а сухопутные. Опыт мы получили такой, что после этого летние работы уже не возобновлялись. Там было много и трагического, и комического, и всякого разного, но результат ясен: летом работать нерационально.

После летнего сезона, когда мы уже заканчивали этот неудачный опыт, выехали в Ванзеват и готовились уже к зиме — Иванова все еще не было, Гольдин терял последние капли терпения и физических сил: до того его укатала эта не свойственная ему должность начальника партии. А это ведь были годы после амнистии, публика в наших партиях собралась разнообразная. И вот во время правления Гольдина у нас появилась одна личность: Юрка Зверь, рецидивист отъявленный, кондовый, стал устанавливать свои порядки. Доходило до того, что в карты людей проигрывали. И вот однажды колю я дрова возле своего балка (уже женат был), подходят трое, и один (этот самый Юрка Зверь) меня спрашивает: «Где тут Титов Паша?» А это зам по хозяйству, его балок рядом. «Вон там. А какие вопросы?» — «Да мне его убить надо». Я говорю: «Ты что думаешь, я позволю тебе в моем присутствии его убивать?» — «А если ты возникнешь, я и тебя...» — «Я ж с топором». — «А мне что твой топор, пока ты им замахнешься...» И выхватывает нож. Я успел перехватить его руку и заломил, уложил так, что стоило ему повернуться, он сам бы на свой нож наделся, как шашлык. Правда, он мне ножом просадил кисть, до сих пор отметина осталась. А его дружки стоят и не знают, что дальше делать. И тут, на мое счастье, поблизости оказался Сергей Васильевич, он тут же крикнул Сашку Киреева, бурового мастера, и рабочих. Без него, не знаю, чем бы все кончилось. Потом, как Иванов приехал, первым делом этого Юрку Зверя уволил. Для Гольдина общаться с этой публикой было божьим наказанием! Там не было такого, что, мол, «замочим этого интеллигентишку», но он сам страдал. Когда приехал Валентин Иванович, непьющий Сергей Васильевич на две недели ушел в запой, пытаясь забыть тот ад, в котором заставила его побыть должность начальника блатной партии.

Гольдин С.В.:

Я иногда сухой закон на сезон принимал — для себя лично, чтобы никто ко мне не приставал. Но это не значит, что мне никогда не хотелось выпить! Иногда, когда очень уж сильно приставали и я начинал уже склоняться, Валентин Иванович жестко говорил: «Сергей не пьет!» Еще о деталях наших взаимоотношений... У меня был друг по институту, потом ставший другом и по жизни — сейчас доктор наук, профессор Ленинградского горного института Александр Николаевич Телегин, тогда он работал на Камчатке и в письмах мне жаловался, что полгода у него нет никакой работы — то химикатов нет, то бумаги... Я стал гово-

рить Валентину Ивановичу: «Давайте пригласим сюда Телегина. Он там все равно ничего не делает, а такой парень умный, знающий...» А Иванов мне отвечает: «Зачем же нам двоих таких умных в одну партию?» Очень уж я был склонен раздумывать. Там было много всяких мелких проблем, и очень часто важно было вовремя принять решение — любое, но на нем уже настаивать. Я не боялся ответственности, но мне хотелось принять решение обоснованное, поэтому не всегда поспевал. Тем не менее с Валентином Ивановичем у нас сохранялись самые теплые отношения, и я вспоминаю о нем с огромным удовольствием. Мы профессионально дружили — это не так часто бывает. У нас абсолютно не было проблем, традиционных между интерпретатором и начальником партии — интерпретатор добивается, чтобы материал был более высокого качества, и потому требует, чтобы точки дольше обрабатывались, а начальнику партии важно пройти больший километраж, и отсюда возникают некоторые трения. У нас было полное единодушие: я понимал, что бессмысленно работать малыми километрами: структур не будет. Для того чтобы были структуры, надо было и найти их, и успеть детализировать, где-то точки погуще сделать. У меня были четкие установки к операторам, что они должны быстро предпринять в случае неполучения материала, и они могли спокойно идти дальше. Потому что, после некоторых моих дебатов с Цибулиным, материал, даже если на сейсмограмме ничего не было, но были выполнены все технические установки техрука или старшего интерпретатора, не браковался. Валентин Иванович очень это поддерживал.

Много было живых и прекрасных моментов в той жизни, сложных и порой трагических. У нас в партии умер молодой человек — от спирта. Но я судьбе, безусловно, очень благодарен за то, что через все это прошел и не оставил о себе никакой плохой памяти, что старался делать то, чего другие не могли.

Недавно читал отчет одной из сейсморазведочных партий Березовской экспедиции и удивился, что там много рассуждений, формул и так далее, — оказалось, что этот отчет написан мной и за него поставлена «тройка». Это был один из очень приятных эпизодов моей жизни, потому что потом я перезащитил этот отчет прямо в Тюмени и после перезащиты отчет получил оценку «хорошо» — я убедил местных «зубров» сейсморазведки в своей правоте! Если учесть, что я был только три года как на производстве — это было значительной победой. Но почему-то в тексте это не нашло своего отражения...

Думаю, что и тогда я как-то выделялся. С одной стороны, очень приятно чувствовать, что здесь я свой, вот отсюда! С другой — в том и была замечательная особенность Березовской экспедиции, что здесь образовался как бы некий свободный островок, где есть возможность себя проявить. Одно дело — в Колпашево мне сказали, что я никогда не стану больше чем оператором. Другое дело — когда у меня появился выбор, что писать в отчете, как проводить работы.

Очень своеобразная была действительность при социализме, когда говорилось одно, а делалось другое. Много было таких странных вещей, которые мне приходилось познавать и понимать, что такое реальный социализм во всех его реалиях. Но я и там оставался тем, кем я был. Я тогда написал инструкцию по определению погрешностей сейсмических наблюдений — она была распространена по всей экспедиции. То есть пожаловаться на то, что меня там не замечали — это было бы совсем неправдой. Наоборот, я там впервые почувствовал, что мои устремления в науку не являются голой фантазией, а имеют под собой некоторые основания.

Стихи и формулы

Кабаев Л.Н.:

Сергей Васильевич Гольдин уже тогда был фанатиком, жил в мире дифференциалов, интегралов, количественной зависимости. Я считывался каким-то детективом, а он брал сейсмограмму, сутками сидел над ней и находил в ней все — и для души, и для ума, и для всех остальных потребностей. Лет десять спустя я посвятил Гольдину одно стихотворение:

Ученый похож на влюбленного,
Который к своей лишь избраннице
Свел формулу мира огромного
И с нею никак не расстанется.
Плененный прекрасными шорами,
Он с бешеной силой талантливых
Шутя справляется с горами
И вброд переходит Атлантику.
Но прожив однажды обвенчанным,
Он скажет однажды, под занавес,
Той самой единственной женщине:

«Не знаю, за что ты мне нравилась?»
И, может, впервые почувствовав,
Как что-то в душе его дрогнуло,
Он вместо решений прокрустовых
Напишет стихи, а не формулы.

И ведь действительно написал, сборник его стихов так и называется: «Стихи. Не формулы». Просто метаморфоза какая-то! Ученый до мозга костей, был занят только геофизикой, он решал задачи, которыми в мире занимались не больше десяти человек, сутубый теоретик, он в математических моделях представлял все многообразие Вселенной. Одно из его изобретений, которое он первый в Союзе провел в жизнь, в Тюменском индустриальном институте: геолог-математик. Отсюда все наши программисты, наши успехи в компьютерных делах — начало всему положил Сергей Васильевич Гольдин. Самое полное его определение — интеллигент. Причем не в силу одной образованности. Говорят, интеллигентность — это умение понять и быть понятым, это сопереживание. Можно быть эрудированным, но не быть интеллигентным. Интеллигентность — это образ жизни, состояние души, это не объем знаний. Для меня интеллигентность — это порядочность.

Гольдин С. В.:

В названии сборника обыграна первая строка одного из стихотворений, точное название которого «Стихи и формулы»:

Стихи — не формулы: сплошные нелогизмы,
где вместо силлогизмов — афоризмы,
которых никогда не доказать!
Слова играют? Образ точен?
Но символ знает место, символ точен!
Сомнения — по краешку обочин,
и не страдать тут впору, а дерзать!

Уж год стихов не сочиняю
и даже о стихах не помышляю!
Но формулы выстраиваю в ряд.
И в том не вижу сожалений,
поскольку обоснованность решений
ценю всего превыше.

Невпопад

слова на строчки не роняю,
ненужной рифмой строчек не ровняю —
знак равенства — надежнейший гарант
тому, что нет обид, сомнений,
запутанных и ложных положений
и бесконечных недоразумений...
А символ бесконечности — лишь бант,

который тут и там вплетаю.
Меж тем — капель. Все тает.
И скоро снег с черемухи слетит.
А там — сирень... И нить воспоминаний
потянет, поведет в погасший ад страданий...
Но это лишнее. Для лишнего — петит!
А крупный шрифт — для знака интеграла.
Тугая нить и два овала.
Он мудрый змей, что жил немало
и меру сущего, возвысившись, постиг.
Но лезут вновь петитом строки,
обрывки разговоров и упреки.
Вот так всегда — забудешься не миг...

Я был нетерпелив? Возможно.
Но вечность ждать! Ждать вечность — можно?
И ты была так осторожна
среди соблазнов повернуть, свернуть...
Вернемся лучше к знаку интеграла:
как точен он — ты б только знала!
Тут спорить не о чем и не в чем упрекнуть.

Я терпелив. Я знаки подбираю.
Я с ними, точно с мышью кот, играю
и вместо «альфы» смело ставлю «ню».
Вот формулы: выстраивай и числи!
Но где-то на задворках мысли
я что-то нелогичное храню —
стихи. Не формулы. Сплошные нелогизмы.
Рассвет. И тремоло ветвей, как трепет жизни.

Висящие в тумане дерева...
Букет сирени в тонких пальцах,
потом все валится из рук,
все валится...
Я бормочу слова...

Писать стихи я начал в Тюмени, в 1968 году, в возрасте 32 лет. Писал сугубо для себя, очень долгое время никого в это не посвящая, кроме, может, той женщины, которая была со мной рядом.

В Тюмени я работал с 1965 по 1970 год, в ЗапСибНИГНИ. И это тоже яркая страница моей жизни. Закончив аспирантуру, я поехал сюда, выдержал конкурс со стороны кандидатов наук на должность заведующего лабораторией. Это сразу изменило не только мое материальное положение — я впервые стал по-настоящему самостоятелен, то есть отвечать не только за себя, но и за круг людей в области науки в совсем уже моем деле — по сравнению с теми временами, когда я был начальником сейсмопартии. Для Тюмени за те пять лет я, может быть, больше сделал, чем для Новосибирска за все свои последующие долгие годы. В Новосибирске огромная концентрация квалифицированных кадров, а в Тюмени благодаря мне открылась специализация «математическая геология» — в индустриальном институте и ЗапСибНИГНИ возник отдел математической геологии, который возглавлял Андрей Михайлович Волков, которого я нежно люблю. То время было исключительно интересным. Тогда открывались многие проектные институты, исследовательские, нефтяные, газовые. Много молодых людей съехалось. Я жил очень бурной жизнью. Семинары, лекции, индустриальный институт, в который я много вкладывал, и тот же волейбол... Я встречался примерно с одним и тем же, но очень большим кругом людей. Приезжал Косыгин, говорил об «открытии века». Утром включал радио — говорят либо о соседней с нами лаборатории, либо о нашей, либо о геофизиках, с которыми я работал. Чувствовался эмоциональный подогрев со стороны некой общественности, и это очень сильно воздействовало на настроение.

Когда я вернулся в новосибирский Академгородок, там жизнь в этом смысле казалась очень тихой и умеренной. Хотя в конце шестидесятых годов в Академгородке была очень бурная общественная жизнь: знаменитый клуб «Под интегралом», барды приезжали и так далее. Но после того как общественность написала несколько писем в поддержку правозащитников (шли процессы над ними), многих

«подписантов» выгнали с работы, и ситуация изменилась. Реальная общественная жизнь атаквизировалась, разошлась по каким-то группам, кухням и тому подобное, а внешне все было спокойно. И моя общественная активность неожиданно реализовалась в совершенно новом для меня плане: я ставил спектакли.

Меня профком уговорил заняться этой деятельностью: надо было докончить спектакль ко Дню геолога. Я за это взялся. Спектакль имел успех, и ко мне обратились снова, причем теперь и актеры. Хотя актеры там были даже с театральным образованием, большая группа, и они прекрасно все без меня знали, а я даже слова «разводка» не понимал. «Читка» — еще догадывался. Когда ко мне снова с таким предложением обратились, я сказал в месткоме: «Если никаких других предложений не будет, то я согласен». И это оказалось для меня неким каналом общественного влияния. Я действительно рассматривал это занятие как реальную общественную работу. Потому что я писал о проблемах, которые в научной среде, в геологической среде существуют в абсолютно свободном жанре, никто меня там не контролировал, никаких показов никаким комиссиям никогда не было. В течение десяти лет я поставил 11 спектаклей на Большой сцене Дома ученых. Все по своему собственному сценарию. Какие темы мы брали... Один из наших лучших спектаклей «Одиссея-75» — о первой геологической экспедиции в истории человечества, описание которой сохранилось в письменном виде. Действие начиналось с заседания народного суда города Итака, где Одиссея судили за растрату полевого довольствия. А спектакль «Два мушкетера» начинался с того, что я объяснял публике, что, конечно, мы хотели поставить «Трех мушкетеров», но одного пришлось уволить по сокращению штатов. А действие происходило во ФРОАНе (Французское отделение Академии наук) — нас был СОАН (Сибирское отделение Академии наук). Люди, близкие к верхам, потом говорили мне, что очень похоже на то, что делается в нашем СОАНе, еще бы несколько фактов... А я ничего не знал о том, что там происходит, хотя, конечно, догадывался. Последний спектакль поставил уже серьезный, с другой труппой, более профессиональной, — к столетию со дня рождения Блока. «Горькая страсть — как польнь» — тоже по своему сценарию, по стихам, письмам, стихам других поэтов... Отдал частичку жизни Блоку: у меня первый приступ стенокардии случился в момент этого спектакля, когда я произнес вступительное слово, уходил — и вдруг почувствовал. После этого свою театральную деятельность я закончил. Режиссер — это про-

фессия риска, это действительно так. Очень сложные отношения в театральных группах, даже если они самодеятельные. Актеры — это совершенно другие люди, они больше дети, чем взрослые, и руководить такими людьми совсем не просто.

Работа в театральной самодеятельности сыграла, неожиданно для меня, колоссальную роль. На рубеже пятидесятых-шестидесятых годов была дискуссия «физиков и лириков». Тогда я был на стороне инженера Полетаева, который говорил, что инженер не обязан отличать Блока от Бальмонта, а не на стороне «лирика» Эренбурга. Я очень гордился тем, что делаю сугубо полезную работу и при этом могу судить о литературе, если мне нужно, а вот они, эти «лирики», непонятно, делают ли полезную работу! Так вот, когда я ставил спектакли и видел, что моим шуткам улыбаются 800 человек в зале, я впервые понял, что это важнее, чем некоторые выведенные мною формулы, которые неизвестно еще поймет ли кто, сумеет ли использовать. И в этом споре между физиками и лириками позицию я изменил на сто процентов. Больше того, я недолюбливаю общество чистых профессионалов. Оно опасно для человечества. Потому что шкала ценностей у них сильно смещена по отношению к общечеловеческим. Взять хотя бы проблемы использования ядерной энергии — некое столкновение профессионального мира с общечеловеческим. Я не могу сказать, что экологи всегда правы, но это противостояние очень важно, именно оно позволит в конечном итоге построить то, чтобы угроза перед человечеством не стояла.

Мы живем в человеческом обществе, в котором все люди разные, и человеческих страстей никому не избежать. И это очень важно, что мы такие разные и по-разному подходим ко всему. Бог это преднамеренно создал. Когда-то я очень не любил в науке скептиков, а потом понял, что они очень даже нужны. Есть фантазеры — и они нужны, даже если семьдесят-восемьдесят процентов фантазий оказываются безуспешны. Сам я, безусловно, не скептик, но романтиков недолюбливаю: если романтизм исходит из неких идеальных представлений о жизни, потом происходит столкновение с реалиями, и такой романтик ломается, превращается в скептика — ничего хорошего в этом нет. Но есть романтики, которые то, чего они хотят в жизни, выстраивают вокруг себя. В Березовской экспедиции было нечто похожее. И это дало нам большой заряд на всю последующую жизнь.

*Рассказы геофизиков записала
Елена Шмелева*

[Обдорская ярмарка]*

Получ. 14 фев. 1858 года

В Тобольский губернский статистический комитет

Исправляющего должность
Березовского военно-окружного начальника*

Рапорт

Во время бытности моей в Обдорском селении в минувшем январе месяце на ярмарке, следя за ходом торговли в Обдорске, я собирал сам лично и чрез чиновников земской полиции требующиеся предложением оного Комитета от декабря прошлого 1857 года за № 137 сведения. Из собранных сведений оказалось: 1-е. Коренными жителями Обдорского участка остяками и самоедами было привезено на ярмарку следующее количество товаров, а именно:

- 1) Звериных шкур песцов белых 5860 (полагая по 60 к. за штуку) — 3516 р.
- 2) Недопесков, называемых синяками и крестоватиками, 3880 (по 70 к. за штуку) — 2716 р.
- 3) Песцов маленьких — щенят, называемых норниками и копанцами, 1052 (по 40 к. за штуку) — 420 р. 80 к.
- 4) Недопесков голубых 4 — по 3 р. на 12 р.
- 5) Лисьих шкур: а) белодушек 130 штук (по 3 р.) на 390 р.; б) сиводушек 21 (по 6 р.) на 126 руб.; в) крестоватиков бурьих, черно-бурьих, черных и прочих сортов дорогих лисьих шкур в привозе на продажу не было.

* **От редакции.** В это время березовским военно-окружным начальником (1855–1858) был Герасим Алексеевич Колпаковский. Характеризуется современниками как энергичный и распорядительный администратор. По поручению генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда изучал возможности возделывания на Севере Тобольской губернии зерновых культур, возбуждал ходатайство об откры-

- 6) Горностаев 633 по 35 коп. на 221 р. 55 к.
- 7) Беличьих шкур 2640 по 10 коп. на 264 р.
- 8) Росомах 8 по 2 рубля на 16 р.
- 9) Выдр 4 по 5 руб. на 20 руб.
- 10) Волков 37 по 3 руб. на 111 руб.
- 11) Оленьих кож 5490 по 1 р. 40 к. на 7686 р.
- 12) Собачьих кож 19 по 60 коп. на 11 р. 40 к.
- 13) Лебяжьих шкур 100 по 35 к. на 35 р.
- 14) Неплюев 1083 по 2 руб. на сумму 2166 р.
- 15) Пешек 1729 по 40 коп. на 691 р. 60 к.
- 16) Песцовых лап 54315 по 3 коп. на 1629 р. 45 к.
- 17) Лисьих лап 308 пар по 30 к. на 92 р. 40 к.
- 18) Гагарьих шеек 2611 по 5 коп. на 130 р. 55 к.
- 19) Кысов (кож с оленьих коленей) 1460 по 5 коп. на 73 р.
- 20) Кож от оленьих лбов 1200 по 1 $\frac{1}{2}$ к. на 18 р.
- 21) Подошв оленьих 284 по 1 к. на 2 р. 84 к.
- 22) Хвостов беличьих 2640 по $\frac{1}{2}$ к. на 13 р. 20 к.
- 23) Хвостов песцовых 10600 штук, из коих 5800 от белых песцов, по 3 коп. на 318 р., от синяков и крестоватиков — 3800 штук по 1 $\frac{1}{2}$ к. на 57 руб. и 1000 штук от норников и копанцов по 1 к. на 10 р. Всего на 385 р.

24) Кож белых медведей 12 по 2 руб. 50 коп. на 30 р.

Съестных припасов:

- 1) Оленьего мяса 150 пуд. по 90 коп. на 135 р.
 - 2) Куропаток 1800 штук по 3 к. на 54 р.
 - 3) Рыбы: осетрины 50 пуд. по 2 р. на 100 р., нельмы 20 пуд. по 1 руб. 50 коп. на 30 руб., и разной другой, как-то: пыжьяна и сырка 100 пуд. по 50 коп. на 50 р., муксуна 20 пуд. по 1 руб. 20 коп. на 24 р., налима 70 пуд. по 40 коп. на 28 р., щуки 100 пуд. по 30 коп. на 30 р.
- Итого на 262 руб.

тии ежегодной ярмарки в с. Самарово с целью улучшить экономическое положение населения Березовского округа. Стремился повлиять и на культурное развитие края. При нем были поставлены первые любительские спектакли в Березове. Генерал от инфантерии. После 1858 г. был военным губернатором Семипалатинской и Семиреченской обл. С учреждением Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омск (1882) назначен на эту должность. Почетный член РГО и Уральского общества любителей естествознания. Внес большой вклад в формирование зоологического отдела музея Западно-Сибирского отдела РГО и собирание коллекции фотографий.

- 4) Клею осетрового 7 пуд. 20 фунт. по 2 руб. за фунт на 600 р.
- 5) Ягод морошки 13 ведер по 20 коп. за ведро на 2 р. 60 к.
- Других ягод, как-то: брусники, черной ягоды, называемой воденница, по случаю неурожая в ярмарку сего 1858 года не было.
- Орехов кедровых 100 пуд. по 60 к. на 60 р.
- Разных других товаров:
- 1) Мамонтовой кости 50 пуд. по 50 коп. фунт на 1000 руб.
- 2) Моржовых зубов 15 штук по 50 к. на 7 р. 50 к.
- 3) Разного птичьего пера, смешанного с пухом, 750 пуд. по 2 р. 50 к. на 1875 р.
- 4) Гнездового пуху 8 пуд. по 60 коп. за фунт на 192 р.
- 5) Моржового, тюленьего и морских зайцев сала на 30 руб.
- 6) Ворвани 50 пуд. по 1 р. 50 к. на 75 р.
- 7) Тисков (т.е. сделанных из бересты крыш для чумов или подвижных юрт) 30 штук по 60 коп. на 18 руб.
- 8) Губ березовых (для примеси к нюхательному табаку и делания труту) 1200 по 3 к. на 36 р.
- 9) Губ таловых 1500 штук по 1 к. на 15 р.
- 10) [В]отлипу (тонко строганный тал, употребляемый инородцами вместо салфеток и утиральников) 100 связок, заключающих в себе полпуда тяжести, по 30 коп. на 30 р.
- 11) Тагаров (ковры, деланные из соломы разных трав, довольно искусной работы) штук 40, смотря по величине и чистоте работы, от 40 к. до 1 руб. на 20 р.
- 12) Ремней моржовых 200 саж. по 3 коп. сажень на 6 р.
- 13) Оленьей упряжи на 400 оленей, полагая материал на лямки и ремни по 30 коп. за упряжь, на 120 р.
- 14) Деревянных шестов, заменяющих бичи при езде на оленях, 120 штук по 20 копеек на 24 р.
- 15) Корзинок или коробок разных видов и размеров, деланных инородцами из корней разных дерев, 12 штук по 30 коп., 40 и 50 к., смотря по величине, на 4 р. 80 к.
- 16) Гусей (верхнее платье из оленьих кож шерстью вверх с пришитыми треухами, заменяющими шапку) 100 штук по 3 руб. на 300 р.
- 17) Малиц (платье из неплюевых кож шерстью внутри) 100 по 3 р. на 300 р.
- 18) Парок (верхнее платье, употребляемое более зажиточными инородцами и многими местными русскими жителями, из неплюев с

узорами) от 6 до 12 руб., смотря по качеству и количеству употребленного материала и чистоты отделки, на 50 р.

19) Ягушек (женское платье в виде кацевеек из неплюев или пешек, подбитое каким-либо мехом) 50 от 2 до 3 р. на 125 р.

20) Пимов с чижками (остяцкая и самоедская обувь) 400 пар по 1 руб. на 400 р.

Оленей живых 300 штук по 3 руб. на 900 р.

А всего на сумму 27419 р. 59 к.

Весь этот товар инородцами был продан по выше означенным ценам, остатку не было как потому, что цены эти сравнительно с предшествовавшими годами были довольно выгодны, так и потому, что увозить товары обратно для инородцев весьма затруднительно и даже невозможно, ибо они, выменяв все привезенное на ярмарку на товар, возвращаются в свои стойбища почти все с годовым запасом съестных припасов и других потребностей, заключающих в себе незначительную тяжесть, впрочем, если бы подобных затруднений и не существовало, те инородцы по свойственной им беспечности, мало заботясь о будущем, продают все хотя бы по самым низким ценам и вырученное употребляют нередко на прихоти свои. Привозимые на ярмарку товары не заключают в себе особенно хорошего качества, и товар вообще разделяют на следующие сорта.

Пушной товар зимней добычи почитается лучше и ценится дороже противу шкур зверей, уловленных в исходе зимы и весною; кроме того, есть еще подразделение сорта пушного товару, достоинство которого зависит от величины шкур, пушистости, цвета и хорошего сохранения оного.

В частности же говоря, песцовые шкуры разделяют на шесть сортов, кои определяют по возрасту добытых зверей, так, например: 1) песец старый белый толстый, ценившийся в прежнее время весьма дорого, по 1 руб. и 1 руб. 20 коп., и принимаемый по окладу в ясак $78\frac{1}{2}$ коп., но ныне уронивший свою ценность и покупаемый только по 60 коп., считается и теперь все-таки первого сорта; 2) песец белый тонкий, в прежнее время менее ценный толстого песца, а по нынешним торговым обстоятельствам продающийся дороже последнего; 3) недопесок синяк, ныне покупаемый почти по одной цене с белым тонким; 4) недопесок крестоватик, несколько менее ценный синяка; 5) норник, маленький недопесок, по виду и цвету мало различающийся от крестоватика, и 6) копанец, т.е. щенок менее норника и

различающийся от него только тем, что он меньше и короче. Лисьи шкуры разделяются на следующие сорта: 1) черная шкура ценится весьма дорого от 20 до 80, даже до 100 руб., но таких сортов лисьих шкур в продаже не бывает; 2) черно-бурые от 20 до 60 р.; 3) бурые от 15 до 35 руб.; 4) красно-бурые в той же цене, что и бурые; 5) полубурые несколько дешевле бурых; 6) крестоватые ценятся не менее как от 10 до 15 руб.; 7) сиводушка ценится не менее 6 руб., и 8) белодушки 3 руб. Кроме того, лисьи шкуры достоинством своим различаются и от способа, каким они добыты; пойманные капканами, тенетами и застреленные называются здесь полевыми, т.е. добытыми на поле, ценятся несравненно дороже тех, кои, будучи еще детенышами, вынуты из гнезда и вскормлены на домах, называемые кормленками, а сии последние в достоинстве и ценности имеют различие, происходящее от того, удачно ли были вскормлены и вовремя убиты. Выше показанная существовавшая ныне на ярмарке цена сиводушки 6 руб., а белодушки 3 руб., но как по изложенным здесь причинам они разделяются на разные сорта и имеют различное достоинство, то само собою уже разумеется, что не-одинаковая на всех их бывает цена, есть сиводушки в 4 и 5, и 6, даже 8 руб., а белодушка 2, 3 и 4 руб., но в общей сложности в нынешнюю ярмарку пришлось за сиводушку 6 и белодушку 3 руб.

Оленьи кожи различаются между собою в достоинстве величиною и ценностью: те, кои поменьше или имеют на себе дырки, проеденные свищами, ценятся дешевле. Неплюевы и пепшек кожи различаются в достоинстве и ценности по величине их и цвету шерсти: те, кои побольше или потемнее, почитаются лучшими и ценятся дороже; шкуры же прочих зверей особых различий, кроме тех, о коих выше объяснено вообще о различии достоинства и сорта пушного товару, не имеют.

Рыба разделяется на два сорта: рыба первого сорту почитается та, которая добыта в зимнее время из-под льда, и второго сорта — добытая летом, сохранившаяся в садах и убитая осенью при наступлении морозов; впрочем, хотя первая рыба как совершенно свежая далеко лучше на вкус последней, но разницы в цене почти не существует.

Мамонтовая кость разделяется на несколько сортов: та почитается самую лучшею, которая сохранилась от гниения и не заключает в себе трещин, так что хотя в общей сложности выше показанная за фунт мамонтовой кости [цена] простирается только до 50 коп. (за фунт), но за самую лучшую кость платится по 2 руб. за фунт.

Гуси, малицы, парки, ягушки и пимы с чижками, составляющие инородческую одежду и обувь, имеют различие в ценности смотря по качеству и количеству употребленных материалов и от того, как тщательно они построены, например: самый лучший гусь продавали по 5, 6 и 7 руб., но зато было на ярмарке немалое количество гусей, дешевле показанной выше цены 3 руб.; так однако же что в общей сложности за гусь приходилось не более сей последней цифры; то же самое надо сказать о малицах, парках и ягушках.

Олений скот имеет тоже различные сорта: первого сорта олень считается тот, который сытный, сильный, годный для езды и употребления в пищу, и притом важенка (самка) ценнее и дороже, потому что от нее ожидается ежегодно приплод. Прочие же поименованные выше второстепенные товары, не различаясь между собой в достоинстве, на сорта не разделяются.

Мягкая рухлядь всех сортов, за исключением малой части, продаваемой для употребления местных жителей Обдорска и Березова, покупается обдорскими, березовскими и одним тобольским купцом Плехановым, отправляется для продажи в г. Ирбит на ярмарку; в прежние годы немалая часть рухляди, купленной зырянами, отправлялась ими за Урал в Архангельскую губернию, но в минувшую ярмарку сего 1858 года зыряне, приобретая у инородцев рухлядь, тут же, на месте, перепродавали местным торговцам на деньги или выменивали на товары, преимущественно на муку, в которой они в теперешнее время очень нуждаются по случаю бывшего у них неурожая хлеба.

Оленьи кожи преимущественно скупаются зырянами и вывозятся за Урал для выделки на имеющихся у них заводах на замшу, доставляемую ими на продажу в города Архангельск, С.-Петербург, Нижегородскую ярмарку и прочие места; малая часть только оленьих кож скупается местными торговцами — или для перепродажи зырянам, или на вывоз в г. Тобольск.

Рыба и все прочее съестное покупается на ярмарке русскими жителями с. Обдорского, г. Березова и зырянами для собственного употребления, впрочем, незначительное количество рыбы отправлено торговцами в город Ирбит и самая малая часть увезена за Урал зырянами.

В начале текущей зимы, в ноябре и декабре месяцах, зыряне, стараясь скупить как можно более рыбы, платили неслыханно высокие цены, так, например: за пуд осетра в Обдорске по 5 р. 15 к., в ярмарку же покупку рыбы зыряне прекратили, и потому она уронила прежнюю

свою ценность более чем наполовину. Приезжающие на ярмарку зыряне покупают от инородцев товары исключительно сами, с первых рук, русские же, главные торговцы, редко покупают сами, а больше через своих приказчиков и служителей, и посторонних людей, нанимаемых ими на время ярмарки комиссионерами за условленную плату или из-за известных в пользу комиссионеров процентов по добровольной их сделке. Есть много таких мелочных торговцев, людей совершенно бедных, которые, взяв у главных торговцев хлеб и прочие потребности или когда и деньги, обязуются уплатить за все забранное купленными у инородцев товарами, и в сем случае приобретенный подобными жалкими торговцами барыш, как бы он по сумме его оборота значительный не был, но, в сущности, самый ничтожный, остается в его пользу, и главные торговцы имеют в этом тот расчет, что по выгодным для них ценам отпускают для местных торговцев товары и припасы и по сходным ценам принимают от них пушной товар и прочее привозимое инородцами на ярмарку. Немногие из местных жителей Обдорска и приезжающих туда на ярмарку из города Березова занимаются мелкою торговлею, есть в некоторой степени самостоятельные — заимствуясь только в части у главных торговцев, они скупаемое с первых рук сдают по выгодным ценам оптовым покупателям, барыш их при этом составляет не менее 10 процентов. Перекупом занимаются жители Обдорска, кроме купцов и их приказчиков, часть березовских мещан, казаков и крестьян, оптовые покупщики есть все березовские и обдорские купцы и главнее всех тобольский купец Плеханов.

2-е. В Обдорский край для продажи на ярмарке и [во] всякое другое время оптовыми торговцами приплывается в каждый год из Тобольска и других мест на судах, каюках и барках и частью мелочными торговцами на лодках в июне месяце на продовольствие и потребности жителей края значительное количество хлеба, соли, мережи, бумажных и шерстяных товаров, железных изделий и проч., но большая часть оных, преимущественно хлеба и мережи и прочих рыболовных снарядов, продается в другое время — в начале лета и осенью по окончании рыбных промыслов. В настоящем году к ярмарке оставалось и привезено вновь из Березова и зырянами из Архангельской губернии следующее количество:

- 1) Муки ржаной 29666 пуд. по 40 коп. на 1 1866 р.
- 2) Пшеничной муки 465 пуд. по 1 руб. пуд на 465 р.

- 3) Крупчатой муки 100 пуд. по 1 руб. 43 коп. пуд на 143 р.
 - 4) Хлеба печеного 6440 пуд. по 45 копеек пуд на 2898 р.
 - 5) Соли 300 пуд. по 60 коп. на 1800 р.
 - 6) Мережи 18200 саж. по 10 коп. сажень на 1820 р.
 - 7) Сукна, бумажных и шелковых товаров и разных других мануфактурных изделий на 3340 р.
 - 8) Сахару, чаю, картузного табаку и разных других колониальных товаров на 1662 р.
 - 9) Разных железных и медных поделок, как-то: топоров, ножей, ножниц, капканов, ружейных замков, котлов железных и медных, колец и проч. на 895 р.
 - 10) Свищу 19 пуд. по 6 рублей 80 коп. на 129 р. 30 к.
 - 11) Разных бакалейных товаров на 240 р.
 - 12) Сельских произведений: масла, мяса, листового табаку, пеньки и проч. на сумму 1252 р.
 - 13) Сельских изделий, как-то: чашек деревянных, чарков, бродней, чулков, ремней, поясков, крестьянского сукна и проч. на 2859 р.
- А всего на 29369 рублей 30 копеек.

В летнее время привозимые из Тобольска товары водою на больших судах, если бы они шли безостановочно, могли бы прийти в Обдорск по течению воды при благоприятной погоде в 15 дней, а при противной в 25 и более, на лодках в 12, 15 и 20 дней, на барках в 40 дней, но все суда и лодки в течение означенного срока не достигают Обдорска, потому что почти все суда останавливаются и выгружают часть товаров в городе Березове и других местах, лежащих на пути их следования, и приходят обыкновенно в Обдорск со времени отправки из Тобольска: суда в 30 дней, барки в 45 дней и лодки в 25 дней. В зимнее время товары привозятся на Обдорскую ярмарку только из Березова на оленях в течение 3 или 4-х дней и зырянками (более значительное количество) из Архангельской губернии. Доставляемые товары стоят торговцам на местах покупки по крайней мере на 12% дешевле тех цен, по каким они продаются, а провоз их обходится не более двух процентов. Зимой же хотя провозная цена и значительно повышается, так, что от г. Березова до Обдорска приходится платить по 40 и 50 коп. с пуда, но торговцы чрез то не терпят убытку, потому что провозную плату они вознаграждают возвышением цен на товары. Круглым числом чистой прибыли надо считать продавцам не менее 10 процентов.

Зыряне, преимущественно ижемцы, приезжают в Обдорск из Архангельской губернии Мезенского уезда из Ижемской волости на оленях чрез Урал разными путями, по которым никто из местных русских жителей никогда не ездил. Главный из этих путей (проход), начинаясь от слободы Ижемской и пересекая Печору у устья реки Ошкульск, потом дойдя прямым направлением до устья реки Сыни, разделяется на две дороги — одна идет по Уссе, а другая, направляясь по площади между Уссою и Уральским хребтом, соединяется сперва у р. [К...], дойдя до р. [Лемвы] несколько выше устья оной, поворачивает под прямым углом к Уральскому хребту и пересекает реки [Подояху] и Хоруту, тянется через Уральский хребет ущельем, откуда берет начало река Сынья, впадающая в Обь, чрез Уваловские юрты она ведет прямо в с. Мужы, чрез которое идет большая дорога из Березова. Кроме того, есть и другие пути, известные только зырянам и некоторым самоедам Березовской округи.

В предшествующие годы зырян приезжало на ярмарку от 40 до 60 человек, но в нынешнем году они наводнили собою село Обдорское так, что их насчитать можно было больше 205 человек, кроме малолетков и женщин. Причиною такого явления можно признать ощущаемый в настоящее время в Мезенском уезде недостаток продовольствия, но по собственным словам зырян, они охотнее стали посещать Обдорск и потому, что со стороны местного начальства не только не терпят никакого притеснения, но, напротив, оно оказывает им в торговле и во всем прочем покровительство.

По ввозу оборот торговли зырян на ярмарке простирается не более как до 5000 рублей, а по вывозу простирается до 15000 рублей, считая товары, купленные у инородцев и русских. Барыши они приобретают, как надо с достоверностию заключить, значительные, но в какой степени, определить невозможно, на их показания основываться нельзя, потому что они по недоверчивости и подозрительности, опасаясь наложения каких-то пошлин, всегда отзываются с невыгодной стороны о своей торговле.

Долг требует, однако ж, заметить, что посещение зырянами Березовского края весьма благодетельно для инородцев, так как, возвышая цены на местные произведения, они отнимают возможность у русских торговцев обманывать невежественных остяков и самоедов.

Кладь зыряне привозят и увозят на собственных оленях, полагая по 10 и 12 пудов на пару оленей (провозной платы у них нет, так как

каждый торговец-зырянин употребляет своих собственных оленей). Кроме зырян в нынешнюю ярмарку было человек до 80 самоедов Архангельской губернии. Они приезжали для закупки муки и продажи своих произведений; большая часть их не имела билетов, и некоторые, считая себя коренными жителями Обдорского края, обращались к березовскому начальству с просьбой о разборе споров, происходящих на месте их жительства. Хотя мезенские самоеды приезжали на ярмарку из другой губернии и на весьма значительное расстояние, но чтобы они не имели ни малейшего повода думать, что их притесняют, в видах большего привлечения их посещать Обдорский край не было требуемого от них предъявления письменных видов.

3-е. На пушной товар цены весьма часто изменяются, то повышаясь, то понижаясь, — это происходит от того, в каком количестве пушной товар требуется в российские губернии и за границу. Во время продолжавшейся последней войны цены на звериные шкуры значительно понизились, по окончании же войны в ярмарку прошлого, 1857 года повысились и ныне не упали, кроме цен на беличьи шкуры; белый песок, приобретаемый прежде для кяхтинской торговли, от нескольких лет уронил свою ценность по случаю начавшихся и ныне продолжающихся в Китае беспорядков. Немало также зависит ценность товаров и от количества ввоза оных: чем меньше какого товара на ярмарке, тем выше обыкновенных на оный существуют цены, и наоборот. Приезжающие на ярмарку оптовые и мелочные торговцы большею частию имеют свои собственные амбары для складки привозимых товаров, а те, которые своих амбаров не имеют или считают неудобным или небезопасным хранить в оных товар, нанимают для этого помещение у местных жителей и платят за него от 10 до 40 рублей; товары, принадлежащие зырянам, все без исключения складываются в наемных помещениях; они доставляют их в Обдорск по первому зимнему пути, задолго до открытия ярмарки.

4-е. У остяков и самоедов не бывает никакого остатка от привезенных ими на ярмарку товаров; русские же непроданные в ярмарку товары хранят в своих амбарах, а некоторые из них и все зыряне складывают в наемных помещениях, оставляя на попечение местных жителей непроданный свой товар с правом при удобном случае сбыть по назначенным ими ценам. Русские оптовые торговцы все без исключения имеют безотлучно живущих в Обдорске приказчи-

ков или нанятых лиц, в распоряжение которых и оставляют непроданный свой товар, впрочем, сами они по делам рыбопромышленности и прочим своим надобностям посещают Обдорск и не во время ярмарки (а некоторые живут здесь постоянно).

5-е. В недавнее время вся торговля инородцев с русскими производилась меною товара на товар, но в последние годы и преимущественно в нынешнюю ярмарку у многих инородцев были наличные деньги; на них они покупали у русских хлеб и прочие потребности и охотно принимали деньги за свои товары. Появление у инородцев (в нынешнюю ярмарку необыкновенно) значительного количества денег надо отнести к тому, что зыряне осенью скупали на месте их стойбищ много рыбы по весьма высоким ценам. При меновой торговле бывают весьма обыкновенные и простые условия: за вымениваемые товары дается известное количество хлеба или муки, мережи или прочих потребностей. Расчеты при таком образе торговли инородцев между собою и русскими производились на песцов: ценность разных товаров определяется количеством песцов, каждый пецец по нарицательной цене соответствует 3 руб. ассигнациями. Хотя употребление наличных денег вводится заметно на Обдорской ярмарке, но все-таки и в текущем году (несмотря на случайное появление у инородцев денег) главный сбыт товаров на Обдорской ярмарке производился меною, так как инородцы обыкновенно стараются продать часть своих товаров на деньги только в том случае, если они требуются на повинности или на уплату за казенную муку, и обыкновенно один товар сбывать меною на товар, а другой исключительно на деньги нет — это они делают каждый по своему усмотрению или как случится.

При торговых сношениях с русскими почти всегда инородцы остаются у них в долгу и часто бывают неисправными плательщиками. При отсрочке платежа никаких в свою пользу процентов не налагают, и чрез то самое уже кредиторы бывают, по их расчетам, в некотором убытке, хотя бы должник и уплатил в назначенный срок.

Прежде русские торговцы охотно давали в долг инородцам различные вещи, в тех видах, чтобы после получать с них предметы их промышленности по низким ценам; но ныне немного есть таких зажиточных и верных плательщиков, коим можно охотно в долг поверить; каждый из русских, узнав опытом неблагонадежность на инородцах долгов, охотнее соглашается, не рискуя, отпускать инород-

цам свои товары на наличные деньги или на товары же, довольствуясь при этом незначительными для себя выгодами, чем отпустить в долг хотя бы на самых выгодных условиях. Если в настоящее время некоторые из русских всячески избегают отпустить инородцам в долг, то более из опасения, чтобы после не навлечь на себя неудовольствие должников, которые при малейшем поводе могут перестать их посещать и вовсе прекратить всякие с ними сношения, чрез что русские могли бы лишиться возможности получать свои долги, на которые не имеют никаких документов, ни юридических доказательств, что их долги будут когда-либо уплачены. Многие жители Обдорска и г. Березова – люди самого бедного состояния (нуждающиеся в дневном продовольствии), считают на инородцах по несколько тысяч рублей ассигнациями.

Русские, отпуская в долг инородцам товары на их потребности, записывают оные в книги или тетради, а инородцы дают им вроде расписок в получении товара – палочки с надрезами и зарубками наподобие римских цифр. Цифра 10 на палочках этих вырезывается совершенно сходно с римскою цифрою X, цифры же 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 означаются количеством надрезов в виде цифры 1. Нередко такие заметки делаются на двух отдельных палочках, из которых одна оставляется у кредитора, а другая у должника, чаще же инородцы надрезают знаки на двух сторонах палочки, потом раскалывают ее пополам: одну половину оставляют у себя, а другую (с такими же точно рубчиками) отдают кредитору. Случается, что недобросовестные инородцы, не желающие уплатить всего долга, срезавают знаки с палочек и таким образом уменьшают счет.

6-е. Письменных условий между хозяевами купленного на ярмарке товара и возчиками никогда не заключается, вычету из провозной платы возчиков за несвоевременную доставку никогда не бывает, потому что случаев неисправности со стороны возчиков не встречалось, да и едва когда-либо могут встретиться, потому что причин, препятствующих в исправной доставке, в зимнее время не существует преимущественно между Обдорском и Березовом, так как страна эта изобилует оленями, на коих кладь быстро перевозится из Обдорска до города Березова. Кладь везется из Обдорска частью на своих оленях, но больше на принадлежащих жителям Обдорска или инородцам, которые получают провозной платы от 40 до 50 коп. с пуда. Из города Березова товары доставляются обыкновенно на лошадях

до с. Самарова, где большею частию передаются на руки других возчиков и доставляются до г. Тобольска; провоз клади от Березова до Тобольска обыкновенно обходится не дороже 50 коп.; в нынешнем же году, по случаю упадка лошадей в Березовском округе, встретится замедление в доставке клади, и провозная плата увеличилась до 1 руб. с пуда. Препятствие это, как неминуемое и неотвратимое, предвидят как хозяева клади, так равно и возчики, и не могут последние пред первыми быть в ответе, потому что они уславливаются соответственно неблагоприятствующим ныне на перевозе клади обстоятельствам. В настоящем году некоторые из торгующих, предвидя невозможность перевезти кладь в г. Ирбит обыкновенною дорогою чрез Тобольск, решили отправить ее туда совершенно другим, почти вовсе неизвестным им путем, по которому еще никто из здешнего края в Ирбит не ездил. Тракт этот пролегает чрез верховья р. Сосвы, Урал, Шапшинское селение Пермской губернии, вблизи Богословских заводов и г. Верхотурья, но существуют ли здесь препятствия в езде и перевозке клади, можно будет узнать от торговцев по возвращении их из Ирбитской ярмарки.

7-е. Корень лисиц черных, черно-бурых и прочих дорогих пород в Березовской округе хотя и не вывелся еще совершенно, но год от году делается меньше, и нет сомнения, что это происходит от того, что инородцы вынимают из гнезд лисят и вскармливают их на дому. О воспрещении сего я имел честь сделать представление 16 ноября 1855 года за № 1103, но разрешения еще не последовало. Здесь нелишне будет сказать о способе, коим инородцы достают маленьких лисят. Прежде я думал, что это делается случайно, но впоследствии удостоверился в противном. Все березовские инородцы из способа добывания маленьких лисят учредили промысел: лишь только стает снег, они отправляются отыскивать лисьи гнезда и забирают из оных всех найденных щенят. Будучи от природы беспечны и ленивы, инородцы, в особенности остяки, только и надеются на этот род промысла, не ставят капканов и самострелов и никогда не занимаются гоньбой лисиц в поле, потому что без особого труда надеются приобрести из гнезда маленьких лисят; вскармливание же их не составляет обязанности промышленника, этим по большей части занимаются женщины, притом он так прост, что производится без особого труда: щенят садят в ящик с прорезанными сверху и снизу дырками, в первом для сообщения воздуха, а в последнем для истока нечистоты, изредка

ящички чистятся; по мере того как лисята вырастают, их переносят в большие ящички и таким образом кормят рыбою до наступления зимы, потом убивают; вскормленных таким образом лисиц бывает много не только в продаже, но и в ясаке. Удивительно, что лисица, всехитрый зверь, в этом случае совершенно проста, например, устроивши гнездо, она ежегодно щенится в нем, пока сама не погибнет, несмотря на то, что каждый раз забирается ее плод; это обстоятельство немаловажным поводом служит к тому, что все инородцы взялись за легкий способ вынимать лисят, между тем от такого промысла лисицы не только дорогих пород, но и самые простые значительно уменьшаются, что доказывается тем, что в прежнее время, лет десять назад, некоторые инородцы выкармливали от 50 до 80 штук лисят, а теперь те же инородцы находят и воспитывают не более 5 или 10 щенят.

Если не воспретить инородцам вынимать из гнезда лисят, то нет мудреного, что со временем зверь этот совершенно истребится подобно тому, как и бобры, водившиеся прежде в Березовском округе, теперь же их совершенно нет. Действительно, инородцы, будучи приохочиваемы выдаваемыми им похвальными листами и предоставленными наградами за пятилетний взнос ясака дорогими шкурами, нередко приобретают оные для положения в ясак от русских торговцев, а сии последние, по их показанию, для перепродажи инородцам покупают те в г. Ирбите на ярмарке и других местах, но едва ли это справедливо; правда, что некоторые торговцы пред началом Обдорской ярмарки получают по почте дорогие лисьи шкуры из Тобольска, но это не доказывает, что они приобретены на Ирбитской ярмарке, скорее можно думать, что шкуры эти покупаются у инородцев же Сургутского и Деншиковского участков заезжающими туда некоторыми тобольскими торговцами, вывозятся скрытно в Тобольск и там продаются купцам, имеющим дело в Обдорске, как-то: Плеханову, Нижегородцеву и другим, а сии для продажи самоедам присылают в Обдорск, но то, что эти шкуры покупаются в Ирбите, едва ли может быть верно, потому что там торговля рухлядью производится оптовая, розничная продажа оной едва ли бывает; нельзя полагать, чтобы из оптовых торговцев кто-либо решился раздроблять свою партию рухляди для того, чтобы продать одну или две черных лисицы; невероятность покупки лисиц для ясака в Ирбите подтверждается еще и тем, что такие шкуры продаются инородцам не всегда теми русски-

ми, которые ведут торговлю в Ирбите, но и такими, которые дальше Березова не ездят.

И 8-е. Суеверных примет, по которым бы инородцы при отправке на ярмарку заключали о выгодном или невыгодном сбыте своих товаров, нет.

Изложив на все сделанные вопросы сведения, имею честь донести, что если бы дозволить до положения ясака русским покупать от инородцев пушной товар и разъезжать по их стойбищам во всякое время до положения ясака, то, конечно, как для русских, так и инородцев была бы неограниченно свободная торговля, но если им это дозволить беспрепятственно, то оборот ярмарочной торговли уменьшился бы на значительную сумму, как я доносил уже об этом г. начальнику губернии 10 февраля 1856 года за № 169, потому что русские успели бы до ярмарки скупить все что ни есть лучшее у инородцев и нельзя бы надеяться, чтобы ясак был вносим шкурами такого качества, как ныне. Что в настоящем году, как и прежде, на основании 98 ст. 2 тома Учреж. о сибирс. инород. и на основании журнала Тобольского общего губернского управления 4 января 1845 года за № 1 даже до открытия ярмарки и положения ясака предоставлена была инородцам свободная торговля всеми товарами, за исключением тех звериных шкур, кои принимаются в ясак, а по открытии ярмарки инородцам, не внесшим ясака, запрещено было продавать <нрзб.> лишь лисьи шкуры, с полным правом торговли всем прочим без всяких ограничений. Существующее на сей предмет правило в нынешнюю ярмарку исполнялось в точности, ибо хотя в губернском совете и состоялся 28-го апреля 1857 года за № 80 журнал об изменении этого правила, но впредь до утверждения оного господином генерал-губернатором Западной Сибири тем же журналом велено земской полиции руководствоваться в точности существующим правилом и об этом г. начальником губернии подтверждено мне от 2-го декабря за № 10011. Открытая торговля на ярмарочной площади и находящихся на ней амбарах всеми прибывшими на ярмарку русскими и инородцами в нынешнем году началась 9 января, за воспрещением, как выше сказано, инородцам, не положившим ясака, продавать лисьи шкуры, а до того времени они свободно производили торговлю с вышеупомянутыми для некоторых из них ограничениями только с тою разницею, что не на ярмарочной площади и не открыто.

К большому развитию ярмарочной торговли я не могу изыскать других средств, как только воспрещением русским выезжать с нояб-

ря месяца до положения ясака в инородческие стойбища и привлечением зырян приезжать на ярмарку в Обдорск, куда они, видя кроткое и ласковое обращение с ними местного начальства, начали в последнее время более стекаться. Почему для наблюдения, чтобы со стороны местной земской полиции и русских жителей, весьма недоброжелательно смотрящих на зырян, кои возвышают цены на товар и тем лишают местных торговцев значительных выгод, не было сделано никаких притеснений, так равно и для наблюдения при положении ясака и повинностей не происходило излишних сборов и других злоупотреблений, я полагал бы необходимым, чтобы с последних чисел декабря до 16-го или 17-го января находился лично в Обдорске окружной начальник или земский исправник. Опыт последних трех лет доказывает, что необходимо наблюдать за производимыми с инородцев сборами преимущественно звериными шкурами и за продажей оных из казны в частные руки. В прежнее время олени кожи, составляющие до $\frac{1}{3}$ всей суммы, на которую привозятся инородцами на ярмарку товары, продавались распоряжением инородной управы не дороже 1 рубля и даже дешевле, но когда в последние годы шкуры эти и прочее поступавшее в казну продается не иначе, как с формальных торгов, в присутствии моем и земских властей, цены значительно повысились, олени кожи проданы нынче по 1 р. 60 коп., все прочее тоже по выгодным ценам, так что от сбора на повинности остается в экономии до 960 руб., кои зачтутся в долженствующую поступить в будущем году с Обдорской волости сумму на отправление земской гоньбы. От сбора в ясак осталось в экономии 195 руб., и чрез выгодную продажу собираемых в ясак песцовых шкур приобретено выгоды казне до 120 руб. В начале ярмарки на шкуры недопесков, называемых синяками и крестоватиками, цены были чрезвычайно низкие, распоряжением начальства, возбуждившим посредством произведенных на продажу оных торгов соревнованием между покупателями, повысились до весьма выгодной цены 70 к. и более, с которою инородцы соображались при продаже недопесков и в частные руки.

Исправляющий должность военно-окружного начальника
майор Г. Колпаковский.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 638. Лл. 3-27об.

Семейная хроника

Материалы к истории культуры Западной Сибири (Отрывок)

«Семейную хронику» известный западносибирский педагог Федор Филиппович Ларионов (1876–1951), которого до сих пор помнят в Березове и Тюмени, начал писать осенью 1943 года. Заканчивая свой труд в первые дни 1949 года, он так обращался к будущему читателю:

«Мне кажется, что рассказ о длинном пути, пройденном мною от крестьянского мальчика, выросшего в сибирской деревне в глухое царское время, до преподавателя и научного работника педагогического института в советское время, может представить интерес не только для членов моей семьи, но и для более широкого круга людей, особенно для специалистов по истории культуры Западной Сибири. Проживая в различных городах Западной Сибири, начиная от Омска и кончая Обдорском (теперь Салехард), я имел возможности присматриваться к быту населения, особенностям климата и природы этих мест, все это я стремился отразить в своей работе. К сожалению, накопленные у меня в течение жизни записи, заметки, разные документы и фотографии в последние годы были утрачены, поэтому «Хроника» написана почти исключительно по основанию одного источника — памяти; в редких случаях для отчетливости картины приходилось прибегать к изобретательству в деталях, нигде не покидая, однако же, фактического стержня рассказа».

Почти половину XX столетия «Семейная хроника» пролежала неопубликованной. Путь к читателю ей открыл покойный березовский краевед Александр Константинович Михайленко: он взял у родственников автора рукопись, перепечатал ее и отправил в Березово.

Объемистый труд в несколько сотен страниц состоял из двух частей: в первой описана история семьи и детство и юность автора, вплоть до окончания им Омской учительской семинарии и начала педагогической деятельности в Тобольском уездном училище, во второй, главным образом, жизнь в Березове.

В начале 1990-х годов через руководителя Березовского историко-культурного центра И.Д. Шабалину рукопись попала в редакцию журнала

«Югра». Как раз в это время было начато издание серии небольших книжек «Библиотечки» журнала. Выпустить «Семейную хронику» в полном объеме редакция, конечно, не имела возможности, и в 1993 г. вышла в свет только ее вторая — березовская — часть.

Через несколько лет отыскалась третья, заключительная, часть «Семейной хроники», составленная из переписки Ф.Ф. и М.А. Ларионовых с бывшим учеником Березовского городского училища В.И. Таскаевым и воспоминаний о Федоре Филипповиче некоторых его студентов-педагогов. Фрагмент ее опубликован в 2002 г. во втором выпуске настоящего альманаха под заголовком «Вновь обретенный учитель».

Спустя пять лет в седьмом выпуске «Подорожника» увидел свет опущенный при публикации 1993 года отрывок второй части — воспоминания Марии Андреевны Ларионовой «Девочка Маша» о детстве, прошедшем в Обдорске, и учебе в Тобольской Мариинской женской школе. Первая же часть, представляющая собой богатое живыми подробностями неспешное повествование о жизни в селе Каргатский Форпост Каинского округа Тобольской губернии, куда прадед автора переселился из Смоленской губернии еще в конце XVIII века, и на заимке среди щедрой южносибирской природы, своем раннем сиротстве, детском труде в поле, на сенокосе и пастбище, о быте деревенского мира, церкви и кабаке, кулачных боях и мирных посиделках, и многом другом (авторский подзаголовок находит здесь полное подтверждение), еще нигде не печаталась. Для публикации в «Подорожнике» мы избрали несколько отрывков, в которых бывший педагог с почти 50-летним стажем вспоминает о своем ученическом прошлом.

* * *

Мать, будучи сама неграмотной, хотела своим детям дать во что бы то ни стало образование. Дочь Александра уже вышла из школьного возраста, когда в селе открылось училище (начальная школа), поэтому она осталась неграмотной. Сыновья оказались счастливее. Первый учитель Николай Арсентьевич был человек строгий и, в соответствии с духом времени, нередко прибегал к наказанию розгами. Брат Михаил издедал на себе это средство педагогического воздействия. Он уже окончил школу, когда пришло время поступать в нее мне. Я так и не отведал «березовой каши», потому что наступило новое время, и наказание розгами в школе было отменено. Тут кстати сказать, что наказание розгами мне однажды пришлось наблюдать, но только не в школе, а в волостном правлении. Ссылный поселенец Лаптев не хотел платить подати (что-то около полутора рублей в год), и волостной суд присудил его к наказанию розгами. Розги заготовил волостной сторож Кузьмич, и им же была произведена эк-

зекуция, при которой присутствовали волостной старшина и некоторые другие лица. Я оказался здесь случайно, в числе некоторых любопытных крестьян. Лаптев спокойно перенес наказание, равнодушно натянул штаны и ушел из волости.

По окончании Михаилом курса в школе мать, желая вывести своих сыновей «в люди», устроила его сначала приказчиком в магазин Ерофеева, а затем в волостное управление — одним из младших помощников волостного писаря.

Познакомившись с устройством и функциями этого учреждения, Михаил, наделенный живым воображением, стал брать темы для своих игр из жизни волости. На всем пути от своего дома до места службы у него были устроены станции, по которым якобы передвигались служащие волости, арестанты, солдаты. Занятый своими соображениями, он шел по улице, низко опустив свою большую голову и втянув ее в плечи, а потом, придя, рассказывал мне о перемещениях ссыльных, конвоирах, об офицерах и тому подобное. Однажды он увлек меня в своего рода «инспекторскую поездку» по его станциям. При некотором усилии воображения я мог себе представить, что перегоняемые его ногой от одного угла дома до другого «котяхи», т.е. обмерзшие куски конского помета, и глыбы, т.е. обледенелые куски снега, есть люди, передвигавшиеся в соответствии с предписаниями начальства и с разнообразными личными интересами. Я без особого энтузиазма выслушивал объяснения брата. По-видимому, это подействовало расхолаживающим образом на Михаила, и он перестал увлекаться своей игрой.

Рассказывал он мне также содержание тех романов, которые прочитывал в неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Ему было мало этого: он захотел обучить меня грамоте. Начертив буквы и взобравшись со мной на полаты, он с рвением принимался исполнять учительские обязанности. К стыду своему, я должен сознаться, что, заметив заинтересованность брата в обучении меня, я иногда начинал капризничать и вымогал у него те или иные уступки, после чего великодушно позволял ему учить меня.

Когда мне было около восьми лет, мать и брат стали убеждать меня поступить в школу.

Однажды вечером в начале зимы 1883 года мы втроем сидели перед весело топившейся железной печкой. Речь опять зашла о поступлении в школу. Будучи мальчиком застенчивым и даже в известной

мере нелюдимым (меня иногда по сходству характеров называли дедушкой Семеном Егорычем; впоследствии у нас в учительской семинарии ученик Бесперстов называл меня «дедкой»), я не мог себе представить, каким образом вдруг появлюсь перед учителем и учениками в школе. Брат уверял меня, что новый учитель — человек добрый. При этом он обещал не только отвести меня в школу, но и посидеть со мной некоторое время в классе, а потом по окончании учебного дня зайти за мной. Я наконец сдался и твердо заявил, что на следующий день пойду в училище. Там встретил меня учитель Ефим Платоныч Соловьев, красивый молодой человек. Осведомившись о том, какие буквы я знаю и умею ли читать, он посадил меня в первый класс. Брат не сдержал слова и не зашел за мной после уроков, но я и один прекрасно убежал домой.

Так начались мои ученические годы.

Школьная учеба как-то слабо интересовала меня, хотя я и учился хорошо. Ничто не производило сильного впечатления, ничто не западало глубоко в душу: ни рассказы из священной истории, ни статьи разного содержания в «Родном слове» и «Детском мире» Ушинского — все оставалось как-то на поверхности сознания. В памяти сохранились только какие-то обрывки воспоминаний, случайно связанные с теми или иными чувствами. Так, однажды на уроке чтения учитель потребовал разъяснения слов «круглый сирота». У меня в то время уже умерла мать, и я решился в качестве примера круглого сироты назвать себя. Однако же учитель указал, что у меня все же имеются родственники — брат, сестра и др. Я показался сам себе выскочкой, и мне стало немного стыдно за свой пример. Только благодаря этому чувству стыда мне запомнился этот незначительный сам по себе случай. Однажды учитель спросил, кто из нас желает участвовать в хоре. Я, в соответствии со свойством своего характера, конечно, воздержался от выражения желания петь. Меня оставили в покое. Но в данном случае слишком развитые в моем характере тормозящие способности дали отрицательный результат. Послушав пение, я стал досадовать на себя за слишком большую сдержанность. Впрочем, положение было исправлено самим учителем: заметив отражавшиеся на моем лице чувства, он включил меня в состав певчих. Вскоре нам было дано задание выучить ноты. Я легко справился с этой задачей, но мой ближайший товарищ и сосед по парте Серга Иванов провалился, и учитель приказал мне выдрать его за уши. Пришлось немного помять ухо Серги. В другой

раз учитель вызвал меня в старший класс и велел перечислить внешние чувства человека. Я отчеканил: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Тогда учитель приказал мне выдрать за уши великовозрастного парня Тимохина, который, очевидно, не справился с ответом на вопрос. Едва ли такого рода антипедагогические приемы учителя можно одобрить с какой бы то ни было точки зрения. Вообще учитель, не прибегая к изгнанным из школы розгам, частенько применял другие виды наказания: драл за уши, бил учеников линейкой по голове, ставил на колени. Я очень любил войну, увлекался подвигами полководца Суворова. И вот однажды, выйдя из школы, мы, т.е. я и еще несколько учеников, любителей героических подвигов, разделившись на две партии, устроили между собой настоящий артиллерийский поединок, пуская в дело куски снега, льда и другие твердые образования. Оказалось, что учитель все это видел из окна школы. На следующий день главные герои сражения, в том числе и я, были поставлены на продолжительный срок на колени.

Однажды я в числе других учеников оказался оставленным без обеда за то, что не выучил стихотворение «Шоссе». Напрасно после уроков, сидя в школе, старался я зубрить непонятное и неинтересное мне стихотворение, начинавшееся со слов: «Прямая дорога, большая дорога, простору немало взяла ты у Бога». Оно не лезло мне в голову. Наконец учитель отпустил меня домой. Со стыдом я представлял себе те насмешки, которыми я буду встречен дома; по счастью, никто из семейных не заметил моего позднего прихода из школы. На следующий день перед уходом в школу я снова принялся было за зубрежку стихотворения, но тут оказалось, что я уже его знаю и могу прочитать наизусть с начала до конца. Однако же у меня на всю жизнь сохранилось нерасположение к этому произведению, которое так часто помещается в детские хрестоматии. Замечательно, что в повести М. Горького «Детские годы» рассказывается о таком же случае тяжелой и напряженной работы по заучиванию мальчиком этого стихотворения, принадлежащего, кажется, перу И. Аксакова.

Более отрадные и даже приятные воспоминания, выделяющиеся светлым пятном на общем сером фоне, связаны у меня с большими праздниками — Рождеством Христовым и Пасхой. Всю ночь перед этими праздниками мы, певчие ученики, проводили в школе: спевались, пили общий чай с французскими булками, немного спали перед заутреней. Все ученики были в новых костюмах, которые ежегодно дари-

лись певчим ученикам церковным старостой и покровителем хора Капитоном Петровичем Ерофеевым. В чаепитии принимали участие и взрослые члены певческого хора: регент учитель Ефим Платоныч, тенор телеграфист Богданов, басы торговцы Петровский и Чулков. Чай разливала жена учителя в светлом платье городского покроя. Класс ярко освещался стеариновыми и восковыми свечами. Словом, все было необычайно, у всех блестели глаза. В самый праздник хор ездил на паре лошадей по домам именитых граждан и исполнял там соответствующую духовную кантату с заключительным «Многие лета». Хозяин дома угощал взрослых хористов водкой и закуской, а ребят — конфетами и орехами и затем передавал регенту сумму денег в пределах трех рублей. В результате такого сбора в распоряжении регента оказывалось около 25 рублей денег, которые он потом делил между певчими пропорционально тому значению, которое каждый из них имел в хоре. Я пел второго дисканта и обыкновенно получал около рубля.

В школе учились и девочки, правда, в небольшом количестве, притом лишь немногие из них проходили весь нормальный курс учения. Те ученицы, которых я встретил в первом классе, показались мне и недалекими, и некрасивыми, но, когда я учился в старшем классе, передо мной сидели две девочки, одна из них дочка учителя, другая — дочка торговца Чулкова; учились они посредственно, но были такие беленькие, чистенькие, так деликатно держались, что я не без удовольствия присматривался к ним. В большую перемену они кушали белую сладкую булочку. Я иногда решался попросить у них этой «пищи богов» и, сверх ожидания, часто получал небольшой кусочек. Однако же плебейская гордость не позволяла мне злоупотреблять снисходительностью этих маленьких буржуазок.

При школе в особом здании была столярная мастерская, в которой ученики должны были учиться столярному искусству. Но Ефим Платоныч как-то мало обращал внимания на эту сторону своих обязанностей, и наши упражнения в мастерской обыкновенно не шли дальше изготовления линеек различной формы и величины. Впрочем, однажды я, под впечатлением прочитанной книжки о приключениях Робинзона Крузо, смастерил небольшую лодочку, однако же, испытав ее мореходное качество на весенней луже, я остался ею крайне недоволен и потом забросил ее.

Ефим Платоныч, оставаясь учителем и получая свои 16 р. 66 к. жалованья, все больше и больше втягивался в сельское хозяйство: у

него появились коровы, лошади, посева, даже ветряная мельница. В старшем классе довольно часто оставлял он нас сидеть за чтением псалтыря, а сам уходил в ограду метать привезенное сено, управляться со скотом и прочее. Псалмы на церковно-славянском языке нам были непонятны, но многократные повторения их и своеобразная музыка слов вызывали какое-то приятное чувство. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых» и т.д. с каким-то упоением твердили мы. Бывало и так, что иногда расшались некоторые ученики, отложены в сторону книги, забыты псалмы, в классе смех, веселье, беготня, не замечают зарвавшиеся школьники, что в это время из окна учительской квартиры, расположенной тут же, рядом, подаются тревожные сигналы в ограду к сеновалу. В самый разгар веселья в классе неожиданно появляется разгневанный педагог с соломинками в бороде, и вот над головами резвых смельчаков начинает сверкать разящий меч в виде учительской линейки...

«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», — начинает опять твердить уже с большим убеждением в голосе скромная часть учеников, подразумеваемая под нечестивыми своих невоздержанных товарищей.

В учительской школьной библиотеке на первом месте в шкафу стояла необыкновенно толстая книга — это была Библия, относительно которой у учеников существовало мнение, будто бы тот, кто ее прочитает, обязательно сойдет с ума. Учитель был так любезен, что давал моему брату для прочтения книги из этой библиотеки, хотя он и не был связан каким-либо образом со школой; так, Михаилу удалось прочесть сочинения Жуковского, Тургенева и других классиков. Это обстоятельство отразилось известным образом и на моем образовании, так как брат обыкновенно рассказывал мне обо всем том, что поражало его в книгах.

Что касается ученической библиотеки, то я брал из нее книги, запомнились мне две из них: «Конек-Горбунок», сказка Ершова, которую я брал много раз и заучил почти всю наизусть, и «Начальные сведения об астрономии». Эта последняя книжка возбуждала мое любопытство, но едва ли я понимал ее правильно, так как, например, смотря на изображение Сатурна с кольцом вокруг него, я представлял себе эту планету чем-то вроде шляпы, летающей в мировом пространстве вокруг Солнца. Через некоторое время я взял эту книгу во второй раз, причем уловил на своем лице недоумевающий и недоверчивый взгляд учителя. Во всяком случае, звездное небо привлекало мое внимание, и при

виде его у меня рождались различные вопросы, на которые я иногда не находил ответа. Некоторые из них, например, вопрос о причине быстрого изменения цвета одной звезды, я записывал в надежде найти потом на них где-нибудь ответ. В ограде нашего деревенского дома, пользуясь указанием какой-то книжки, я изготовил недурные солнечные часы; к сожалению, бродившие по ограде кони разрушили потом мое сооружение¹. Под впечатлением евангельского рассказа о втором пришествии Христа и о гибели мира, а также после прочтения одного из стихотворений в прозе Тургенева² мы с Михаилом неоднократно рассуждали на эту тему и старались представить себе последние минуты в жизни земли и человечества. Нам казалось, что этот конец близок, и нам становилось страшно.

Учась в школе, я не имел ясного представления о степени своей успеваемости, так как отметки за ответы нам не ставились, а если и ставились, то не объявлялись. Но однажды учитель позабыл журнал в классе, и мы получили возможность заглянуть в него. Там мы обнаружили два списка, в которых фамилии располагались не по алфавиту, а по успеваемости учеников, начиная с наиболее успевающих и кончая самыми слабыми учениками. Один список принадлежал законоучителю, а другой — учителю. Священник отец Петр Ацеров, преподававший нам Закон Божий, считал лучшим учеником в старшем классе второгодника Свешникова, я в его списке занимал второе место. В списке учителя наши фамилии были расположены уже в обратном порядке. Таким образом, я узнал, что учитель считает меня по успеваемости первым учеником.

На заимке Щедровитовых с ее населением в 20–30 душ мой авторитет как единственного грамотного человека стоял довольно высоко и еще больше увеличился после того, когда я однажды летом, пользуясь календарными указаниями Брюса, удачно предсказал наступление «вёдра» после продолжительного ненастья, задерживавшего очередные полевые работы. Впрочем, не меньшим, если только не большим авторитетом пользовался отставной солдат Матвей, проведший на военной службе 25 лет. В особенности импонировали слушателям его географические разъяснения и определения. Так, затрагивая вопрос об относительных размерах России и Китая, он гово-

¹ Возможно, что эти астрономические размышления и занятия имели место позднее, когда я учился уже в уездном училище.

² Тургенев. Стихотворение в прозе «Конец света».

рил: «Китай — это шуба, а Россия только рукав». «Англичанка», по его мнению, неуязвима только потому, что живет в море и, выстрелив из пушки, может скрыться под водой.

Из собственных книг я имел в деревне какой-то учебник геометрии, а на заимке — духовно-нравственный журнал «Паломник»; эти книги я много раз принимался читать, но, должен признаться, никогда ничего не мог понять.

Учебный год начинался у меня поздней осенью, по окончании полевых работ; весной, когда наступало время бороньбы и других полевых работ, я опять уезжал на заимку. Заимка Щедровитовых находилась всего в 12 километрах от села. Здесь жило несколько семей, ведших раздельные хозяйства, поэтому она не была таким медвежьим углом, как заимка Егорушкиных. Однако же мне было здесь скучно без матери, без брата. Сестра тоже почти не жила на заимке и вообще почему-то не играла заметной роли...

* * *

Так протекала моя жизнь. Мне шел уже 13-й год. Я мало-помалу приобретал подготовку и свойства среднего крестьянина. Живя почти все время на заимке в небольшом кругу темных людей, почти не читая книг, я и не подозревал возможности другой жизни и был доволен своей участью. Я почти ничего не знал о существовании учебных заведений и на вопрос о том, кого называют студентом, получил от кого-то ответ, что студент — это такой человек, который все знает. Мне, конечно, и в голову не приходила мысль о возможности продолжения образования.

Но мысль об этом зародилась в голове моего брата Михаила, который, несмотря на свою молодость, мог думать не только о себе и своих интересах, но и о судьбе своего заброшенного где-то на заимке младшего брата. Он находился в другом положении. Служба в Карга-те помощником волостного писаря — на эту должность успела определить при жизни его заботливая мать — он встречался с людьми бывальыми, прошедшими различный жизненный путь, читал иногда газеты, книги и, наконец, бывал по делам волости в окружном городе Каинске, находившемся в 150 километрах от нашего села. Конечно, все это способствовало расширению его умственного кругозора. Между прочим, он узнал, что в Каинске имеются несколько учебных заведений: приходское училище, уездное училище, мужская гим-

назия, женская прогимназия; узнал также о существовании общества попечения о начальном образовании, которое выделяет беднейшим ученикам стипендию в размере трех рублей в месяц и оказывает им другую материальную помощь. При таких условиях Михаилу могла самостоятельно прийти мысль спасти меня от полного культурного одичания, которому я неминуемо должен был подвергнуться после окончания курса в сельской школе и при постоянной жизни на заимке Егорушкиных, где находился всего только один наш дом. Для этого необходимо, думалось ему, вырвать меня из привычной среды, в которой я так успешно укоренился, направить в Каинск и посадить в старший класс приходского училища для продолжения тех начатков образования, которые я получил в сельском училище. Мысль смелая и оригинальная, в особенности если принять во внимание, что главные заботы о моем содержании в городе должны были лечь на его плечи. А ведь он и сам-то зарабатывал не более 15 рублей в месяц. О материальной помощи со стороны семьи Егорушкиных нечего было и думать: самая мысль об этом показалась бы Николаю Леонтьевичу, в руках которого находилось хозяйство, дикой и ни с чем несообразной. Поэтому для понимания пружин, лежавших в основе действий Михаила, необходимо сделать его краткую характеристику.

Он был всего только года на четыре старше меня. Но после смерти матери и выхода замуж сестры Александры заботы о моем воспитании и образовании перешли целиком на него, как на самого близкого мне человека. И нужно сказать, что, будучи человеком весьма незаурядным, он справлялся со своими обязанностями при всех неблагоприятных условиях, в которых он находился, весьма неплохо. Получив скудное образование в сельской школе, живя постоянно в деревне, вращаясь в кругу малокультурных людей, Михаил умел расширить свой умственный кругозор путем чтения книг и сохранить жажду к знанию до конца своих дней. Вращаться ему приходилось преимущественно среди лиц своей профессии, т.е. писарей волостных и сельских, людей, которые, не имея, как говорится, ни роду, ни племени и часто перемещаясь в поисках службы по уезду, крепко были заражены предубеждением, что в жизни нет важных интересов, которые не были бы связаны с потреблением алкогольных напитков. Поэтому он неоднократно в своей жизни то падал, будучи засасываем средой, то поднимался, обзаводился книгами, учебниками и окрылялся надеждой устроить себе более разумную жизнь.

Михаил любил поделиться впечатлениями от прочитанного со своим близким и почти единственным собеседником, т.е. со мной. Книги он брал у сельского учителя. Это были классики русской литературы: Жуковский, Тургенев и некоторые другие. Опьяненный звучными гекзаметрами гомеровской поэмы в переводе Жуковского, он находил в окружающей среде то Одиссея хитроумного, то свинопаса богоравного, то какого-нибудь другого греческого героя. Каких-либо культурных развлечений в деревне того времени почти не было, но если появлялось что-нибудь новое на фоне убийственно однообразной деревенской жизни, Михаил считал своим долгом показать мне это новое.

Когда, наконец, Михаил изложил мне свои планы относительно будущего моего устройства, я встретил их спокойно, без особого восторга, но и не возражал. Двухлетняя моя жизнь в семье Егорушкиных не повела к образованию прочных связей, которые было бы трудно разорвать. Из хозяйства Николая уходил работник, свой человек — это было, конечно, чувствительным ущербом, зато выбывал, таким образом, лишний претендент на дедушкино наследство.

* * *

Был август 1889 года. Надо было спешить в город, где в школах уже начались занятия. Но как преодолеть 150 километров, отделяющих Каргат от Каинска? Дело устроилось очень просто: по просьбе брата доставить меня в город взялся волостной писарь Франц Осипович Урняж, ехавший по делам службы в Каинск. Это был человек весьма мягкий и культурный в обращении, оказавшийся в Сибири, видимо, по делу о польском восстании. Я на всю жизнь сохранил благодарную память о нем.

Сестра Александра снабдила меня кое-каким бельем и дала два рубля на мелкие расходы; жена учителя подарила такую же сумму на покупку учебников. Брат Михаил обещался аккуратно присылать по два рубля в месяц для уплаты за квартиру вдобавок к трехрублевой стипендии, которую я должен буду получать от общества попечения о начальном образовании.

Сидя в повозке рядом с Францем Осиповичем, я на большом расстоянии заметил приближение города. Беспokoйство овладело мною. Я немедленно извлек из сундука письмо брата, чтобы передать его моей будущей квартирной хозяйке. Франц Осипович, заметив эти

приготовления, улыбнулся и сказал, что нет никакой надобности спешить с этим делом. Я все же держал письмо наготове. Так мы въехали в ограду дома Богдановых, расположенного не очень далеко от окраины города, и были встречены ласковой хозяйкой Екатериной Ефимовной, которая отныне должна была принять меня под свое покровительство, в котором я так нуждался. Так началась моя новая жизнь на новом месте, в новых условиях.

Нужно сказать, что здесь, в городе, я чувствовал себя вырванным из родной стихии, меня никогда не захватывал круг городских интересов. Мои физические силы и способности не находили здесь приложения, поэтому я иногда скучал. Правда, Каинск не был городом в обычном понимании этого слова, здесь, кажется, было всего два промышленных заведения — винокуренный и пивоваренный заводы братьев Ерофеевых, и многие жители помимо торговли и службы в различных уездных учреждениях занимались в той или иной мере сельским хозяйством. Каинск представлял из себя небольшой уездный городок с восемью тысячами жителей, значительный процент которых составляли евреи. На окраинах города ютились различные темные элементы, занимавшиеся темными делами, вплоть до грабежей.

Как полудикий человек с обостренными органами чувств я замечал различные городские запахи, и прежде всего острый запах овощей, сена и свежего конского навоза, шедший с базарной площади. Раз в год на этой же площади происходил большой ярмарочный торг, на который съезжались крестьяне и торговцы из деревень близких и отдаленных. Здесь встретился я однажды с Чулковым — владельцем мелочной лавки в Каргате и участником в нашем сельском ученическом хоре. Это в его лавочку я бегал когда-то со свежеснесенным куриным яйцом в руке, чтобы купить крючок для удочки; это у его белокурой, чистенько одетой дочки, сидевшей в школе рядом с дочкой учителя, я выпрашивал иногда кусочек белой булочки. Жизнь в городе была тихая, спокойная и вместе с тем дешевая. По крайней мере, я платил за квартиру с хлебами всего только пять рублей.

Дом Богдановых был небольшой, но двухэтажный, я помещался в одной комнате внизу, рядом с кухней; завтракал и обедал вместе с хозяевами, за общим столом; мясная пицца была обычной, и я никогда не страдал от голода. Глава семьи был болен и все время находился в постели. Он, кажется, страдал болезнью печени и на следующий год умер. Хозяйством заведовала главным образом его жена, добрей-

шая Екатерина Ефимовна. Сын Василий Степаныч, окончивший недавно уездное училище, служил в почтово-телеграфной конторе, изучал азбуку Морзе и готовился стать телеграфистом. Почтово-телеграфными специалистами были также два старших сына, из которых один работал в Кургате, а другой, кажется, в Томске; для получения более высокого разряда по службе этот последний изучал иностранные языки. Екатерина Ефимовна хотела его женить на одной молоденькой хорошенькой барышне из знакомой семьи; с этой целью он приезжал в Каинск, но, по-видимому, не понравился невесте — он был значительно старше ее, и сватовство расстроилось. Две дочери были сельскими учительницами; приезжая на каникулы, они старались оттянуть отъезд и прожить под крылышком маменьки лишних два-три дня. Младшая дочка еще училась в прогимназии.

В приходском училище меня встретил учитель 3-го, т.е. старшего класса Александр Сергеич Малыгин, смуглый, сухощавый человек с нервным лицом, и посадил меня на заднюю парту, где было одно свободное место. Я понимал, что те вопросы и задачи, которые он предлагал мне для проверки моих познаний по арифметике, были очень просты и легки. Но мой одичавший мозг с трудом справлялся с их решением. В проверочной диктовке я сделал несколько ошибок, между прочим, написал через «ять» слово «учитель». Но через короткое время я догнал и перегнал своих соучеников, все время занимая по успеваемости первое место в классе. Объясняется это отчасти тем, что, хотя я и не учился в последние два года, все же я окончил в свое время полный курс сельской школы и мог бы попытаться поступить непосредственно в уездное училище. Не сделал же я такой попытки по совету брата потому, что стипендия выдавалась только тем ученикам уездного училища, которые поступали в него из приходского. Отчасти же моя успеваемость объяснялась приобретенным в деревне трудолюбием, вследствие чего вся моя учебная работа казалась мне делом чрезвычайно легким; здесь, в городе, на легкой работе и хорошей пище я даже посвежел и пополнил.

Приходское училище имело общую ограду с уездным училищем. Таким образом, представлялась возможность наблюдать уездников, которые по своим нравам напоминали бурсаков Помяловского. Они, однако, никогда не нападали на такую мелкоту, как ученики приходского училища. В ограде мне иногда указывали с особым ударением на ученика Мингалева и шепотом говорили: это первый ученик в

уездном училище (первый, конечно, по успеваемости). Я и не почувствовал, что через некоторое время займу положение Мингалева.

Общество попечения о начальном образовании аккуратно выплачивало мне стипендию. Выдача стипендии поручалась различным лицам: то воинскому начальству, то мировому посреднику, то какому-нибудь другому члену общества. В кухне воинского начальника в ожидании выдачи стипендии я мог наблюдать, какое огромное значение придается некоторыми лицами пище и ее приготовлению. Здесь я всегда слышал дробный стук ножей в руках нескольких солдат, занятых обработкой пищевых материалов для человека, и без того хорошо упитанного и толстого, с красным лицом. Иногда общество заводило мне некоторые предметы из одежды. Так, однажды была сшита шапка, но из такого непривлекательного материала и так неуклюже, что даже я взглянул на нее иронически; это было замечено учителем, который в качестве члена общества высказал мне по этому поводу неодобрительное замечание. После той злополучной зимы, которую я провел без шубы, на следующий год общество мне сшило другую баранью шубу. Учебниками я пользовался школьными. Это были задачник Евтушевского, «Детский мир» Ушинского и «Священная история» Смирнова.

Неожиданно в Каинск приехал Михаил, но не по своей воле. С ним случилось несчастье: находясь в качестве писаря в толпе крестьян, он не снял шапки и не стоял с обнаженной головой, как прочие рядовые крестьяне, перед каким-то приехавшим из города уездным начальником, и за эту вольность должен был просидеть в каинском арестном доме (каталажке) целую неделю. Ежедневно я носил ему пищу, посылаемую все той же Екатериной Ефимовной. С грустью я смотрел на потемневшее лицо брата, который в качестве сельского интеллигента вздумал проявить свободомыслие и на минуту забыть свою принадлежность к податному сословию и теперь жестоко страдал от сознания своего унижения.

Уездное училище (1890–1893 гг.). Уездные училища существовали в России с 1828 года по самый конец прошлого столетия, когда на смену им пришли сначала городские, а потом высшие начальные училища. Программа их была невелика, отличалась, между прочим, полным отсутствием естествознания и явно была рассчитана на подготовку кадров для занятия мелких должностей в государственных учреждениях. Основных преподавателей было три: учитель русского

языка, учитель арифметики и геометрии и учитель истории и географии. Это были большею частью абитуриенты учительской семинарии, выдержавшие особый экзамен по соответствующей специальности при мужской гимназии. Их недельная нагрузка уроками равнялась всего только 12 часам. Кроме названных предметов преподавались Закон Божий и так называемые искусства, т.е. чистописание, рисование и черчение. Общее заведывание принадлежало штатному смотрителю, в ведении которого находились также все сельские школы уезда. Ученики не были обременены учебной работой: они занимались в училище по четыре часа в день, а в среду и субботу — всего только по два часа.

В качестве окончившего приходское училище я был принят в уездное без экзамена. Мои первые шаги здесь не были особенно успешны, главным образом потому, что я не умел готовить уроки, и еще потому, что моя устная речь и способность к самостоятельному изложению содержания урока были весьма слабо развиты.

Остановлюсь прежде всего на истории и географии, которые преподавал Петр Никандрович Грязнов. Хорошо помню, что за первый ответ по географии получил единицу, так как не знал, что, собственно, от меня требуется. После этого я решился действовать иначе: получив задание выучить мысы, полуострова и перешейки Европы, я заперся дома в завозне и вызубрил весь урок наизусть, но, будучи вызван в классе к доске, проявил полную беспомощность при показывании географических пунктов на карте и получил за ответ двойку. Наконец, после нескольких неудачных опытов я понял, как надо готовить уроки по географии, и с тех пор Петр Никандрович стал неизменно ставить мне пятерки даже тогда, когда я сам чувствовал, что урок приготовлен мною не особенно хорошо. Кроме нескольких географических карт в распоряжении Петра Никандровича было только одно учебное пособие по географии — теллурий. Когда наступало время для объяснения того, как движутся Земля и планеты вокруг солнца, а Луна вокруг Земли, Петр Никандрович с особенно торжественным видом входил в класс, бережно неся в руках чудесный прибор, который сразу же привлекал внимание учащихся. Урок начинался при приподнятом настроении учителя и учеников. После некоторых предварительных объяснений прибор приводился в движение. Иногда блаженное состояние коллектива нарушалось тем, что прибор начинал капризничать, трещать, Земля перестава-

ла вращаться вокруг своей оси, но через некоторое время стройное движение светил восстанавливалось, и учитель со счастливым выражением лица мог продолжать свои объяснения. Урок пролетал незаметно. Испытать такое удовольствие только один раз в год было бы мало, поэтому преподаватель повторял урок с теллурием еще один или два раза в том же классе.

Учебник истории Иловайского мне нравился за красивую речь и рассказы о геройских подвигах различных исторических лиц. Эти рассказы поднимали душевный строй учеников на более высокую ступень, но свободно излагать своим языком содержание учебника я не умел и поэтому выучивал уроки наизусть от слова до слова с сохранением всех знаков препинания. Петр Никандрович не задавал ученикам никаких вопросов, направленных к анализу содержания статей, к отысканию причин событий и вообще к тому, чтобы освободить учеников от власти учебника. Дословная передача учениками статей учебника его вполне удовлетворяла. Он и сам при рассказывании урока мало отступал от Иловайского и не прибегал к каким-либо обобщениям.

Когда класс посещало какое-либо начальствующее лицо, Петр Никандрович обыкновенно для ответа по истории вызывал меня, но однажды он в подобном случае вызвал ученика Ривво, который отнюдь не уступал мне в способности громко отчеканить урок в полном соответствии с учебником. Очевидно, этот случай вызвал у меня чувство ревности и только поэтому удержался в памяти.

Учитель русского языка — Иван Иванович Чукреев. Когда я начал знакомиться со знаменитой поэмой Гоголя «Мертвые души», я стал представлять себе Павла Ивановича Чичикова в образе Ивана Ивановича Чукреева. Действительно, имелось некоторое сходство в росте, вообще в фигуре. Но были, конечно, и значительные различия, прежде всего в цвете фрака: у Ивана Ивановича фрак был не брусничного цвета с искрой, как у Павла Ивановича, а темно-синего, принятого в Министерстве народного просвещения. Были и другие различия во внешности и характере, которые я не стану перечислять. И все же один образ крепко ассоциировался у меня с другим.

Иван Иванович был точен и аккуратен до педантизма. Он требовал от учеников, чтобы тетради по русскому языку обязательно были обернуты в цветную бумагу избранного им цвета, надписи на тетрадях, расположение текста в тетрадях, подчеркивание — все это дол-

жно было строго соответствовать установленному образцу. Это, конечно, приучало учеников к порядку. Грамматика под руководством Ивана Ивановича была усвоена мною хорошо, хотя у нас и не было особого учебника. Из письменных работ часто практиковались диктовки, грамматические разборы и так называемые изложения статей и басен. Сочинения на свободные темы, которые могли бы развивать творческие способности учеников, не имели места. Мы очень мало читали, да и книг-то в ученической библиотеке почти не было. Все это было в духе того времени.

Как ученик я был на хорошем счету у Ивана Ивановича, однако же я не любил высказывать с ответом на вопросы, предлагаемые всему классу, и только выслушав несколько неправильных ответов, слегка поднимал руку. Удовлетворившись ответом, Иван Иванович обыкновенно сердито говорил по моему адресу: «У! Тишкодум проклятый!». Вообще Иван Иванович не стеснялся в выражениях и обращался с учениками не очень-то любезно, чтобы не сказать больше. По адресу одного великовозрастного и плохо учившегося ученика по фамилии Пежо он сказал однажды: «Тебя следовало бы называть не Пежо, а Ж...».

Иван Иванович всегда не прочь был применить в качестве орудия поощрения свой большой палец правой руки. Когда ученик начинал при ответе заикаться и, что называется, сдавать, Иван Иванович подходил к нему и начинал для поощрения тыкать ему пальцем в грудь; если хороших результатов не получалось, удары усиливались, и в заключение ученик получал иногда такой сильный толчок в грудь, что отрывался от парты, за которую он держался обеими руками, и падал на ее спинку. Поэтому ученики вздохнули облегченно, когда у Ивана Ивановича заболел его зловредный палец. Однако же злорадство их было непродолжительно: Иван Иванович скоро научился писать и драться левой рукой. Понятно, что ученики боялись Ивана Ивановича и держали себя на его уроках тише воды, ниже травы. Когда урок русского языка подходил к концу, ученики спрашивали знаками и взглядами, сколько минут осталось до конца урока, у того ученика, который сидел у окна на солнечной стороне и, отмечая положение тени от оконной рамы на подоконнике, устроил там себе нечто вроде солнечных часов; в зависимости от сигнала они решали, могут ли быть спрошены на этом уроке или такая опасность уже миновала. Справедливость требует сказать, что ученики под руководством Ивана Ивановича хорошо усваивали грамматику и правописание.

Иван Иванович Куминов, красивый белокурый мужчина лет под тридцать, с твердой энергичной походкой, изобличающей в нем любителя охоты, преподавал арифметику и геометрию. Свой могучий басовый голос он иногда употреблял, чтобы навести страх и ужас на слишком расшалившихся в большую перемену учеников. Неожиданный громовый окрик наводил на них оцепенение, и они не знали, что делать: стоять ли на месте или бежать на спасительную парту, чтобы принять там невинный вид, хотя пот на лице и кружившаяся в воздухе пыль изобличали шалуна в нарушении школьных порядков. Во всяком случае, неистовая беготня и беспорядочные крики мгновенно прекращались, и ученики начинали готовиться к стоящему на очереди уроку; Иван Иванович был доволен тем, что ему удалось восстановить порядок в коридоре и в классах без применения к ученикам каких-либо дисциплинарных взысканий.

Странное дело: я хорошо успевал по математике в изложении Ивана Ивановича, но на всю жизнь сохранил неприятное воспоминание об учебнике арифметики Бугаева: сколько раз я ни принимался читать эту книжку в серенькой обложке, я никогда ничего не мог понять в ней, и только тогда, когда на смену Бугаева был введен учебник Малинина и Буренина, я убедился, что и я могу читать математические книги.

Когда я учился в первом классе, у меня иногда бывали нелады с арифметическими задачами. Во втором и третьем классах я уже исключительно полагался на свои силы и довольно свободно расправлялся со всякими задачами как по арифметике, так и по геометрии. Свою тетрадь я, однако же, редко предоставлял для списывания тому или другому ученику. И этим, несомненно, доказывал отсутствие у меня великодушия и щедрости. Иногда же я давал тетрадь в распоряжение несообразительного ученика на странном условии: за один или два удара кулаком по спине.

Однажды Иван Иванович дал нам для домашнего решения задачу, вычитанную им в каком-то журнале; она имела довольно сложное условие; занимаясь ею по вечерам, я постепенно пришел к ее решению. Едва ли Иван Иванович поступил в педагогическом смысле правильно, поставив всем ученикам, кроме меня, единицы.

Когда я учился во втором классе, Иван Иванович предложил перейти к нему на квартиру. Конечно, не моя пятирублевая плата побудила его сделать такое предложение: видимо, у него зародилась мысль

о возможности повлиять на мою судьбу. Я не имел никаких оснований быть недовольным квартирой Богдановых, но и отказаться от предложения столь авторитетного лица я также не смог.

Конечно, у Ивана Ивановича я не пользовался такой свободой, как на квартире у Богдановых, и поэтому мне иногда бывало скучновато, в особенности во время рождественских и пасхальных каникул, когда сам Иван Иванович уезжал для производства экзаменов в сельских школах, на это же время уезжали и жившие у него иногда ученики, которых он держал у себя на квартире за несколько более высокую плату, чем моя.

Четвертый учитель уездного училища, преподаватель так называемых искусств, т.е. чистописания, рисования и черчения, занимал особое положение по сравнению с преподавателями основных предметов. На педагогическом совете он пользовался только правом совещательного голоса. Отметки по искусствам не оказывали влияния на переход ученика из класса в класс; учитель искусств за большее число уроков (16 часов в неделю) получал меньшее вознаграждение (16 руб. 66 коп.), тогда как прочие учителя за 12 часов в неделю получали 28 руб. 56 коп. в месяц. Поэтому и сам учитель чистописания привык смотреть на себя, как на лицо второразрядное в учительском коллективе. На эту должность назначались большею частью молодые люди, только что сошедшие со школьной скамьи и не получившие никакой специальной подготовки для работы в уездном училище.

Ученики, как правило, не признавали авторитета учителя чистописания и часто, попросту говоря, издевались над ним на его уроках. Поэтому понятно, что каждый такой мученик педагогического дела старался как можно скорее избавиться от преподавания злополучных предметов и перейти на другую работу. За мое, например, трехлетнее пребывание в уездном училище сменилось два преподавателя. Когда я услышал, что первый из них, Ливенцев, женился, я даже был удивлен, что такой неполноценный человек (нам, ученикам, преподаватели искусств казались неполноценными, потому что они были бессильны при установлении классной дисциплины) мог отважиться на такое большое дело, как женитьба. Нужно сказать, что я никогда не принимал участия в мучительстве этих учителей, а со вторым из них, Голендухиным, я находился даже в дружеских отношениях; он охотно исправлял мои рисунки и, оставляя службу в Кинске, подарил мне несколько книг из своей личной библиотеки.

Закон Божий преподавал почтенный старичок, протоиерей отец Николай. На первых вступительных своих уроках он пытался объяснить нам такие понятия, как «Бог», «религия» и т.п., но мы плохо понимали эти философские основы богословской премудрости. Дальше следовало изложение священной истории, которая, рассказывая о разных чудесах вроде хождения по водам, воскрешения мертвых, путешествия на облаках и т.п., не принималась нами особенно всерьез. Ученики на его уроках иногда пошаливали; однажды рассерженный повторными шалостями моего приятеля Чебанова отец Николай так рванул его щепоткой за стриженные волосы, что вырвал целый клочок, который развеял потом по воздуху. В общем же это был добрый, искренне религиозный человек; его религиозность особенно заражала меня во время церковных служб на так называемой страстной седмице Великого поста перед Пасхой, вызывая чувство умиления и религиозного восторга.

Время от времени в уездном училище вводилась гимнастика, для преподавания которой приглашался кто-либо из низших военнослужащих — фельдфебель или подпоручик. За отсутствием специально подготовленных преподавателей гимнастики и вообще физкультуры дело шло плохо: ученики на уроках гимнастики баловались, а преподаватели тяготились навязанным им делом. Однажды преподаватель, молоденький офицерик, скомандовал нам после маршировки начать бег, и вот началась бешеная скачка хохочущих учеников по коридору. Стремясь найти виновных, подпоручик выхватил меня из ученических рядов, а после урока привел в учительскую и представил штатному смотрителю как одного из главных зачинщиков шалостей. Штатный смотритель хорошо видел, что я в данном случае являюсь случайной жертвой, и все же оставил меня без обеда и не отменил наказания, несмотря на мои горькие слезы.

Главным недостатком учебного плана уездных училищ было полное отсутствие в нем естествознания. Даже в хрестоматиях для чтения не было статей о природе. Однако же кое-какие случайные сведения о ней проникали в мою голову. Однажды я, прочитав в какой-то книге о том, что теплый воздух легче холодного и что на этом было основано устройство первых воздушных шаров, решил сам произвести опыт: взял пустую чернильницу, нагрел ее около топящейся печки и, плотно закрыв пробкой, выбежал на морозный воздух в предположении, что если чернильница и не полетит, то, по крайней мере,

заметно станет легче. Однако же, держа чернильницу в руке, я не заметил ни малейшего уменьшения ее веса и, разочарованный и несколько пристыженный, вернулся обратно к моим книгам.

В нашей скудной ученической библиотеке нашлось несколько разрозненных томов сочинений Майн Рида. Учась в первом классе, я пережил искреннее увлечение этими книгами. Получив новый роман, я стремительно бежал с драгоценной ношей домой, время от времени останавливаясь и заглядывая в книгу, чтобы посмотреть рисунок или прочитать строчку-другую. Придя домой, я с головой погружался в чтение чудесной книги, в которой рассказывалось об охоте и приключениях путешественников в джунглях Америки или Африки, о встречах, то мирных, то враждебных, с краснокожими индейцами и т.п., и забывал все окружающее. Уже самые заглавия этих книг — «Смертельный выстрел», «Изгнанники в лесу», «Квартеронка» — возбуждали сильное любопытство. «Что может быть интереснее и увлекательнее сочинений Майн Рида?» — думалось мне. И только после прочтения романа «Дети капитана Гранта» я готов был поставить Жюль Верна рядом с английским романистом. Конечно, читал я и русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Кто-то подарил мне «Мертвые души» Гоголя, эта книга поразила меня своим юмором, острым описанием человеческих недостатков, слабостей и пороков в веселой форме. Читая книгу, я стал подчеркивать карандашом особенно остроумные и меткие выражения и характеристики, но скоро заметил, что в таком случае придется испестрить подчеркиваниями почти всю книгу, и поэтому принужден был отказаться от своей затеи. Но кое-какие места в этой книге мне определенно понравились, например, карикатурное описание крестьян, принявших участие в распутивании лошадей чичиковской тройки и шестерки двух барынь. Нет, в своей сфере мужик достаточно умен, ловок и находчив, и барин на него может вполне положиться. Зато мой крестьянский патриотизм был вполне удовлетворен, когда я прочитал щедринскую сказку о том, как мужик прокормил двух генералов на необитаемом острове.

Из книг я с удивлением узнал, что есть такие люди, которые ничего не делают, не работают и не имеют никаких обязанностей, а только пьют, едят и развлекаются. Некоторые авторы занимаются подробным описанием их тоски, любовных страданий. Раз они не работают, думалось мне, значит, они не имеют никакой цены в жизни; их тоска происходит от безделья, от сознания никчемности их существования.

«С жиру бесятся», — думал я, читая описания любовных страданий Онегина, Лаврецкого и других представителей дворянских гнезд.

Монотонная жизнь каинского общества время от времени нарушалась устройством любительских спектаклей. Если в числе артистов оказывался кто-либо из наших учителей, то нас обыкновенно водили на просмотр генеральной репетиции, что вносило некоторое разнообразие в нашу ученическую жизнь. Специально ученические праздники устраивались очень редко и носили обыкновенно форму елок. Так как общественность не привлекалась к участию в школьных делах и, в частности, к устройству ученических елок, то понятно, что последние носили очень примитивный характер. Наши елки в уездном училище обыкновенно обходились без музыки, без пения, без игр и даже без подарков. В конце коридора помещалась слабо освещенная и скудно украшенная елка. Зрители сидели или стояли перед ней на выдвинутых из классов партах. Затем на авансцену перед елкой выходили ученики и читали перед публикой басни и стихотворения, большею частью не пользуясь никакими средствами для усиления впечатления в виде музыки или показывания картин. В таких условиях мне пришлось однажды по предложению учителя русского языка прочитать по книге длинное и потому мало пригодное для елки произведение Лермонтова «Песня про купца Калашникова и опричника Кирибеевича». Само собой разумеется, что моя декламация не вызвала особого восторга у слушателей.

Наш отдых в воскресенье и праздничные дни сокращался вследствие того, что мы были обязаны в такие дни посещать богослужения в церкви. Происходило это так: ученики предварительно собирались в училище и после отметки в особом журнале, выстроившись попарно, отправлялись под руководством дежурного учителя в соборную церковь к обедне. Там они становились в два или три ряда где-нибудь в сторонке, чтобы не мешать молящимся и стоять в течение приблизительно 1,5 или 2 часов спокойно, не нарушая благочиния. Если эти групповые посещения имели целью развитие религиозности у учеников, то нужно сказать, что эта цель совершенно не достигалась, наоборот, ученики равнодушно слушали доносившиеся до них издали возгласы священника, диакона и пение церковного хора, иногда крестились, иногда становились на колени, если это делал учитель, иногда перешептывались и показывали друг другу принесенные из дома предметы. Чаще же всего мяли в руках шапки и уносились воображе-

нием далеко-далеко. В общем же к концу обедни чувствовалось сильное утомление, разбитость, тупость в голове, и ученики интересовались только тем, будет ли еще какой-нибудь придаток в виде проповеди или молебна, могущий задержать их еще минут на двадцать. Наконец ученики получали разрешение расходиться. Если праздник был царский, а таких праздников было много в году, то ученики вместе с публикой при колокольном перезвоне уже добровольно задерживались перед церковью, чтобы посмотреть парад воинской части. Гораздо лучше проводил я время в церкви тогда, когда посещал ее по собственному почину и желанию. Тогда я заранее прочитывал дома надлежащее место в Евангелии, а в церкви внимательно присматривался и прислушивался к тому, что там происходит; в таких случаях я иногда, в особенности в великопостные, пасхальные или рождественские дни, переживал искреннее религиозное воодушевление.

На летние каникулы я обыкновенно уезжал из Каинска по вызову брата в ту деревню, где он служил сельским писарем. Для удешевления проезда приходилось всякий раз ехать с каким-нибудь попутчиком.

Подъезжая к одной деревне, мы были удивлены невиданным зрелищем: перед ней раскинулся огромный табор, состоявший из крестьянских семейств, приехавших по какой-то причине из деревни на лагерное житье, каждая семья имела в центре похожее на палатку сооружение, служившее для укрытия детей от солнца, ветра и дождя. Кругом стояли ящики с более ценным имуществом, служившие вместо столов и стульев. Ближайшие расспросы показали нам, что это не были погорельцы — деревня была совершенно целой, но что причиной лагерного житья был действительно пожар, но только пожар, так сказать, в проекте. Дело в том, что какие-то злонамеренные лица в последнее время распространяли записки, в которых содержались угрозы сжечь деревню. Пожив неделю в поле, крестьяне вернулись в свои жилища. В подозрении остались элементы, слабо связанные с коренным населением, — ссыльно-поселенцы или совершенно с ними не связанные бродяги.

В это лето я провел каникулы в своем родном Каргате, но только не у Егорушкиных, они все жили на заимке, а в семье отчима Сергея Яковлича. В это время уже началась постройка Транссибирской железной дороги. Я поступил на службу в одну партию землемеров; работал в ней недолго, так как Сергей Яковлич, который оказывал партии некоторые услуги на лошади, был оскорблен высокомерным и барским тоном начальника партии (сибирские крестьяне, не знавшие крепост-

ного права, не привыкли к такому тону), прекратил всякие отношения к партии, велел мне оставить работу и вернуться домой.

Деревня Колмакова, в которой я провел с братом одно лето, отличалась необыкновенным изобилием дичи, главным образом уток и гусей. Мы помещались на квартире у сельского старосты. По имущественному положению это был середняк, а по характеру очень добродушный человек, мало подходивший к роли администратора. Я иногда брал его старый дробовик и с одним зарядом в дуле уходил на охоту на ближайшее болото. Так начались мои первые охотничьи упражнения. В течение месяца я выстрелил всего только три раза и неожиданно для себя убил трех птиц.

В этом году по деревням, расположенным по Сибирскому тракту, распространилась эпидемия холеры, принявшая особенно большие размеры в Каинске, откуда я получил уведомление, что ученье в уездном училище начинается не 7-го (20) августа, как обыкновенно, а позднее. Что же касается нашей Колмаковой, то она оказалась в исключительном положении: азиатская гостья почему-то ее обошла, и в ней не было ни одного случая заболевания холерой. Объяснить это можно тем, что холера распространяется, главным образом, при посредстве текущих вод, то есть по рекам, в Колмаковой же население пользовалось питьевой водой из колодцев и небольших озер.

В последние годы у брата участились его рецидивы беспорядочной жизни, в результате которых большая часть его заработка уходила на водку. Разумеется, это обстоятельство затрудняло мои приезды на летние каникулы и делало их вообще менее приятными. Однажды в конце лета, когда наступило время возвращаться мне в Каинск, в моем распоряжении оказалась лишь очень незначительная сумма, которой явно не хватало на обратный проезд. Положение осложнялось тем, что вследствие продолжительного ненастья дорога на Сибирском тракте превратилась в сплошное месиво жидкой грязи, и проезд стал несколько дороже. В училище начались уже занятия, с грустью думал я: неужели мне придется бросить ученье? Я все-таки не терял надежду и продолжал искать попутчика. Наконец, мне удалось остановить одного гражданина, который медленно на паре лошадей проезжал по улице в направлении Каинска. Переговоры с ним привели к тому, что он согласился взять меня в качестве компаньона, если я приму на себя $1/3$ дорожных расходов. Окружающие меня лица посоветовали мне принять предложение и помогли день-

гами кто сколько мог. Захватив свой узелок, я вспрыгнул в коробок, и вот мы медленно «поплыли» по грязной дороге.

Лишь с большим трудом отыскивали мы во встречных деревнях людей, которые соглашались везти нас дальше. Помню одну ночь. Моросил мелкий дождь. Мы ехали по одной деревне, но никто не соглашался везти нас в такую пору с платежом «на пару», т.е. по 3 коп. с версты. Наш ямщик не хотел, однако, оставить нас на произвол судьбы среди дороги и, подвигаясь вперед, время от времени выкрикивал предложение повезти «вольную». Наконец открылось окно в одной избе, и крестьянин, видимо, нуждавшийся в деньгах, после кратких переговоров предложил нам въехать в его ограду. Мы получили возможность отдохнуть, обсушиться, и, кроме того, нам были обеспечены лошади для дальнейшего проезда. А вот и последняя станция перед городом.

Я учился уже в старшем классе и приходилось поэтому подумывать о том, чем я займусь по окончании курса в уездном училище. Еще раньше, при переходе из первого класса во второй, под влиянием похвал, которые расточались мне на квартире у Богдановых при показывании отметок недельных, четвертных и годовых, мне пришла мысль подготовиться летом за второй класс и перебраться осенью из первого класса непосредственно в третий. Никаких практических шагов для осуществления этой мысли я не предпринял, да и трудно это было сделать без помощи и руководства взрослых людей, хотя учение, в общем, и казалось мне очень легким. Тогда же мне приходила в голову и другая смелая, но еще более фантастическая по своей неосуществимости мысль: открыть перед собой более широкую дорогу к образованию путем перехода из уездного училища в Томскую классическую гимназию. Не имея ясного понятия о тех словесных преградах, которые пришлось бы преодолеть в данном случае (крестьянские дети тогда, в общем, не допускались в гимназию), я все же понимал, что тут понадобятся значительные расходы на переезд в Томск: наем квартиры, обзаведение формой, на уплату за право учения и т.п. Приняв во внимание, что в Каргате нам, хористам церковного хора, оказывал покровительство и помощь одеждой местный купец и церковный староста Капитон Петрович Ерофеев, я решил, что, может быть, и здесь, в Каинске, удастся найти мецената в лице другого брата Ерофеева, владельца магазина и винокуренного завода. С такой мыслью я явился однажды в дом Ерофеевых. Меня

встретили полные, хорошо одетые дамы в комнате с блестящими полами. Прерывающимся голосом, волнуясь и теряясь среди необычной обстановки, я кое-как изложил существо моей просьбы. Выслушав меня и немного подумав, они сказали, что могут взять меня в качестве мальчика для мелких комнатных услуг. Такое предложение отнюдь меня не устраивало, и я, несколько оскорбленный в своих лучших чувствах, поспешил удалиться и плотно закрыл за собой дверь. С мечтой о гимназии пришлось расстаться.

Из уездного училища открывались три пути: первый — служба в каком-либо мелком учреждении, второй — поступление в Омское низшее механико-техническое училище, третий — поступление в Омскую учительскую семинарию. Обычно абитуриенты Каинского уездного училища не думали о продолжении образования, поэтому и поездка в Омск, отстоящий от Каинска в 360 километрах, представлялась очень смелым предприятием.

Иван Иванович Куминов, сам когда-то окончивший курс в Омской учительской семинарии, стал твердо направлять меня по этому последнему пути. Я был очень рад тому, что предо мной открывалась возможность учиться. При этом я совсем не думал о том, имею ли я специальные педагогические склонности и способности. Иван Иванович обещал мне устроить материальную сторону дела. Брат Михаил, добросовестно поддерживавший меня в течение четырех лет, ясно дал понять, что от присылки денег после окончания курса в уездном училище он совершенно отказывается, но я уже знал от Ивана Ивановича, что ученики семинарии получают стипендию, которой хватает на жизнь и ученье в Омске.

Так закончился 1892–1893 учебный год. На этот раз я не поехал куда-либо на каникулы, да и не имел к тому никакой возможности и особой охоты. Лето показалось мне очень длинным и скучным, так как круг моих знакомств был чрезвычайно узок и многие соученики разъехались на каникулы в разные стороны. Большую часть времени я проводил в своей не особенно светлой комнате, в нижнем этаже, грустный, всеми забытый, без солнца и без радости, без привета. Впоследствии я с тяжелым чувством вспоминал об этом времени и лишь с трудом освободился от сумерек, в которые была погружена моя душа.

Наконец наступило время готовиться к отъезду в Омск. Иван Иванович поступил со мной очень благородно: он подарил мне несколько

рублей на проезд, кусок войлока для постели, самое же главное — хлопотал в соответствующем учреждении бланк для проезда на земских лошадях с платежом всего только за одну лошадь, то есть по полторы копейки с версты. Охотничья полушпатель из серого солдатского сукна, в которой я прощеголял когда-то зиму, теперь окончательно перешла в мою собственность. Все это были немалые жертвы со стороны добрейшего Ивана Ивановича. Наконец, мне был подан простенький легкий экипаж, запряженный в одну лошадь. Я уложил в него свой небольшой багаж, состоявший главным образом из наградных книг, и, простившись с Иваном Ивановичем, Анной Захаровной и их детьми, тронулся в путь и оставил город, в котором провел четыре года своей жизни. В Омске надо было выдержать экзамен, и, таким образом, будущее рисовалось передо мною лишь в очень неясных очертаниях.

Переезд в Омск совершился легко, без всяких приключений. На станциях меня принимали за солдатика, едущего на военную службу (мне было уже 17 лет). Когда я изъявлял желание уплатить за чай, хозяйки обыкновенно отказывались, но я всякий раз упрямо оставлял свой пятак на столе около самовара.

* * *

Между тем по мере движения на запад характер природы постепенно изменялся. Кончалась Барабинская степь с ее болотами и озерами, и начинался район настоящего степного чернозема, рожь постепенно уступало место пшенице. Вот и последняя станция перед Омском. Город обозначился в виде огромной серой шапки из пыли, которая легко поднималась с незамощенных улиц и продолжала долго висеть в воздухе.

При въезде в город легко можно было увидеть, что Омск, несмотря на свои большие размеры, по характеру своих окраин очень напоминает большую деревню: ни каменных зданий, ни тем более фабрик и заводов не видно. На улицах встречались то стадо коров, возвращавшихся с выгона, то чиновник на извозчичьей пролетке, то управляемая киргизом вереница двугорбых верблюдов, то группа молодых казаков, которые, взявшись за руки, проходили серединою улицы, исполняя частушки под аккомпанемент визгливой гармоники. Предусмотрительный Иван Иванович снабдил меня письмом в адрес своего бывшего квартирохозяина казака Чукреева, у которого я мог найти себе на первых порах пристанище. Эта часть города вообще была

населена казаками, которые, однако же, по своему внешнему виду и занятиям мало отличались от обыкновенных мещан. Омск уже давно перестал быть окраинным городом, и нужда здесь в казаках, которые могли защищать границы государства, уже отпала.

У Чукреева стояли на квартире два семинариста; они только что окончили курс и ждали себе назначения на учительские должности. Понятно, они возбудили во мне большой интерес. Они также приняли во мне участие и, проведя небольшое испытание, уверили меня, что я выдержу конкурсный экзамен и буду принят на казенную стипендию.

После медицинского осмотра, идя на экзамены, я не был, однако же, спокоен и уверен в себе; беспокойство еще более усилилось, когда после диктовки я сидел за сочинением по русскому языку и наблюдал, как мой сосед справа бойким канцелярским почерком исписывал как будто без всяких затруднений строчку за строчкой и даже целые страницы в то время, когда я лишь с усилием вытягивал из себя фразы; ведь предстояло преодолеть немаленький конкурс — из 65 экзаменующихся должны быть приняты всего только 25. Однако же все мои страхи и сомнения оказались напрасными: мои покровители-семинаристы сумели проникнуть в канцелярию, познакомились там с моими экзаменационными отметками и сообщили, что мои дела находятся в весьма благоприятном положении. И действительно, через день-два я узнал, что принят в число воспитанников семинарии и притом на казенную 10-рублевую стипендию.

Пока определялось положение и не начались еще систематические занятия, я обошел с одним товарищем значительную часть города. Омск расположен при впадении реки Оми в Иртыш. Через Омь имеется деревянный мост. На высоком мысу при слиянии рек находятся остатки крепости, в которой когда-то провел несколько лет Федор Михайлович Достоевский, отбывая свой срок каторги. С высокого берега открывался широкий вид на Иртыш и на левый низменный степной берег, где виднелись полушаровидные киргизские юрты и бродили стада лошадей. Через Иртыш моста не было, и сообщение с противоположным берегом производилось при помощи парома. Но место для железнодорожного моста уже было намечено. В устье Оми находилась пристань, к которой изредка подходили пароходы: одни с сильно мелеющих во вторую половину лета верховьев Иртыша, где расположены такие богатые хлебом города, как Павлодар и Семипалатинск, другие — с обширных водных просторов Иртыша и Оби, где

расположены Тобольск, Томск и связанная железной дорогой с Европейской Россией Тюмень.

Спустившись на один из плотов, пригнанных из Павлодара, мы могли выбрать и купить за 6 копеек прекрасный арбуз, которого нам с избытком хватило на двоих.

На обратном пути мы прошли мимо большого и красивого здания кадетского корпуса, а затем по скверу, который носил, конечно, название Казачьего: здесь по воскресным вечерам при гуляющей публике из высших слоев общества играет, как нам сообщили, военный «казачий» оркестр. На следующий день, побывав в семинарии и выслушав там объявление о выдержавших испытание, времени начала занятий и наведя кое-какие другие справки, я занялся устройством квартирных дел.

Семинария не имела общежития для своих воспитанников, и поэтому последние жили на вольных квартирах, но должны были находиться под некоторым надзором учебного начальства. Вскоре я и несколько одноклассников нашли квартиру с хлебами у одной чиновницы, которая, получая с каждого из нас по 7 руб. 50 коп. в месяц, надеялась прокормить не только нас, но и свою небольшую семью. При тогдашней дешевизне съестных продуктов в Омске это было вполне возможно. Потом начались учебные занятия.

Мы занимались ежедневно по шесть часов, причем значительная часть времени уходила на усвоение навыков по чистописанию, пению, столярному, переплетному мастерствам, по гимнастике и на педагогическую практику. На науку в семинарии не сильно налегали, так как считалось, видимо, что народный учитель не нуждается в обширных и глубоких знаниях.

Так началась моя новая жизнь. Здесь преподавались те же предметы, что и в уездном училище, только немного в более расширенном объеме. Из новых предметов меня более интересовало естествознание. Но, увы, и оно преподавалось в очень скромных размерах и притом такими методами, которые не давали простора для самостоятельного изучения природы. Вообще в преподавании предметов преобладал словесный, схоластический метод.

Одноэтажное здание семинарии имело скромный, но привлекательный наружный вид; оно содержало в себе кроме раздевалки и коридора три классных помещения, учительскую, канцелярию, которая в то же время была и кабинетом директора, затем мастерскую

для изучения переплетного и столярного мастерства, зал для занятий гимнастикой и устройства вечеров и библиотеку с физическим кабинетом; к зданию семинарии непосредственно примыкала одноклассная трехгодичная начальная школа, в которой семинаристы проводили свою педагогическую практику, и небольшая квартира заведующего начальной школой. К ограде примыкал небольшой сад, который, по-видимому, предназначался для проведения сельскохозяйственной практики семинаристов, но в котором эта практика никогда почему-то не проводилась.

В семинарии учились преимущественно дети крестьян и мещан, не имевшие возможности по своему сословному и имущественному положению поступить в среднее учебное заведение. Из своего скромного бюджета семинаристы тратили от 7 до 10 рублей на наем квартиры.

Душою семинарии был ее директор Митрофан Алексеевич Водяников. Он никогда не пропускал занятий, напротив, часто заменял отсутствующих преподавателей, употребляя эти часы на беседы и чтение, чаще всего драматических произведений Островского. Собственно, учителями не только по положению, но и по духу и по всем устремлениям сделали нас беседы Митрофана Алексеевича, преподававшего педагогику, дидактику и психологию. Он старался внушить нам, что мы, получая образование за счет трудового народа, должны считать себя в долгу у него; учительскую работу в сельской школе он изображал как радостное, творческое исполнение долга.

Длинные беседы проводил также наш преподаватель Закона Божия и грамматики церковно-славянского языка священник отец Иван Рождественский, но его речи, которым он обыкновенно посвящал вторую часть урока, как по своему содержанию, так и по способу произнесения совсем не привлекали нашего внимания, да он, по-видимому, и сам на это не рассчитывал, так как говорил, сидя за учительским столом, глухим голосом, не обращая внимания на учеников, которые, сохраняя наружное благочиние, предавались в это время сладкому безделью. Я тоже, сидя за партой, обыкновенно устраивал свою голову на руках так, чтобы моего лица не было видно, и спокойно отдавался дремоте. Отец Иван был приятен семинаристам тем, что ссужал их в случае крайней нужды деньгами при условии, однако, возвращения денег в срок. Единственным предметом, по которому я совсем не учил уроков, была грамматика древнего церковно-славянского языка; это привело к тому, что при окончании курса

я имел по этому предмету четверку и получил награду только 60 рублей вместо 100.

Ученики, однако же, очень оживлялись, когда в старшем классе при повторении Библии отец Иван начинал рассказывать между прочим «мужские» анекдоты про Адама, Еву и других библейских лиц, а также про монахов. Отец Иван не прилагал особых усилий для внушения нам религиозности. Однажды на исповеди я признался ему, что не верю в Бога, но потом, заметив, что отец Иван отнюдь не сочувствует мне, хотя и не хотел бы доводить дело до скандала, я постарался замять вопрос о моих религиозных убеждениях и получил в конце исповеди обычное прощение грехов. Отец Иван, в общем, относился снисходительно к грехам молодежи, потому что и сам был не без греха, о чем свидетельствовал отчасти цвет его носа. Мы замечали также, что во время таких важных церковных служб, как всенощная в пасхальную ночь, отец Иван, стоя перед алтарем, немного пошатывался.

На формирование мировоззрения могло бы оказывать могущественное действие изучение истории литературы и чтение научных книг, но семинарский курс литературы был чрезвычайно краток, и гораздо большую роль сыграл литературный кружок, хотя он и существовал очень короткое время. Мы успели только разобрать несколько драматических произведений А.Н. Островского. Лично для меня имело большое значение знакомство с некоторыми критическими статьями Добролюбова, например, «Темное царство», «Луч света в темном царстве». Пользуясь статьями, я составил и прочитал доклад в кружке. Это дало толчок к развитию у меня вкуса к чтению критической литературы. Примечательно то, что книги Добролюбова были рекомендованы нашим преподавателем литературы Усольцевым. Возможно, что такое «вольнодумное направление» занятий кружка и повело к его закрытию. Вместо него у нас открылся свой неофициальный литературно-политический кружок, находившийся под руководством семинариста из казаков Седельникова, поступившего впоследствии в Дерптский университет. В этом кружке мы читали произведения Добролюбова и Писарева.

Нужно сказать, что какие-либо суждения или споры по поводу прочитанного у нас возникали редко: по-видимому, материал был не совсем по плечу как рядовым членам кружка, так и его молодому руководителю и воспринимался поэтому в значительной степени пассивно.

Кружок распался вот по какому случаю. Семинарские квартиры время от времени навещались директором или преподавателями семинарии, которые были обязаны следить за поведением и времяпрепровождением воспитанников. Уходя из квартиры, воспитанник обязан был отметить в особом журнальчике, куда и на какое время он уходит. Однажды во время занятий кружка на квартире одного семинариста к нам явился в качестве наблюдателя наш законоучитель отец Иван Рождественский. Нас было около десяти человек. Мы сидели, отчасти лежали в разных позах на кровати товарища. Застигнутые врасплох, мы вскочили со своих мест и в смущении выстроились перед о. Иваном. Осведомившись о причине и цели собрания, он выразил свое удивление. Я сначала оказался за спинами товарищей, которые как будто хотели намеренно заслонить меня собой от взоров наставника. Однако же я вышел вперед, и тогда о. Иван воскликнул: «А, и Ларионов здесь!». На этом разговор прекратился. На следующий день о. Иван отметил всех кружковцев в классном журнале, поставив крестики против их фамилий. Это, однако же, ни к чему не повело, так как один из семинаристов распространил крестики на всех учеников класса. Отец Иван не считал нужным шуметь по поводу сделанного им открытия, однако же кружок перестал существовать.

Кроме учебных заведений в городе было несколько других просветительных учреждений: театр, библиотека с читальней, книжный магазин, концертный зал (кажется, он был при Доме офицеров). В театре я бывал редко и, конечно, покупал самые дешевые билеты. Там, на галерке, не особенно было приятно сидеть: публика разговаривала во время действия, а в самых патетических местах часто смеялись, а главное, непрерывно щелкали семечки. Все это не позволяло внимательно следить за ходом действия. Наибольшее впечатление произвела на меня игра братьев Адельгейм в «Отелло» Шекспира. Здесь же иногда устраивались и любительские спектакли. В одном из них принимал участие наш преподаватель математики и физики, отличавшийся во время уроков своими излишне подробными и до тонкости разработанными в методическом отношении объяснениями, вследствие чего материал урока, уже не разжевывая, приходилось глотать целиком, в готовом виде. (Впрочем, это был хороший преподаватель, у которого я усвоил математику, не прибегая к учебнику). Незабвенный Василий Павлович и здесь, на сцене, проявил эту свою особенность: играя калеку, он, опираясь на костыль с необыкновен-

ной тщательностью и выдержкой, которой мог бы позавидовать любой инвалид, проковылял по сцене.

Не часто, но все же бывали в Омске концерты, дававшиеся заезжими артистами. Я старался по возможности на них бывать. Однажды мне пришлось быть на концерте одной певицы. Нужно сознаться, что ценитель я был плохой, так как присутствовал на концерте такого рода первый раз в жизни. Мое внимание часто отвлекалось привходящими обстоятельствами. Вот после звонков нарядная публика заняла свои места. Через некоторое время мужчина во фраке, видимо, муж певицы, бережно, как бы боясь расплескать или разбить что-то драгоценное, вывел на сцену свою довольно дородную супругу и отошел в сторону. Вот раздались первые аккорды рояля, и певица запела. Мне со своего балкона было видно, как волновалась ее слишком декольтированная грудь. Голос был сильный и приятный. Аккомпаниатор то склонялся носом почти до самой клавиатуры, то как бы в экстазе высоко и гордо поднимал свою голову. Из исполненных пьес мне особенно понравился романс на слова Лермонтова «Тучки небесные». Я впервые ясно понял, что при помощи музыкальных средств можно изображать картины природы и душевное состояние человека.

Бывал я также на концертах мальчика, виртуоза игры на скрипке Кости Думчева. Омская публика тогда сильно увлекалась его игрой, может быть, главным образом, потому, что это был мальчик еще в коротеньких бархатных штанишках. Я вместе с другими восторженно аплодировал после исполнения пьесы «Соловей».

Изредка устраивались бесплатные концерты в семинарии, на которых выступал наш хор и, кроме того, отдельные ученики с декламацией. Из вокальных номеров очень часто исполнялись украинские песни. Публика на наших концертах состояла преимущественно из гимназисток. С гимназистками мы могли встречаться еще в домовой церкви при гимназии. Но близкого знакомства как-то не получалось между учащимися этих учебных заведений: чувствовалась разница в общественном, главным же образом в имущественном положении — они принадлежали к более зажиточному классу, вследствие этого смотрели на семинаристов несколько свысока, пренебрежительно.

В последний год своего пребывания в семинарии я жил с Русановым на несколько более дорогой, чем обычно, квартире: платя по 9 рублей в месяц, мы занимали отдельную чистую комнату одной вдо-

вы чиновника. Дочь квартирной хозяйки, учительница, пригласила меня от своего имени и от имени своего жениха, тоже учителя, быть у них шафером на свадьбе. Прежде чем дать согласие, пришлось задуматься: во-первых, приходилось идти на некоторый дополнительный расход, во-вторых, я чувствовал, что я мало подхожу к роли шафера: угловат, неловок, не умею танцевать. Дело с деньгами устроилось, я занял 10 рублей у о. Ивана Рождественского. Приобрести необходимую светскость, ловкость и прочие свойства кавалера я, конечно, в короткий срок не мог, но все же согласился выступить в роли шафера.

Через неделю о. Иван напомнил мне о долге. Я сказал, что твердо помню о нем, и действительно, пропустив еще неделю, я расплатился.

Мое материальное положение в первое время моего пребывания в семинарии не могло быть блестящим: каких-нибудь двух рублей на все расходы, кроме квартирных, при всем скромном образе жизни было маловато. Помню, что однажды у меня не было и трех копеек, чтобы сходить в общую баню, и я принужден был попросту выкупаться в беловатой воде быстрого Иртыша. Но потом мое материальное положение улучшилось.

В конце зимы каждый раз я закладывал свою баранью шубу, и таким образом в моих руках оказывались свободные 10 рублей. Шубу я в конце лета не выкупал, а заказывал через семинарию новую. Операция эта не была убыточной, потому что семинария не вычитала за новую шубу полностью 16 рублей, а часть этой суммы обыкновенно принимала за свой счет.

Но главным источником моих доходов были частные уроки.

Ученикам семинарии давалась возможность получить такую теоретическую и практическую подготовку в пении, чтобы потом руководить пением в начальной школе. Семинарский учитель пения Горбачев, хорошо методически подготовленный, весьма успешно справлялся со своими обязанностями. Но потом на его место поступил другой преподаватель, который стал пичкать нас теорией музыки. Однажды я поспорил с ним, доказывая, что, имея в руках толстые записки по теории музыки и не развив у себя в достаточной степени голос и слух, мы не в состоянии будем разучить с ребятами даже простой песенки. Учитель выслушал меня довольно холодно, и я, заметив, что дальнейшие споры бесполезны и повели бы только к обострению отношений, махнул рукой и стал учиться игре на скрипке.

пригласив на свои средства особого учителя из числа молодых музыкантов казачьего оркестра.

Столярное дело в семинарии вел наставник кадетского корпуса Петр Васильевич Нестеренко по методу какого-то немца. Вместо того чтобы изготавливать нужные для школы и в хозяйстве предметы, мы при помощи ножа и шкурки делали подставки для цветов в виде палочек и лесенок, лопатки и т.п. ненужности. Применение каких-либо других, кроме ножа, орудий по возможности избегалось. И, таким образом, столярное дело искусственно удерживалось на уровне примитивной техники.

Гораздо лучше шло изучение переплетного мастерства. У каждого семинариста было немало книг, которые нужно было привести в порядок. Многие семинаристы выписывали иллюстрированный журнал «Нива» (издание Маркса), который давал многочисленные приложения в виде книг и между ними такие ценности, как полное собрание сочинений Достоевского или других классиков русской литературы. Некоторые ученики так быстро шли в изучении мастерства, что научились делать сафьяновый корешок с золотым тиснением. Я по этой части не показывал больших успехов. Свои ценные книги я отдавал в переплет мастеру-специалисту, что обходилось тогда недорого — копеек по 25 за лучший переплет средней по размеру книги.

Педагогическая практика в семинарии была поставлена хорошо. Семинаристы сначала слушали в начальной школе образцовые уроки преподавателя Константина Алексеевича Татарова, который был большим мастером своего дела. Скромно, без всяких вычурных приемов он искусно проводил занятия одновременно с тремя отделениями, как пианист-виртуоз. Дисциплина у него поддерживалась как-то само собой, без всяких усилий с его стороны, без окриков и замечаний по адресу учеников, у которых все время сохранялось доброе настроение. Семинаристы должны были записывать уроки и затем объяснять приемы преподавания и поддержания дисциплины положениями из дидактики и методик предметов. Такой конспект впоследствии просматривался преподавателем. Урок в середине прерывался для отдыха исполнением детской песенки или гимнастических упражнений, или чтением басни и т.п. Семинаристы давали пробные уроки, имея перед собой то небольшую группу школьников, то целое отделение, то, наконец, целый класс. Продолжительность занятий тоже была различная, начиная с одного часа и кончая целой

неделей. Мне и моему товарищу Россихину пришлось провести по назначению директора дополнительную практику, заменяя преподавателя К.А. Татарова во время его болезни. Тут я с горечью заметил, что поддержание дисциплины в классе и сохранение хороших отношений с учениками дается мне с большим трудом.

В конце каждого учебного года я в качестве первого ученика получал награду, главным образом в виде собрания сочинений какого-либо писателя. На этот счет наш директор Митрофан Алексеевич Водяников был довольно щедр. Впоследствии я заметил, что это «первоученичество» связано с различными неудобствами, главным из которых являлась необходимость одинаково внимательно изучать все предметы, не отдавая предпочтения тем из них, которые особенно интересовали. К этому приводила также установившаяся традиция «отдуваться» за всех учеников, когда класс оказывался в критическом положении в случае неожиданного прихода какого-либо начальника, например, областного инспектора. Особенно часто такое положение создавалось на уроках «тюленя», т.е. В.А. Лебединского. Обыкновенно ученики не готовились к урокам этого преподавателя и отвечали урок, читая его по книге, искусно спрятанной за спиной товарища. «Тюлень», вероятно, замечал, что ученики его обманывают, но не обращал на это внимания. На его уроках ученики спокойно занимались разными посторонними делами, например, исполнением письменных работ, переплетом книг, исправлением разных приборов и т.п.

Однажды на уроке вдруг зазвенел в столе одного ученика будильник. Лебединский, сидевший за учительским столом перед раскрытым журналом и лениво почесывавшийся, покраснел и с беспокойством стал посматривать на дверное окошечко, в котором могла появиться физиономия директора. Все обошлось благополучно, и класс снова принял обычный вид. Но в случае прихода инспектора ученикам и учителю приходилось подтягиваться, и вот тогда для ответа урока привлекался не кто иной, как Ларионов, который поэтому должен был всегда быть начеку. Все это в конце концов мне надоело. Но нарушить установившийся порядок или снять с себя амплуа первого ученика было трудно, почти невозможно, тем более что при окончании курса я мог получить солидную денежную награду, которая могла бы пригодиться для заведения приличного учительского костюма. Так я и продолжал тянуть надоевшую ляжку до конца.

Вот подошли и выпускные испытания. На экзамене по Закону Божию пожелал присутствовать и познакомиться с познанием молодых учителей сам архиерей. Нас это сильно взволновало, тем более что нам было известно, что наш законоучитель стоит на плохом счету у архиерея, и поэтому последний будет «придираться» к ответам учеников. Так оно и вышло. Я наспех и безо всякого интереса повторил священную историю, катехизис, историю церкви, учение о богослужении, но когда пришел на экзамен, то почувствовал, что голова моя совершенно пуста. Припоминались какие-то отрывочные фразы и рассказы из истории церкви о том, как один новгородский епископ совершил путешествие на камне по морю и, обогнув Европу, своевременно прибыл на съезд духовенства в Риме, или как апостол Фома совершил такое же чудесное путешествие на облаках. Спрашивал сам архиерей. Вызванный к столу первым, я, к своему удивлению, что-то отвечал, и архиерей, отпустив меня с миром, без гнева поставил «четыре». Второму ученику Росихину посчастливилось уже меньше: он получил «три». Дальше архиерей начал кипятиться, делать выговоры законоучителю, а ученикам стал ставить «двойки». Униженный о. Иван приподнимался и смиренно выслушивал горячие выговоры архиерея. Не доведя экзамена до конца, архиерей уехал. Все вздохнули свободно. Оставшиеся члены экзаменационной комиссии под председательством директора пересмотрели отметки и поставили их по своему усмотрению.

В последнем классе семинарии я часто останавливался перед географической картой Западной Сибири и думал о том, куда бы я хотел быть назначен учителем. Как казенного стипендиата меня могли назначить в любую из западносибирских губерний и областей. Север меня мало привлекал, более внимательно мои глаза останавливались на нижней части карты: я хотел быть назначенным в одну из сельских школ Семиречья (теперешний Казахстан) с его оригинальной природой. Но получилось совсем не то: попечитель Западно-Сибирского учебного округа, имевший место пребывания в Томске, назначил меня учителем не в сельскую, а в городскую школу повышенного типа — в уездное училище, и не на юг, а на север — в Тобольск.

Ф. Ларионов

Записки самаровского крестьянина

Представленная здесь записная книжка — чудом донесшийся до наших дней через столетие с лишним живой голос самаровца Кузьмы Ивановича Кузнецова, родившегося в 1865 году. Сберегли ее жители Ханты-Мансийска супруги Л.С. и А.М. Карандаевы. Большая часть записей фиксирует состояние семейного хозяйства, и начинаются они перечнем домашнего скота, только после этого автор приводит сведения о себе и членах семьи. Далее основное содержание текста составляет краткая фиксация фактов местной экономической жизни: цены на рыбу, хлеб и т.д., погодные условия и их влияние на рыбный, охотничий и извозный промыслы, заготовку сена, огородничество. Упоминает К.И. Кузнецов и о событиях, чем-либо примечательных для Самарова (приговоры сельского схода по разным вопросам, болезни, посещение села представителями власти и др.), о некоторых односельчанах.

Желая продлить память о себе и своем роде, Кузьма Иванович дает в начале записной книжки краткие сведения о родословной и об основных событиях семейной жизни за 1880–1890-е годы. Записи делаются месяцами и днями, обычно без указания на год, но на третьей странице записной книжки вместе с фамилией, именем и отчеством ее владельца написано: «1895 год», что означает, очевидно, время начала записей. В середине книжки последовательность текста нарушена из-за утраты четырех страниц.

В настоящем тексте сохранены орфография и пунктуация подлинника. Количество неразобранных слов, а также недостающие слова и буквы указаны в квадратных скобках.

* * *

Скота имеется 4 лошади пожилых карий мерин [1 нрзб.], вороной мерин 17 год, гнедой мерин 11 годов, кобыла игреня 12 годов (игрений 2 годов, карюха 1 году со звездами во лбу). Коров имеется 4 дойных

Кудряшиха 7 годов, Краснавка 4 годов Беланая 3 года Черная 4 годов два теленка 5 овец собака Серко 4 года итого 19 штук еще телушка черная полгода...

Я Кузьма Иванов Кузнецов родился в 1865 году октября 30 числа крестился 1 ноября родители мои были отец Иван Федорович мать Афимья Степановна дед мой был Федор Димитриевич прадед мой был Димитрий Осипович [8 слов внизу стр. нрзб.].

Я эти предания получил от дяди Дмитрия Федоровича, потому и здесь так написал.

Образованъ[я] я не знал маломало обучился в сельском училище первым преподавателем был блаженной памяти Иван Алексеевич Прохоров обучил буквы склады и вязать мережу и починять и потом доучиваться поступил в училище

учительшей была Марья Денисовна* фамиль забыл ее и последним преподавателем был Александр Васильевич Киселев икзамент не держал потому что куда то отлучился ловить рыбу.

На призыве был 1885 года получил ратнической билет братьев у меня в живых не было сестер тоже.

Женился я в 1888 (9?) году на девке Аграфене Родионовне Кузнецовой венчался 14 октября первый сын был Василий родился в 1892 году марта 28 умер 93-го 18 января дочь Марья родилась 1894 года января 24 сын Александр родился 1895 года марта (?) 9 числа. Отца я лишился в 1890 г. феврале 2 числа.

В 1889 году я ездил в Томск там жил 12 дней в то же время болела нога посечена топором, в 1888 году 20 июня (июля?) в Тобольске до этого году т.е. до [18]95 разов 25 бывал все зимой ямщиком. [Далее неразборчиво — приписка, в которой прочитывается только «1913 г.»].

[В] 1895 году власти села Самарова старшина Шеймин Егор Николаевич староста Соскин Григорий Семенович протоиерей благочинный Нестор Иван. Верьгунов псаломщик Михаил Николаевич Наумов учитель Александр Александрович Лебедев фельдшер Журавлев.

Месяц сентябрь погода зачинат мало помалу устанавливаться 10 числа хорошая погода 17 числа выпал первый снежок погода стояла все плохая промыслов мало отстрадовались на Воздвиженьев день выехали совсем. Месяц этот кончился худым погодем овощей получилось совсем мало овцы все съели горной птицы нонче совсем мало рыбы тоже черной плохо осетров нонче добыли ладно.

Месяц октябрь. 1 числа и вся неделя погода страсть хорошая, в дорогу нанялись по 55 копеек с пуда хлеб в городе 27 копеек последний пароход шел 1 числа 7 числа была лодка (?) 15 число погода все

* Венгерская. См.: Лопарев, Х. М. Самарово. СПб., 1896. С. 64, 65, 147.

стояла хороша 22 числа погода все стоит хороша тепло скот на поле
весь рыба ловится 25 загнали скот 28 первые ямщики отправились

29 октября восточный ветер сильный буран сады неводили 27 числа [1 нрзб.]... Лед показался на реке 29 числа 28–29 был рекостав. 1 ноября поехал к Матке накладываться 8 ноября отваливали в город и ходили в Тюмень первая рыба продавалась на дорогих ценах щука с язем доходили до 2 руб и 1 руб 80 коп хлеб в городе Тобольске 30 коп овес 22 копейки покупали цене (?) 19 коп овес 22 пуд домой приехали 7 декабря всю дорогу стояло тепло с 7 декабря начались морозы с ветром северным до 16 числа с 16 числа было тепло до Рождества Христова

в декабре нынешнего года появился субъект назвался инженером от министерства путей сообщения сосватал невесту Надежду Михайловну Соскину деятельность его не достигла зари как явился следователь схватили и увезли на отдых. Кончился этот месяц хорошей погодой.

Год этот кончился благополучный как в народе так и в скоте было довольство для меня и всех

Кузьма Иванов Кузнецов

1892 года была моровая холера в июне месяце в Самарове умерло 70 человек

Александр Кузнецов

[Четыре следующих страницы в записной книжке отсутствуют]

Благословиши венец лета

благости твоя Господи

январь

в половине была теплая погода

хлеб ржаной

в городе 30

овес 15

крупчатка 5 р. 50

рыба тоже дорога

щука на 7 ве[ршков] 1 руб 70

чуругай 1 р

язь 1 р 80

промыслов нет

Я с 20 декабря съездил два раза в город до февраля 1 лошадей...

Февраль

Сначала холод. В половине тепло в конце хорошая погода орел прилетел в половине месяца. Снега не было народ живет хорошо. Заработки на дровах хороши. Скот благополучный. Государственные дела благополучны. Снега мелкие все хорошо.

Март

В начале погода благоприятная ведря в половине совсем тепло даже и дождь был в конце выпало снегу на четверть. Событий никаких не было вороны посетили в конце месяца и снигирей много сеном хоть небогаты а [1 нрзб.]

Апрель

Сначала холод ведро север ветер. В половине тепло прилетели утки мало в конце холод дожди и снега скота отпустил 24 числа коней снегу совсем осталось мало. Лед тронулся 30 числа воды мало погода студеная.

Май

Погода ведро ночи холодны лед очистился 4 числа рыбы мало гусей много уток мало лебедей много воды мало. На перевесах плохо. С 4 числа вода стала убывать убывала до 9 числа потом прибывать стала четвертями первы пароходы пришли 2 числа из Тобольска

из Томска 15 числа 13-14 числа выпало снегу вершка на 3, 15 стало немного, 16 выпало на четверть ветер восточный 18 числа коней с поля (?) домой пригонил и был сильный мороз пароходы из Томска грузны водят баржи груз хлеб месяц этот кончился хорошей погодой даже в конце жаркой

Июнь 1895 года

Погода стояла хорошая вода стояла ладно и прибывает еще по вершку рыба режевками есть 11 числа посетил нас ученый человек из Петербурга самаровской (наш) Хрисанф Мефодович Лопарев. Зелень была с первых чисел овощи сеяны с 5 по 10 число

12 числа был у нас товарищ министра Петров с комиссией путей сообщения на четырех пароходах. 11 числа была сходка о кладбищенской ограде. 18 числа была сходка об ограде же и дали одобренье Филиппу Вьюшкову ехать в Томск вода прибывает по вершку в сутки погода плоха ветра сильны перепадат дождь.

В конце месяца погода стояла хороша тихая вода стала становиться на мере курья оставалась кое-где блинками и то в верхнем конце погода хорошая вода начинат даже убывать рыбы режевками есть скот отъелся [1 нрзб.] коровы из-за реки вывезены домой.

Месяц июль

погода хорошая. 2-го числа была сходка говорилось на сходке убирать с полей нездорового скота ибо у некоторых были нездоровые кони ленных уток ловить положили до пятого числа добыли их совсем мало 9 числа погода верхова с дождем 10 числа входили в нову избу 12 числа посетил нас профессор Шеймин с женой наш самаровской погода хорошая.

Дожди перепадают очень редко вода убывает совсем. Режевками рыба есть попадает по полусотне. Во второй день Ильина дня была сходка говорилось страду положили (?) до второго августа 24 отбыли Шеймин Лопарев и Наумов ветры дуют северны сильны. Погода ведра медведь портит скота погода стояла по календарю тем и кончилось.

Месяц август

2 числа начиналась страда начиналась урой (?) кто сильня тот правя бессильной как хочешь выкручивайся мы страдавали в самом [2 нрзб.] углу. Сено с осокой. Погода сначала была хороша потом худа до Успенья в Успенье была сходка говорилось на сходке об шишках отложили до 23 числа отдали при этом Шеймину на 20 лет по 30 руб. в лето

ягоды носить отложили до 30 августа. Одобренье дали Якову Кошкарору поступать на должность. С Успенья погода стояла хороша шишек оказалось совсем мало по одному добыли мешку на человека вода выпала на почву убывает по 2 четверти в сутки рыбы мало муксунов на Оби много и промысла хороши 27 в срок вода начинает прибывать погода худая сеном заправились

промыслов мало рыба ловится плохо вода неприбывала погодой худой кончился этот месяц ягод носили много брусницы...

Одного лоскутка земли разные люди

Сургут. Для множества горожан с этим словом связано множество чувств, не поддающихся описанию. Каждый имеет свою историю, связанную с Сургутом. Но рядом с городом есть другая история и жизнь, о которой мы, сургутяне, не задумываемся и не находим времени, чтобы уделить ей хоть малую толику своего внимания. А ведь когда-то на краешке этой жизни притулился наш Сургут.

В конце XVI в. в одном из удобнейших мест был построен первый в Среднем Приобье русский город. Ханты, коренные жители края, приняли незваных гостей и уже более 400 лет соседствуют с ними. «Мы» и «они» — эти позиции определяют соседство двух разных, а порой и несовместимых культур. Русские — оседлые жители, совмещающие земледелие с речным и таежным промыслами. На свой лад они обустроивали жизнь: создали крупные поселения, отстроили дома-усадеб, церкви, где молились своему богу. Русская, или, вернее, российская позиция по отношению к аборигенам определяла взаимоотношения народов по праву сильнейшего. «Старший брат» разумел иноподцев как несмышленных полудикарей и из лучших побуждений «приобщал» к духовным, политическим и социально-экономическим основам российской жизни. Русские отношения с населением сибирских окраин столетиями складываются по одной матрице.

Однако остяцкая культура, принимая инновации, сохраняла и сохраняет собственные устои, определяющие возможности развития или сохранения ведущих традиций. Горожанам чрезвычайно трудно понять и принять многие обоснования «иной» культуры. Таким образом, столь актуальный в настоящее время вопрос толерантности остается открытым. Как и вопрос о том, что является основанием возможности принятия чужого без насмешки и осуждения, но с уважением и терпением.

Ханты имеют сложную мировоззренческую систему, определяющую течение социальной и хозяйственно-бытовой жизни. Традиционная духовность развивалась и совершенствовалась в контексте неоднородного культурного окружения на протяжении многих столетий. Контакты между представителями полиэтнического пространства Сибири носили разнообразный характер, но в целом были ориентированы на сохранение друг друга. Может, поэтому воззрения этих народов основаны на единстве универсалий. Демократичность религиозных взглядов позволила остяцкой культуре принять в собственную систему новый субстрат — пришлое население.

Согласно представлениям ханты, причина всего сущего есть демиург Нум Торум. Дети Торума выступают помощниками в сотворении мира, созидателями культурных традиций, покровителями людей, помогающими в разных делах, в промысле и в сражениях. Новации в стиле «ручт» (русские) появляются в хантыйском мифе после того, как на обских землях обосновывается новое население. Эти люди имеют другой облик, строят другие дома и настаивают на соседстве. Это русские, или, как говорят ханты, «ручт ёх» (русский народ). По мнению ханты, Нум Торум сделал разных людей, в том числе и русских. Изначально ручт ёх (русские) и ханты ёх (ханты) жили на небе, русских было значительно больше, чем ханты.

За первыми людьми присматривали сыновья бога: Сорни кон ики (Золотой царь мужик) и Номьр ики (Нижний мужик). После того как оба народа стали жить на земле, божи сыновья не оставили их своей заботой. До настоящего времени они являются наиболее почитаемыми членами пантеона ханты. Номьр ики, или, как его еще называют, Пыхт ики (Черный мужик) не только покровитель русских. Как старший сын бога он также является хозяином нижнего мира, отвечая за царство умерших. Ведь там, в нижнем мире, души ушедших из жизни людей продолжают жить до тех пор, пока не придет пора подняться на небо, а затем вновь вернуться на землю, где они вселятся в новорожденных мальчиков и девочек. Этому богу подвластны болезни и злые духи. Покровитель русского народа не обделяет своей помощью ханты. Кроме Сорни кон ики и Пыхт ики у них имеется множество других богов и духов, следящих за порядком человеческой жизни. Есть те, которым поклоняются все без исключения, есть покровители определенной местности, семьи и каждого отдельного человека. Воля богов, данные людям тайга, олень и река определили характер жизни ханты ёх.

А что же ручт ёх? Как и где стали жить русские люди? Их главное поселение — город Сургут — расположилось на правом берегу р. Оби. Покровитель и хозяин реки Ас ики (Обской старик) принял на ее берегу русский город.

До настоящего времени ученые не пришли к однозначному выводу о том, что обозначает слово «Сургут», в то время как ханты, конечно же, имеют собственное мнение на этот счет. Сургут воч (Сургут город) имеет полное название Сур кунл воч — «деревянной перекладкины дна рукава город». Сур — это деревянная перекладка для сушки чего-либо: одежды в чуме, рыбы или сетей. Кунл — дно рукава, т.е. ластовица — специальная вставка, соединяющая основу одежды с рукавом. По сути, ластовица является обозначением подмышки, самого защищенного места на теле человека. Надежно укрытый речными рукавами с трех сторон, город был неуязвим, как и «дно рукава».

Православный покровитель Сургута — Николай Чудотворец. Однако ханты считают, что на их земле есть особый дух, защищающий Сур кунл воч. Его зовут Воч тлявэльхты ко (Город охраняющий мужик). Имя духа-покровителя характеризует его возрастной статус. Последнее слово имени («ко») значит «молодой мужчина», «парень». В то время как более взрослых духов и богов именуют «ики» — старик или взрослый, зрелый мужчина. О том, когда и как у Сургута появился покровитель, рассказывает ясын — сказание. Руч ай ко (русский молодой парень) пошел в лес по грибы или еще за чем — неизвестно. Там застала его сильная гроза. Прячась от непогоды, юноша встал под дерево. Вдруг видит: рядом с ним откуда-то взялся такой же, как и он, молодой парень. Появился и говорит: «Этот Пой ики — Гром-старик здесь из-за меня. Спрячь меня за свою спину. Если ты меня спрячешь, то я буду живой. Когда-нибудь, когда будет время беды, я тоже тебе помогу».

Спрятал Руч ай ко незнакомца. Тут же гром и гроза в дождь превратились. Парни оба совсем мокрые стоят, прямо бежит с них вода, незнакомый ай ко (парень) и говорит: «Ты меня спас, теперь я буду жить. Совсем скоро тебя возьмут военным человеком. Много вас, молодых мужчин, соберут и повезут, долго ли, скоро ли — никто не знает. Повезут вас всех в какое-то далекое место. Когда ночь настанет, будут вас укладывать спать. Ты ложись с краю и не спи, все время шевели пальцами рук, пальцами ног. Когда все уснут, я к тебе приду». Сказал он ему так, потом еще поговорили, попрощались и расстались.

Много времени прошло, но все быстро сделалось. Русских сыновей (ручт пахэт) повезли на войну. Сбылись слова человека, которого русский парень в лесу повстречал. Сначала-то он об этом и не вспомнил, а когда их далеко увезли, стали на ночлег устраивать, пришли на память слова незнакомца. Все он сделал, как тот велел. Все уснули — дышат, храпят. Руч пах (Русский сын) не спит, то руками, то ногами шевелит, волнуется, что будет — не знает. Услышал он хруст веток и шум травы. Кто-то идет. Всех военных людей обошел и приблизился к Руч пач тот, которого он в лесу спас. Говорит: «Залезай в мой заплечный короб-мешок». Только в короб влез, как очень быстрое движенье началось, то ли бежал, то ли летел «тот, которого он спас».

Быстро все остановилось, вылез Руч ай ко из короба и видит, что находится дома. Спасший его человек говорит: «Ты меня спас, и я тебе помог. Ведь тех людей, с которыми ты ехал, всех война погубила. Ты сейчас должен знать, что я буду охранять ваш город. Жить буду ниже города на Белой горе. Донеси до людей обо мне. Кто хочет, пусть делает мне подарки. Кто не хочет, пусть не делает. Я никакой злой мысли на них не имею». Так и сейчас Город охраняющий человек (Воч тлявэльхты ко) — Белого камня горы старик (Неве кев репен ко ики) наш город охраняет. Местом его жительства считалась высокая каменная гора ниже Сургута, где-то у поселка Белый Яр или на Барсовой горе.

Это сказание относится к началу XX века. Происходящие события укладываются в исторический период империалистической войны. В 20-е годы XX века бытовало много поверий о встрече людей с этим духом, и всегда он помогал ханты. А русским и до настоящего времени помогает.

Наиболее яркие материалы, характеризующие представления ханты о русских, связаны с первыми годами советской власти. После установления советской власти и подавления восстания 1921 года по тайге разнеслась весть о том, что в Сургуте появились «красные люди». Белое движение Гражданской войны для далеких от политики ханты ассоциировалось с деятельностью тех русских людей, что уже были хорошо известны аборигенам. Поскольку уже с XVIII века в Сургутском округе возникли русские волости, то русские были хорошо известны местному населению. Войну между белыми и красными ханты воспринимали буквально как войну между людьми разного цвета. Однако что же это за «красные люди», какие они и что собой представляют, было неизвестно. Чтобы разобраться в этом, многие

ханты поспешили из глубокой тайги в Сургут. Собрали товар для торговли — рыбу соленую, сушеную, орехи — и поехали в город. Сдали товары в заготовительный участок и подошли к обским ханты — они-то ведь всегда в Сургуте бывают и все знают, попросили познакомиться их с «красными людьми». Пошли они в райисполком, а это здание в два этажа, тоже для таежных жителей явление неизвестное. Такое высокое здание ассоциировалось с приближенностью к верхнему миру. Зашли вовнутрь, а там темно, узкие коридоры, узкие двери и вверх ведет лестница из дощечек. Все это было очень непривычно. У ханты не было таких лестниц, чтобы забраться в лабаз (амбарчик на высоких сваях), использовали древесный ствол с глубокими зарубками в качестве ступенек. По коридору ходит много людей, но все обычные — «белые». Приезжие ханты спрашивают: «А красные где?». Им отвечают: «Вот в этой комнате». Заходят ханты, там люди по цвету не красные. Одеты непонятно. Форменные армейские брюки-галифе, короткие кожаные куртки, фуражки, наганы и револьверы создавали совершенно невероятный, с точки зрения таежных ханты, вид. В описаниях это выглядело так: «Штаны у них мешочные, на штанинах большие такие мешки топорчатся, все в коротких саках кожаных, а на боку маленькие ружья. Сами в доме сидят, а все в кожаных шалках. Шапки будто бы с бородой, борода жесткая сверху торчит прямо над лицом». Все улыбаются, здороваются за руку с каждым. Это для ханты привычно, они тоже всегда за руку здороваются. Спрашивают через переводчика: «Зачем приехали? Как вы живете в лесу, откуда приехали, может, чего-нибудь вам надо?». Ханты отвечают, что им ничего не надо, только хотели на красных людей посмотреть. Рассмеялись «красные» люди, объяснили, что это новая власть так называется.

Так состоялось знакомство ханты с новой эпохой. Эпохой, которая в корне изменила весь привычный уклад жизни. Что-то стало лучше, что-то ушло навсегда, и тем не менее мы и ханты остались соседями, каким бы ни был политический строй нашей родины.

Ханты приняли русских и «белыми», и «красными», наделили нас своими богами, дали покровителей, доверили учить своих детей. Они оказались действительно толерантными по отношению к нам. Для русских же народ ханты пока еще остается непознанным.

Татьяна Исаева

Библиотеки в борьбе с коррупцией

Размышления о том, кто виноват и что делать библиотекам в условиях 94-го федерального закона о закупках

Свои размышления о пользе и вреде конкурсных процедур при комплектовании фондов библиотек я начну с более глобальных вещей и уподоблюсь Козьме Пруткову, который сказал: «Зри в корень».

А корень этих «нелюбимых» библиотеками процедур, которые они вынуждены использовать начиная с 2006 г. при комплектовании фондов, с моей точки зрения, — в глобализации. Объясню и даже справлюсь в словаре (<http://slovari.yandex.ru>), что это такое: «Глобализация (глобализм) — возрастание роли внешних факторов (экономических, социальных и культурных) в воспроизводстве всех стран-участниц этого процесса, формирование единого мирового рынка (рынков) без национальных барьеров и создание единых юридических условий для всех стран». Бывший Генеральный секретарь ООН К. Анан: «Миллионы и миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни» (Известия. 1998. 22 авг.).

В 2006 г. Российская Федерация ратифицировала международную конвенцию ООН против коррупции (2003), которая требует расходования бюджетных средств исключительно через процедуры торгов, что должно привести к исключению возможности коррупционных действий всех сторон финансовых операций. Благое намерение, но как, известно, оно ведет по дороге совсем противоположной.

Реализуя свою антикоррупционную политику, Российская Федерация в 2005 г. приняла, как оказалось, знаковый для библиотек закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Закон заставил библиотеки (и не только) пересмотреть свою финансово-хозяйственную деятельность, начиная с составления бюджетной росписи и заканчивая процедурами осуществления закупок. Были введены сложные правила и процедуры, которые необходимо соблюдать при осуществлении закупок и которые требуют специальной подготовки и значительных трудовых, временных и финансовых затрат.

Особенные проблемы у библиотек возникли в процессе применения норм закона при осуществлении комплектования фондов. В чем же они заключаются?

Начнем с определения понятия «комплектование». Понятие дано в ГОСТе 7.76-96: «Комплектование фонда — совокупность процессов выявления, отбора, заказа, приобретения, получения и регистрации документов, соответствующих задачам библиотеки, информационного центра». Из определения следует, что комплектование фонда — это сложный, многоэтапный процесс, который требует высокого профессионализма и оперативности от сотрудников библиотеки. С профессионализмом все согласны, а вот при чем здесь оперативность?

Российский книжный рынок отличается от общемирового в первую очередь тем, что книги у нас издаются фиксированными тиражами. В европейских странах и США книга печатается до тех пор, пока на нее есть спрос, и по мере поступления заказов допечатывается, для чего созданы и поддерживаются в актуальном состоянии необходимые банки данных.

Известная во всем мире система “Books in print” (книги в наличии и печати) у нас отсутствует. Мало того, реалией наших библиотек еще не стали персональный компьютер и доступ к ресурсам Интернета у каждого комплектатора. И заказ на необходимые издания зачастую ведется по старинке — на основе печатных каталогов, которые предлагают книгоиздатели.

Вторая особенность книжного рынка — ценообразование на издания. Многие страны мира пришли к необходимости установления фиксированных цен на книги, в России же чем через большее количество рук прошла книга, тем она дороже. До принятия федерального закона № 94 библиотека, стремясь экономно расходовать, прямо скажем, небольшие средства, отпущенные ей на комплектование, работала напрямую с издательствами. В качестве иллюстрации: в 2005 г. у далеко не крупной Государственной библиотеки Югры было 49 поставщиков изданий, в 2007 г. — 20.

Исходя из этих особенностей издательского рынка понятно, что чем быстрее среагирует комплектатор на появление необходимой для библиотеки книги, тем больше шансов на успех и приемлемую стоимость издания (потом ее перекупит посредник).

Что же произошло в связи с принятием федерального закона № 94? Библиотеки могут по счетам приобретать в квартал не более чем на 100 тыс. рублей (с 2008 г., раньше — до 60 тыс. рублей). При нынешних ценах на издания эта сумма не в состоянии решить проблему получения в фонды хотя бы малотиражной литературы. На сумму до 500 тыс. рублей (до 2008 г. порог составлял 250 тыс. рублей) библиотеки должны проводить конкурсы запроса котировок, на большую сумму — аукционы (до 2008 г. — открытые конкурсы). Что же здесь страшного, спросите вы, — ведь научились же все осуществлять вышеназванные процедуры? Вы правы, библиотеки проводят их, закупая канцелярские товары, компьютеры и т.п., для чего созданы сначала котировочные, теперь — единые комиссии по закупкам; освоены многошаговые, требующие оформления массы документов процедуры.

Проблемы для библиотек при приобретении книг создают именно те особенности, которыми отличается российский книжный рынок.

Составляя спецификацию, комплектатор просмотрит массу прайс-листов, каталогов, по возможности изучит предложения издательств в интернет-пространстве. Кто готов будет выполнить этот заказ через неделю (если проводится процедура запроса котировок), через месяц (если проводится аукцион)? Ответ очевиден — крупная книготорговая компания, но с рядом оговорок: у нее нет всего необходимого библиотеке репертуара, нужно время, чтобы собрать книги; часть изданий уже ушла с рынка, их нужно заменить, но в соответствии с законом — нельзя. В процессе поиска оказалось, что книги стали дороже — ведь книготорговая компания их перекупила.

Профессиональный комплектатор, отслеживая ситуацию на книжном рынке, нашел нужное для библиотеки издание, — что делать? Отпущенные в квартал 100 тысяч рублей потрачены, до следующего квартала еще далеко, договор с поставщиком уже заключен...

Ну вот, хрестоматийный вопрос «что делать?» уже прозвучал, следующий — «кто виноват?»

Законодатель, принимая упомянутый закон, ввел понятие «одноименный товар»: «Под одноименными товарами, одноименными ра-

Ю.М. В поисках современных мифов

(с. 171–173)

А.С. Знаменский.
Иллюстрация из книги

Книга, изданная
к 110-летию со дня рождения
сургутского учителя
Аркадия Степановича
Знаменского

«Сенькин»

Продолжение темы (с. 174–178)

На снимках: Домника Серапионовна Онуфриева, первая учительница Няксимвольской школы в 1914–1916 гг.; внизу справа налево: Д.С. Онуфриева, ее племянница Брылина Нина Григорьевна (учительница Березовской школы), Дора Серапионовна Онуфриева с внуком, племянница Комарова Неля Михайловна (17 января 1968 г.)

ботами, одноименными услугами понимаются товары, работы, услуги, относящиеся к одной группе товаров, работ, услуг в соответствии с номенклатурой товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, утверждаемой федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативное правовое регулирование в сфере размещения заказов».

В настоящее время номенклатура товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд Минэкономразвития России не утверждена, и поэтому органы власти рассматривают понятия «стол», «стул» и «книга» как товары одного порядка — одноименные. Резонные предложения библиотечной общественности считать одноименным товаром книги одного тиража, пока не услышаны. Кстати сказать, неудовлетворенность законодательными изменениями заставила консолидироваться библиотечную общественность, что можно назвать едва ли не единственным плюсом этих нововведений.

Поможет ли государству введение конкурсных процедур при комплектовании библиотечных фондов в борьбе с коррупцией?

Ответ на этот вопрос кроется в суммах, которые выделяются библиотекам на комплектование. В округе действует отраслевой закон «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (2000), который установил нижнюю границу обновления фондов в общедоступных библиотеках — не менее 3 %.

По итогам 2007 г. только семь территорий округа могут сказать, что они эту норму выполняют, что означает, что средств на комплектование муниципальные власти им выделяют достаточно. Остальных, как вы понимаете, проблемы коррупции не тревожат. Подобное положение дел и в целом по России, средств на комплектование выделяется недостаточно, чтобы выполнить существующие региональные нормативы или общероссийские по приросту или обновлению фондов. Кстати будет сказать, что в 2007 г. Правительство Российской Федерации внесло изменения в действующие социальные нормы и нормативы и ратифицировало международный стандарт — объем новых поступлений в библиотеку в год должен быть не менее 250 книг на 1 тысячу жителей.

Полагаю, что большая польза от библиотек в борьбе с коррупцией будет, если использовать мощный интеллектуальный и воспитательный потенциал знаний, накопленный библиотеками. Как правило,

человек читающий — человек нравственный. А нужно для этого всего лишь обществу оценить по достоинству этот потенциал библиотек и вложить в его развитие другие средства — значительно большие.

*С. Волжена,
заместитель директора Государственной библиотеки Югры,
с надеждой, что, когда эта статья будет опубликована,
она уже станет неактуальной*

Нужны ли Тобольску музеи?

В феврале день рождения общественной организации — клуба «Добрая воля».

22 года назад он был создан в помощь тобольским реставраторам. К тому времени реставраторы привели в первоначальный вид все объекты кремля. И это вселяло в нас надежду.

Уже тогда, в 1986 году, руководитель клуба Людмила Николаевна Захарова предвидела, что наш город может стать привлекательным для туристов. История Тобольска позволяет открыть для тоболяков и гостей города не менее 30 музеев:

- 1) музей-заповедник «Тобольский кремль»,
- 2) художественный музей (открыт в 2002 году),
- 3) музей С.У. Ремезова и градостроительства,
- 4) музей этнографии,
- 5) музей книги (открыт в 1998 г., закрыт — в 2007 г.),
- 6) Дом-музей П.П. Ершова,
- 7) музей политической ссылки в доме декабриста М.А. Фонвизина,
- 8) музей здравоохранения (открыт в 1990 г.),
- 9) музей народного образования (открыт в 1987 г.),
- 10) музей театра (открыт),
- 11) музей семьи Романовых (пока открыт кабинет),
- 12) музей археологии и палеонтологии в здании рентгереи,
- 13) музей сибирских татар (открыт),
- 14) музей Мариинской гимназии в школе № 1 (открыт школьный музей),
- 15) музей исследователей Севера в доме А.А. Дунина-Горкавича,
- 16) музей косторезного промысла (открыта комната),
- 17) музей народных ремесел,
- 18) музей Д.И. Менделеева,

- 19) музей Н.В. Никитина и Б.П. Грабовского,
- 20) тюремный замок,
- 21) музей природы и «мягкой рухляди»,
- 22) музей 38-го Тобольского пехотного полка,
- 23) Чувашский мыс. Искер,
- 24) музей реки Иртыш,
- 25) музей М.С. Знаменского в его доме по ул. Ленина, 21,
- 26) музей истории религии,
- 27) Галерея художника В. Игловикова,
- 28) музыкальная гостиная в доме декабриста П.Н. Свистунова,
- 29) музей сибирской почты в доме по ул. Мира, 14,
- 30) музей «Купеческая усадьба»,
- 31) музей нефтехимкомбината (открыт в январе 1995 года).

Захарова мечтала увидеть все эти музеи. Наш город, по ее глубоко-му убеждению, должен быть как маленький Санкт-Петербург. И чтоб музеи у нас были на каждом шагу. Тогда люди будут знать о Тобольске значительно больше, чем знают сейчас. Мы понимали Захарову в ее стремлении через музеи рассказать о Тобольске всему миру.

Раньше школьников с первого класса знакомили с произведениями детских классиков. До сих пор помню строчки из стихотворения С. Михалкова «В музее В.И. Ленина»:

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
— Я поведу тебя в музей! —
Сказала мне сестра.

Действительно, ребят водили в музеи, там, где они были. А другим детям об этом доступно рассказывали. Поэтому ничего странного мы не усмотрели в словах Людмилы Николаевны, когда она зачитала список будущих музеев. Мы ей безоговорочно верили и готовы были поддержать в любом начинании. Так, с ее легкой руки клуб «Добрая воля» в марте 1986 года оказался на реставрации храма Михаила Архангела, который руководство города готовило под художественный музей. На храме мы работали почти полтора года. И музей был открыт в день празднования 400-летия города — летом 1987 года. Для нас, добровольцев, это был праздник со слезами радости. Правда, открыт он был недолго. Скоро в здании стало сыро, и музей пришлось закрыть. С той поры прошло 20 лет. Здание музея духовной культуры Западной Сибири осенью 2007 года закрыли на реставра-

цию на неопределенное время. Для осмотра остались только художественный музей, открытый в здании губернского музея в 2002 году, и кабинет царя Николая II.

Музей книги, открытый в 1988 году, расформирован весной 2007 года. Объяснение простое — не оправдывает себя. Другие музеи — народного образования, здравоохранения, НХК — не включены в программу объектов музейного показа. Михаил Иванов 30 января 2008 года в статье «Шанс для Тобольского кремля» (газета «Ямская слобода») пишет, что в Тобольске закрыт музей, увидеть который люди приезжают издалека, и, узнав об этом, испытывают горькое разочарование. Его статью комментирует пресс-секретарь главы Тобольска Лариса Пешкова (в сокращении): «Я понимаю, что вам, газетчикам, надо: музей закрыт, и смотреть нечего. Это не так. Буквально на прошлой неделе отбивались от приезжих туристов... Сегодня в Тобольске работают другие музейные площадки, открыт художественный музей, есть комната на косторезной фабрике...».

А теперь поставьте себя на место приезжего туриста, преодолевшего тысячи километров пути. Людей активно зазывают в бывшую столицу Сибири с 2003 года. И что они могут увидеть нынче в Тобольске? Пустой Софийской двор. Здание музея закрыто, а ничего другого взамен не представлено. Священнослужители добились полной единоличной власти в кремле. У епархии — храмы, монастыри, Софийской двор, где они ведут активную хозяйственную деятельность по приспособлению кремля под нужды епархии. У города — практически ничего. Все объекты музея-заповедника нуждаются в доработке еще не один год. Странно было узнать, что в музейных документах здание художественного музея именуется домом детского творчества. И в нем по плану развития музея в 2009 году будет открыт «Музей сказок». Домом детского творчества художественный музей нынешнее руководство называет потому, что до реставрации в нем размещался Дом пионеров. Однако 6 марта 2003 года Тобольск принимал Президента России В.В. Путина в бывшем губернном музее, а в не в доме детского творчества. Позже там была открыта выставка «По следам Президента Путина». Зачем сейчас, по прошествии пяти лет, историческое название губернского музея приносить до дома детского творчества?

Для «Музея сказок» помещение должно быть освобождено от экспонатов художественного музея. Их разместят на третьем этаже дворца наместника. Прослужив шесть лет, художественный музей

городу стал больше не нужен. Важнее иметь «Музей сказок». И непременно в этом помещении. Кому могла прийти в голову такая безрассудная мысль? Тоболяки гордились своим губернским музеем, построенным на пожертвования горожан. После реставрации он стал музеем столичного уровня. Сюда не стыдно привести родных из других регионов страны и заморских гостей. Но теперь принято решение — быть здесь «Музеем сказок». Да! Развелось в нашем городе сказочников!

2005 год стал последним годом, когда тобольский музей жил своей обычной содержательной жизнью. Дарил людям радость от общения с культурой. Само здание нашего музея было уникальным. Бывший архиерейский дом. В нем все было бережно сохранено с момента заселения в 1925 году. Побеленные стены, роспись на потолках. Шкафы, витрины столетней давности, привезенные из губернского музея и ставшие тоже экспонатами. Такое оборудование редко где встретишь. Позапрошлый век.

В конце ноября 2007 года гладкая брусчатка на смотровой площадке кремля была выдолблена. И чтобы люди не сломали на ней свои ноги при осмотре нижнего города, площадку срочно закрыли. Калитку в стене у Покровского собора завалили снегом до самого верха. Всю зиму люди пытались продолбить хотя бы отверстие в этой снежной горе, чтобы увидеть подсвеченный храм Михаила Архангела в Нижнем посаде. Но постоянно эти отверстия запечатывались новыми порциями снега. Так власти лишили тоболяков и туристов с начала зимы главной смотровой площадки в городе, через которую проходили все туристические маршруты.

Обозревать нижний город из сада Ермака не каждый отважится. Там нет ограждения. И во всем саду нет ни одного фонаря. Туда и в сумерки немногие пойдут, не то что вечером. Приведу слова из книги отзывов до закрытия музея: «Здесь чудесно, захватывающе и завораживающе. Возникает ощущение, что ты в другом мире, где нет времени. 30.10.2005 г., г. Тюмень»; «Мы безумно удивлены всем увиденным, прочитанным и услышанным. Получили большое количество ощущений и огромный запас интересных фактов. Этот дух древних времен навеки останется в наших сердцах. С огромным уважением Екатерина».

И вот всего этого больше нет. Мы лишили себя и всех, кого успели привлечь в наш город, бесценной копилки знаний и впечатлений.

Мы просто позволили закрыть музей без веских на то причин. Без проектной документации для проведения научной реставрации.

В музее есть люди, которые закрытие музея переживают как свою личную трагедию. В первую очередь это заместитель директора по научной работе Нескоров Алексей Васильевич. В музей он пришел из педагогического института в 1900 году. Алексей Васильевич любит музей. Это его предназначение. Смысл жизни и творчества. Он с удовольствием занимается любимым делом. Поверьте, я знаю его 18 лет. Он никогда не хотел бросить музейное дело, хотя уже третий директор музея-заповедника буквально выживает его с работы. Рядом с ним трудятся такие же преданные делу люди, пусть их немного, но они есть. Одного с ним менталитета, с похожим характером, с такими же жизненными ценностями и установками. Он блестяще подготовленный специалист.

В 1998 году Нескоров выдвигал свою кандидатуру на пост директора музея-заповедника на конкурсной основе. Но «конкурс» не прошел. Так было угодно прежнему руководству города. Директором тогда стал человек с техническим образованием. С проблемами сохранения культурного наследия Нескоров знаком не понаслышке. Гуманитарное и юридическое образование позволяет ему решать вопросы развития музея как на городском, так и на областном уровне. Он многое сделал в свое время для поднятия престижа тобольского музея в ряду отечественных музеев. Так, указом президиума РФ № 176 от 20 февраля 1995 года Тобольскому музею-заповеднику придан статус исторического и культурного объекта федерального (общероссийского) значения — одному на всю огромную территорию Сибири.

Алексей Васильевич 23 апреля 2003 года в газете «Сибирская панорама» в статье «Туристский ресурс Тобольска» подробно изложил свое отношение к туризму в нашем городе. У тобольских музейщиков отличные идеи и знания. У Алексея Васильевича собраны все разработки по созданию ряда интереснейших музеев, открытие которых может привлечь самого взыскательного туриста. Их надо просто создавать. 10 лет Нескоров говорит об этом, но пока все впустую. Никто не реагирует на его доказательную базу.

Зная его эрудицию, неподдельную любовь к Тобольску, чиновники из областного комитета по культуре не допускают даже мысли передать ему бразды правления музеем-заповедником, потому что тогда уже не будет возможности манипулировать мятежным музеем и его бесценными экспонатами, как это было в 1956 году. Тогда для

открытия Тюменской картинной галереи были изъяты из тобольского музея 93 произведения искусства. Работы художников XVIII–XIX вв., иконы XVII–XVIII столетий.

Последние десять лет музеем управляют далекие от музейного дела, но удобные для руководства области люди. Специалистам-тоболякам не доверяют. Их держат на почтительном расстоянии при принятии решений, пагубных для тобольского музея. Наш музей не простой. Это один из первых музеев в Сибири. Он был под покровительством императора Николая II с 1891 года и до последних дней его жизни. До 1917 года тобольский музей знал весь просвещенный мир. А теперь во власти тюменского областного комитета по культуре решать за тоболяков, как им жить и какой музей иметь: музей-заповедник, учрежденный в 1961 году, или город обойдется краеведческим музеем, в котором нет места для уникальных экспозиций по археологии, этнографии и природе края. Тогда путь в музей детям школьного и дошкольного возраста будет заказан.

На что надеяться рядовым тоболякам? Когда они снова, взяв своих детей, тихо, по-семейному смогут провести свободный день в кремле с посещением музея? А куда пойдут туристы в ближайшие три года?

*Г. Кондакова,
член клуба «Добрая воля» с 1986 года, краевед*

В главном сходимся

Мои субъективные заметки посвящены Татьяне Владимировне Пуртовой, заведующей отделом краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры, заслуженному деятелю культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Так получилось, что с Татьяной Владимировной мы не просто коллеги, но еще на протяжении нескольких десятков лет, что называется, дружим домами. Любопытное наблюдение: мы с ней люди, в общем-то, разные. Но, видимо, в главном сходимся. И это помогает нам, не напрягаясь, общаться и дружить.

Невольно вспоминается время нашей молодости, когда мы познакомилась. Молодая, решительная, смелая, она сразу заявила о себе как о человеке, не только имеющем свое мнение, но и умеющем его отстаивать. Времена были непростые, Татьяна Владимировна бралась за любую работу, делала ее добросовестно. Единственное, от чего она всегда отказывалась, это от посещения задолженников на дому. Но, правда, повозмущавшись, она все-таки наравне со всеми ходила и ездила на нашей машине по задолженникам, говоря всякий раз, что больше она этим заниматься не будет.

Прошли годы. Уже имея троих детей, Татьяна Владимировна возглавила отдел краеведческой литературы и библиографии. Это как раз тот случай, про который говорят: человек на своем месте. Здесь было бы кстати поговорить о результатах краеведческой деятельности библиотеки, но это тема отдельного серьезного разговора.

Отдел краеведческой литературы и библиографии был создан в библиотеке в 1991 году. Задачи как-то определились сразу. А вот с заведующим отделом...

По-моему, поначалу им стала Галина Борисовна Кошкина, наш пожизненный профсоюзный лидер. Но что-то у нее не задалось. Ви-

димо, она уже в это время была далека от каждодневной скрупулезной библиотечной работы. Занималась одно время краеведческой библиографией и Неля Михайловна Новикова, но как-то тоже не случилось.

Татьяна Владимировна в это время родила Кристину, третьего своего ребенка. По выходе из отпуска ей было предложено заняться вплотную краеведением. Я помню, она долго отказывалась. Не то чтобы ей это было неинтересно, не то чтобы она сомневалась в себе. Помню только, что мне пришлось долго убеждать ее. При этом, правда, думала: что же это я делаю, это же самый ответственный, заинтересованный, работоспособный профессионал в отделе обслуживания!

Становление отдела произошло быстро. Справедливости ради нужно отметить, что для этого были созданы некоторые условия.

Теперь самое время обратиться к личному опыту. Я приехала в Ханты-Мансийск в 1971 году. В это время в окружной библиотеке был сформирован краеведческий фонд. Заслуга в этом, конечно же, Нины Викторовны Лангенбах (она руководила окружной библиотекой в течение 25 лет, с 1961 по 1986 год). По воспоминаниям Риммы Гавриловны Медведевой, которая долгое время занималась формированием фонда, они с Ниной Викторовной в 60-е годы скупили в книжных магазинах всю краеведческую литературу. На мой взгляд, к началу 70-х это была уже солидная коллекция. И хотя я была принята на работу библиотекарем в отдел обслуживания, Нина Викторовна в какой-то момент посадила меня за краеведческий каталог. Необходимо было создать аналитические записи на статьи из всех краеведческих сборников, чем я и занималась какое-то время с удовольствием и не без пользы. В результате этой работы я достаточно хорошо знала содержание краеведческих изданий, что помогало выполнять запросы читателей, а интерес к краеведению был всегда.

В это время уже велся книгообмен с Венгрией, обмен информацией с Эстонией (этот современный термин мало подходит к сути вопроса, просто мы из Таллина регулярно получали карточки с библиографическим описанием материалов, имеющих отношение к нашему округу).

Фонд краеведческий был выделен, для его размещения, правда, все не находилось хорошего места. Создавался каталог, литературу приобретали всюду, где только могли.

Коллеги активно взялись за дело. В это время здесь работали Ирина Геннадьевна Шевелева, позже, после окончания вуза — Ольга Михайловна Медведева (Павлова).

И начались поездки в Санкт-Петербург (тогда еще Ленинград) на предмет выявления лагун и активного пополнения краеведческого фонда. Многочисленные командировки в финно-угорские республики. Первые поездки в Финляндию. Участие в финно-угорских мероприятиях, презентации, встречи с писателями, учеными. Приведу только один факт: презентация книги А.М. Коньковой «Сказки бабушки Аннэ» на IV международном финно-угорском фольклорном фестивале произвела фурор среди гостей, в т.ч. и зарубежных. Всплеск, подъем, азарт — так я бы охарактеризовала эмоциональный настрой библиотечкарей того времени.

Первые библиографические пособия, первые краеведческие календари, первые издания. И впереди планеты всей — Татьяна Владимировна Пуртова. Вспомним, что в это же самое время Татьяна Владимировна воспитывает маленьких детей. Ее работоспособности удивляются многие, за ней прочно закрепился термин «трудоголик».

А еще Татьяну Владимировну называют «первоисточником». Нужно объяснить происхождение этого определения применительно к героине моего рассказа. В одном из отзывов, оставленном читателями после посещения отдела краеведческой литературы и библиографии, было записано: «Сегодня ...мы посетили краеведческий отдел. Мне очень понравилось. Большое спасибо первоисточнику Татьяне Владимировне».

Черты характера, которые меня привлекают в ней: умение делать все быстро и, как следствие, делать много; умение строить отношения с коллегами (требовательно, но доброжелательно); умение высказывать свои мысли четко и порой афористично. Фразы Татьяны Владимировны стали уже хрестоматийными: «Иду я утром с работы», «Я не виновата, что вы за моими мыслями не успеваете», «Я не славу с тобой собралась делить, а ответственность». Она — человек слова (когда у нее были дети маленькими, главный аргумент в пользу того, что это нужно сделать, — «я обещала»). Жизненная мудрость, порядочность, организованность, надежность, чувство юмора — все это выделяет Татьяну Владимировну среди других.

Мой муж, Анвар Ахметович, называл ее в шутку «железный Феликс». Для него она была авторитетом, при всей его запальчивости и

излишних эмоциях, проявлявшихся иногда в некорректной форме, спорить с ней он не решался. Доводы Татьяны Владимировны были на самом деле «железными». Была она для него авторитетом и в быту. Часто он советовался с Таней, как приготовить то или иное блюдо. «Пойдем к Пуртовым в гости, поедем чего-нибудь вкусенького», — говаривал Анвар Ахметович. И не было случая, чтобы его прогнозы не оправдались. Праздники для детей по случаю окончания школьного года, Дня защиты детей, просто «провести вечер в хорошей компании»... Татьяна Владимировна умеет и хорошо угостить, и создать особую атмосферу праздника, готова поддержать любую шутку, авантюру с переодеванием (на что неистощимы ее многочисленные родственники) и многое-многое другое. Одним словом, праздники у Пуртовых превращаются в настоящие капустники. Мне кажется, у нее непререкаемый авторитет и в семье, и среди родственников.

Что же касается ее краеведческого окружения (от Венгрии, Финляндии до ... — трудно даже представить себе всю географию), то мне кажется, что среди краеведов нет более легендарной личности. Причем Татьяна Владимировна не любит, когда мы начинаем говорить о ней в какой-либо превосходной степени. Один пример: В. Огрызко (главный редактор «Литературной России») в опубликованном в названной газете интервью с губернатором ХМАО — Югры А.В. Филипенко привел его высказывание в адрес Т.В. Пуртовой и В.К. Белобородова: «Такие люди — гордость нашего округа». Заведующая отделом маркетинга и рекламы нашей библиотеки Н.М. Новикова, когда проводит многочисленные экскурсии, иногда приводит эту цитату, чем вызывает недовольство Татьяны Владимировны.

Отдел краеведческой литературы и библиографии мы часто называем библиотекой в библиотеке. И это справедливо. Фонд отдела за годы его существования увеличился значительно, и сейчас у нас более 14,5 тысячи краеведческих документов. Имеется свой справочно-библиографический аппарат, формируется фонд литературы на финно-угорских языках. Издательская деятельность библиотеки в основном носит краеведческий характер. Получает высокую профессиональную оценку библиографическая краеведческая деятельность. Не хотелось бы сбиваться на формат характеристики, но ко всему этому, естественно, руку приложила Татьяна Владимировна.

Мне нравится отношение Татьяны Владимировны к жизни. Оптимисткой ее назвать трудно, но философский склад ума позволяет

ей определить главное, не растрчивать себя по мелочам, достойно справляться с неприятностями, поддержать человека в трудную минуту. Причем Татьяна Владимировна человек не сентиментальный, «сюсюкать» она не будет, но всегда найдет аргументы, чтобы утешить человека или помочь принять правильное решение.

Мария Мадьярова

Библиография работ Т.В. Пуртовой

Отдельные произведения, публикации в сборниках:

1. Пуртова, Т. В. Особенности работы краеведческих отделов окружных библиотек. Работа по комплектованию краеведческих фондов / Т. В. Пуртова // В практику библиотек. — Тюмень, 1994. — Вып. 11. — С. 36–38.

2. Коллекция Геннадия Ивановича Бардина в фонде Государственной библиотеки Югры : каталог / Гос. б-ка Югры, Отд. отечеств. и регион. рукоп. и печ. памятников ; [сост. Е. Н. Гуртовенко ; авт. вступ. ст. Т. В. Пуртова ; ред. Н. И. Вторушина]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2005. — 16 с. — (Коллекции редкого фонда библиотеки ; вып. 3).

3. Пуртова, Т. В. Попова Светлана Алексеевна / Т. В. Пуртова // Югория : энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. — Екатеринбург, 2000. — Т. 2. — С. 397.

4. Пуртова, Т. В. 15 лет с краеведческой книгой / Т. В. Пуртова // Подорожник : краевед. альм. / ред.-сост. В. К. Белобородов. — Екатеринбург : Баско, 2007. — Вып. 7. — С. 81–84.

5. Пуртова, Т. В. Анализ краеведческой деятельности библиотек округа / Т. В. Пуртова // Библиотеки Югры. Сохранение региональной памяти : материалы конф., Ханты-Мансийск, 6–7 дек. 2004 г. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2005. — С. 100–105.

6. Пуртова, Т. В. Взгляд библиотекаря / Т. В. Пуртова // Подорожник : краевед. альм. / ред. — сост. В. К. Белобородов. — Тюмень : Мандр и К^а, 2004. — Вып. 4. — С. 231, 232.

7. Пуртова, Т. В. Издательская деятельность библиотек Ханты-Мансийского автономного округа. 1993–2002. Попытка анализа / Т. В. Пуртова // В библиотеках округа. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. — Вып. 16. — С. 12–35.

8. Пуртова, Т. В. Информационные ресурсы в помощь организации библиотечного обслуживания полиэтнического населения округа. Формирование фонда Государственной библиотеки Югры на языках коренных народов / Т. В. Пуртова // В библиотеках округа. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. — Вып. 20. — С. 24–26.

9. Пуртова, Т. В. Краеведческий фонд : опыт формирования / Т. В. Пуртова // В библиотеках округа. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. — Вып. 17. — С. 24–29.

10. Путешественники — исследователи Тобольского Севера : библиогр. указ. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; [сост. И. Шевелева ; ред. Т. Пуртова]. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1993. — 18 с. : ил. — Библиогр. в конце ст.

11. Пуртова, Т. В. История библиотек округа. Опыт и задачи / Т. В. Пуртова // История. Библиотека. Общество : сб. материалов науч. —практ. конф. — Сургут, 2005. — С. 153, 154.

12. Пуртова, Т. В. Размышления по поводу юбилея / Т. В. Пуртова // Жизнь моя — библиотека. — Ханты-Мансийск, 2002. — С. 80–82.

Т. В. Пуртова — составитель и редактор:

13. Андрей Семенович Тарханов : к 60-летию со дня рождения : библиогр. указ. / Упр. культуры администрации Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост. : О. Н. Егорова, Т. В. Пуртова ; ред. О. М. Медведева. — 2-е изд., испр. и доп. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1996. — 36 с. : фот.

14. Белобородов Валерий Константинович / Т. В. Пуртова, Э. П. Сургутскова // Югория : энцикл. Ханты-Манс. авт. окр. — Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2000. — Т. 1. — С. 93.

15. Библиотеки Югры. Сохранение региональной памяти : материалы конф., Ханты-Мансийск, 6–7 дек. 2004 г. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; [сост. Т. В. Пуртова ; ред., отв. за вып. С. Ю. Волженина]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2005. — 120 с. : [3] вкл. л.

16. Еремей Данилович Айпин : библиогр. указ. / Окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост. И. Шевелева ; ред. Т. Пуртова. — 2-е изд., доп. — Ханты-Мансийск, 1993. — 20 с.

17. Государственная библиотека Югры : проекты и программы / Гос. б-ка Югры ; [С. Ю. Волженина и др. ; сост. С. Ю. Волженина ; ред. Е. И. Табаченко]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. — 25 с.

Среди авторов — Т. В. Пуртова.

18. Евгений Андреевич Овчаров (1943–2004 гг.) : библиогр. указ. тр. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; [сост. Т. В. Пуртова]. — Ханты-Мансийск : Изд-во ГБЮ, 2005. — 16 с.

19. Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893–1918 гг. : сб. публ. / сост. Т. В. Пуртова. — Екатеринбург : Баско, 2007. — 373 с.

20. Как слово наше отзовется... : докл. и сообщ. конф., посвящ. 70-летию изд. поэмы М. П. Плотникова «Янгал-Маа» и 75-летию со дня рождения М.К. Анисимковой, г. Ханты-Мансийск, 28 апр. 2003 г. / Гос. центр. окр. б-ка ; сост. Т. В. Пуртова ; ред.: А. А. Доронина, М. Н. Мадьярова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. — 75 с.

21. Книги с автографами из коллекции Н. Б. Патрикеева / Гос. б-ка Югры, Отд. краевед. лит. и библиогр., Отд. отечествен. и регион. рук. и печат. памятников ; сост. Т. Пуртова ; ред. А. Фомина. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. — 56 с.

22. Краеведческий календарь : памят. даты Ханты-Манс. окр. на 1995 г. / Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост. Т. В. Пуртова ; ред. Э. П. Сургутскова. — Ханты-Мансийск : Информ. — издат. центр администрации Ханты-Манс. авт. окр., 1994. — 14 с.

23. Краеведческий календарь : памят. даты Ханты-Манс. окр. на 1996 г. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост. Т. В. Пуртова ; ред. Г. Я. Саблина. — Ханты-Мансийск : Информ. — издат. центр администрации Ханты-Манс. авт. окр., 1995. — 29 с.

24. Краеведческий календарь : памят. даты Ханты-Манс. окр. на 1998 г. / Упр. культуры администрации Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост.: Т. В. Пуртова, О. М. Павлова ; ред. М. Н. Мадьярова. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1997. — 48 с.

25. Краеведческий календарь : юбилейн. и памят. даты ХМАО на 1999 г. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост.: Т. В. Пуртова, С. Ю. Волженина ; ред. М. Н. Мадьярова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. — 60 с.

26. Краеведческий календарь : памят. даты Ханты-Манс. окр. на 2000 г. / Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост.: С. Волженина, Т. Пуртова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1999. — 36 с.

27. Краеведческий календарь : памят. даты Ханты-Манс. авт. окр. на 2002 г. / Гос. центр. б-ка Ханты-Манс. авт. окр. ; [сост.: Т. В. Пурто-

ва, О. М. Павлова ; ред.: В. К. Белобородов, Э. П. Сургутскова]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. — 38, [8] с.

28. Краеведческий календарь : юбилейн. и памят. даты Ханты-Манс. авт. окр. — Югры 2005 г. / Гос. б-ка Югры, Отд. краевед. лит. и библиогр. : [сост.: И. И. Фоменко, Т. В. Пуртова ; ред.: М. Н. Мадьярова, В. К. Белобородов]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. — 92 с. : фот.

29. Краеведческий календарь : юбилейн. и памят. даты Ханты-Манс. авт. окр. — Югры 2006 г. / Гос. б-ка Югры, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; [сост.: И. И. Фоменко, Т. В. Пуртова ; ред. Е. И. Табаченко]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2005. — 79 с. : фот.

30. Краеведческий календарь : юбилейн. и памят. даты Ханты-Манс. авт. окр. — Югры 2007 г. / Гос. б-ка Югры, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; [сост.: Т. В. Пуртова, Е. Н. Гуртовенко ; ред. Е. И. Табаченко]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. — 95 с. : [2] вкл. л.

31. Мадьярова, М. Н. С верой в помыслы свои... / М. Н. Мадьярова ; [ред. Т. В. Пуртова] ; НИИ Возрождения обско-угор. народов Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. б-ка. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1999. — 21, [8] с. : цв. фот.

32. Мальцева, Э. И. История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями / [Э. И. Мальцева ; ред. Т. В. Пуртова] ; Гл. упр. образования Ханты-Манс. авт. окр., Науч. —исслед. ин-т об. —угор. народов Ханты-Манс. авт. окр. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2000. — 95 с. — Библиогр.: с. 93-96.

33. Мария Кузьминична Волдина (Вагатова) : библиогр. указ. к 60-летию со дня рождения / Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост.: М. Н. Мадьярова, Т. В. Пуртова ; ред. О. М. Медведева. — Ханты-Мансийск, 1996. — 11 с.

34. Местная печать, 1930–1998 [Электронный ресурс] : база данных / Гос. б-ка Югры ; [сост.: Т. В. Пуртова, Г. Я. Фетисова, И. И. Фоменко ; ред.: Н. И. Вторушина, О. А. Хасанова]. — Электрон. текстовые дан. — Ханты-Мансийск : Изд-во ГБЮ, 2004. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

35. Местная печать, 1999–2002 [Электронный ресурс] : база данных, вып. 2 / Гос. б-ка Югры ; [сост.: Т. В. Пуртова, Г. Я. Фетисова, И. И. Фоменко ; ред.: Л. О. Новикова, Н. И. Вторушина]. — Электрон. текстовые дан. — [Екатеринбург] : [Баско], [2006]. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

36. Микуль Шульгин : библиогр. указ. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост. И. Шевелева ; ред. Т. В. Пуртова. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1993. — 20 с. — Указ.: с. 16–19.

37. Н. Б. Патрикеев : библиогр. указ. кн. —журн. публикаций к 65-летию со дня рождения / Ком. по СМИ и полиграфии Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост. Т. В. Пуртова ; ред. М. Н. Мадьярова. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1997. — 40 с. : фот.

38. «На полотне холодного простора...» : насел. пункты окр. в произведениях художеств. лит. : библиогр. указ. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; [ред.: Т. В. Пуртова, Н. И. Вторушина]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. — 63 с.

39. Немысова Евдокия Андреевна : библиогр. указ. тр., публикаций и лит. о жизни и деятельности / Ком. по вопр. малочисл. народов Севера, Ин-т повышения квалификации пед. кадров, Гос. центр. б-ка Ханты-Манс. авт. окр. ; [сост.: Н. И. Величко, Т. В. Пуртова ; авт. вступ. ст. М. Н. Мадьярова]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. — 48 с.

40. Нефтяная вертикаль: ретровзгляд в будущее / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; сост. Т. В. Пуртова. — Ханты-Мансийск : Информ. —издат. центр администрации окр., 2004. — 16 с.

41. Новомир Борисович Патрикеев : библиогр. указ. публ. (1958–1993 гг.) / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост. И. Г. Шевелева ; ред. Т. В. Пуртова. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1993. — 12 с.

42. Новомир Борисович Патрикеев : библиогр. указ. кн. —журн. публикаций 1994 г. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост. Т. В. Пуртова ; ред. Э. П. Сургутскова. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1995. — 5 с.

43. Новомир Борисович Патрикеев : библиогр. указ. кн. —журн. публ. 1995 г. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост. Т. В. Пуртова. — Ханты-Мансийск, 1996. — 8 с.

44. Новомир Борисович Патрикеев : библиогр. указ. кн. —журн. публикаций (1958–2001) / Гос. центр. окр. б-ка ; [сост. Т. В. Пуртова ; ред. М. Н. Мадьярова]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. — 35 с.

45. «О человецех, неизвестных в восточной стране» : каталог кн. выст. из частных коллекций / Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост. Т. Пуртова. — Ханты-Мансийск, 1996. — 25 с.

46. Обь-Иртышский Север в западносибирской и уральской периодике. 1857–1944 гг. : библиогр. указ. / сост.: В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова ; вступ. ст. В. К. Белобородова ; Гос. центр. окр. б-ка. — Тюмень : Мандрика, 2000. — 399 с. — Библиогр.: с. 394–396.

47. Обь-Иртышский Север в западносибирской периодике. 1945–1960 гг. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Учреждение Ханты-Манс. авт. окр. «Гос. б-ка Югры»; сост.: В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова. — Екатеринбург : Сократ, 2007. — 870 с.

48. Писатели Югры : биобиблиогр. указ. / Ком. по средствам массовой информ. и полиграфии Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. орг. Союза писателей России, Гос. б-ка Ханты-Манс. авт. окр. ; [сост.: С. Ю. Волженина, М. Н. Мадырова, Т. В. Пуртова ; ред.: М. Н. Мадырова, О. М. Павлова]. — Екатеринбург : Сократ, 2004. — 350 с.

49. Почетные граждане (жители) города Ханты-Мансийска : [закладки] / Гос. центр. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; сост.: С. Ю. Волженина, М. Н. Мадырова, О. М. Павлова, Т. В. Пуртова [и др.]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, [2002]. — в обл. [20 отд. л.].

50. Почетные граждане Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : библиогр. указ. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; [сост.: Т. В. Пуртова, Г. Я. Фетисова, И. И. Фоменко ; ред. Е. И. Табаченко]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2006. — 88 с. : фот.

51. «...Право оставаться самим собой» : библиогр. указ. по творчеству Еремея Даниловича Айпина / Ком. по СМИ и полиграфии Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост. Т. В. Пуртова. — 3-е изд., испр. и доп. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. — 40 с.

52. Редкая краеведческая книга : каталог / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; [сост. Т. В. Пуртова ; ред. Н. И. Вторушина]. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1993. — 24 с. — Указ.: с. 20–23.

53. Ромбандеева Евдокия Ивановна : библиогр. указ. науч. трудов и лит. о жизни и деятельности / Ком. по делам малочисл. народов Севера и др. ; сост. Т. В. Пуртова ; ред. Э. П. Сургутскова ; авт. вступ. ст. М. Н. Мадырова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. — 28 с.

54. Ромбандеева Евдокия Ивановна : библиогр. указ. науч. трудов и лит. о жизни и деятельности / Науч.-исслед. ин-т угроведения, Гос. центр. окр. б-ка ; сост. Т. В. Пуртова ; вступ. ст. М. Н. Мадыровой. — 2-е изд., испр. и доп. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. — 36 с.

55. Рыцарь ордена краеведов : библиогр. указ. работ В. К. Белобородова и публикаций о нем / Департамент культуры и искусства, Гос. центр. окр. б-ка ; авт. вступ. ст. Н. Новикова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. — 48 с.

56. Таисия Сергеевна Чучелина : [библиогр. указ.] / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; [сост. Т. В. Пуртова и др. ; ред. Н. М. Новикова]. — Ханты-Мансийск : [б. и.], 1992. — 14 с.

57. Терешкин Николай Иванович : библиогр. указ. / Окр. б-ка ; сост. Т. В. Пуртова. — Ханты-Мансийск, 1998.

58. Ученые и краеведы Югры : биобиблиогр. слов. / сост. : В. К. Белобородов, Т. В. Пуртова ; [ред. : В. К. Белобородов, Э. П. Сургутскова ; послесл. Ю. П. Прибыльского] ; Ханты-Манс. окр. б-ка. — Тюмень : СофтДизайн, 1997. — 349 с.

59. Ученые обско-угорских народов : биобиблиогр. справ. / Науч.-исслед. ин-т об.-угор. народов, Гос. центр. б-ка Ханты-Манс. авт. окр. ; сост. : Т. В. Волдина, С. Ю. Волженина, М. Н. Мадьярова, О. М. Павлова, Т. В. Пуртова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2001. — 294 с.

60. Ханты-Мансийский автономный округ в периодической печати : библиогр. указ. ст. : I полугодие 2000 г. / сост. Т. В. Пуртова ; ред. : Э. П. Сургутскова, М. Н. Мадьярова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. — 152 с.

61. Ханты-Мансийский автономный округ в периодической печати : библиогр. указ. за II полугодие 2000 г. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр., Гос. центр. окр. б-ка ; [сост. Т. В. Пуртова ; ред. М. Н. Мадьярова]. — Тюмень : Мандрика, 2002. — 104 с.

62. Ханты-Мансийский автономный округ в периодической печати : библиогр. указ., 2001 г. / Департамент культуры и искусства Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; [сост. Т. В. Пуртова, ред. : М. Н. Мадьярова, О. М. Павлова]. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2004. — 203 с. — Имен. указ. : с. 166–184. — Географ. указ. : с. 185–197.

63. Харамзин Терентий Герасимович : библиогр. указ. / Администрация Ханты-Манс. авт. окр. [и др.] ; сост. Е. П. Степанова ; ред. Т. В. Пуртова ; авт. вступ. ст. Н. Г. Ширыкалова. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. — 14 с.

64. Юван Николаевич Шесталов : библиогр. указ. к 60-летию со дня рождения / Ком. по СМИ и полиграфии Ханты-Манс. авт. окр., Ханты-Манс. окр. б-ка ; сост. : О. М. Медведева, Т. В. Пуртова.

Э. П. Сургутскова ; ред. Э. П. Сургутскова. — Ханты-Мансийск, 1997. — 52 с.

65. Югорские краеведы : материалы к биобиблиогр. слов. / Ханты-Манс. окр. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр. ; [сост. Т. В. Пуртова ; ред.-сост. В. К. Белобородов ; ред. Э. П. Сургутскова]. — Шадринск : Исеть, 1995. — 134 с.

Публикации в периодических изданиях:

1. «Знамение» : [о сборнике «Знамение»] / Т. В. Пуртова // Новости Югры. — 1994. — 4 авг. — С. 3.

2. Библиотечка журнала «Югра» / Т. В. Пуртова // Новости Югры. — 1994. — 31 марта.

3. Дошедшие через время : обзор кн. сер. «Невидимые времена» / Т. В. Пуртова // Новости Югры. — 1998. — 24 нояб. — (Краевед ; № 9).

4. Друзья библиотеки / Т. В. Пуртова // Югра. — 1994. — № 12. — С. 24.

5. Из краеведческих новинок : обзор лит. / Т. В. Пуртова // Новости Югры. — 1995. — 16 марта. — С. 6.

6. Конференция в Судакe / Э. Сургутскова, Т. Пуртова // Югра. — 2002. — № 10. — С. 79–80.

О девятой Международной библиотечной конференции, состоявшейся в июне 2002 г. в г. Судак.

7. Краеведческая книга : издания 1996 года // Новости Югры. — 1997. — 15 февр. — (Краевед ; № 2).

8. Мы — один мир : [обзор книг] // Югра. — 1993. — № 6. — С. 22.

9. Новоселы книжных полок : обзор новых книг о крае // Новости Югры. — 1998. — 23 июля. — (Краевед ; № 5).

10. Новые книги о войне : [обзор литературы] // Новости Югры. — 1995. — 29 июня.

11. Пуртова, Т. В. Использование фонда Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа в работе Государственной центральной библиотеки Ханты-Мансийского автономного округа / Т. В. Пуртова // Архивы Югории. — Ханты-Мансийск, 2004. — № 3. — С. 80–82.

12. Пуртова, Т. В. Почему издатели не выполняют закон : комментарий библиотекаря / Т. В. Пуртова // Лит. Россия. — 2004. — № 32 (6 авг.). — С. 5.

13. Страницы мужества : округ в литературе о войне // Новости Югры. — 1995. — 29 апр. — (Краевед ; № 2).

14. Сургутскова, Э. П. Конференция в Судаче / Э. П. Сургутскова, Т. В. Пуртова // Югра. — 2002. — № 10. — С. 79–80.

15. Сургуту — 400 лет : [обзор] // Югра. — 1994. — № 1. — С. 37–38.

16. Христианизация народов Сибири : (по литературным источникам) // Лит. Югра. — 2000. — 10 авг. — С. 2.

О ней

1. Пуртова Т.В. — зав. краеведческим отделом окр. библиотеки, заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа, г. Ханты-Мансийск // Новости Югры. — 1996. — 12 дек.

2. Пуртова Татьяна Владимировна // Ученые и краеведы Югры : биобиблиогр. словарь / Ханты-Манс. окр. б-ка. — Тюмень : СофтДизайн, 1997. — С. 238–239.

3. Огрызко, В. В. Первый шаг к Югорской энциклопедии / В. Огрызко // Лит. Россия. — 1997. — 28 нояб. — С. 15.

Критика нового словаря «Ученые и краеведы Югры», авторами которого являются В. Белобородов и Т. Пуртова.

4. Прибыльский, Ю. П. Подвижники духа / Ю. Прибыльский // Югра. — 1998. — № 1. — С. 44–45.

Об авторах словаря «Ученые и краеведы Югры» В.К. Белобородове и Т.В. Пуртовой.

5. Пуртова Татьяна Владимировна // Югория. — Ханты-Мансийск ; Екатеринбург, 2000. — Т. 2. — С. 428.

6. Волженина, С. Ю. Татьяна Владимировна Пуртова. «Легенда» и легенды краеведческого отдела / С. Волженина // Жизнь моя — библиотека : воспоминания, документы, очерки / Гос. центр. окр. б-ка ; Сост.: Э. Сурутскова, О. Егорова ; под ред. М. Мадьяровой. — Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 2002. — С. 105–106.

«История Югры», или Путь от учебников к пособиям

Время, время, как быстро оно летит! Подумать только — школьному учебнику по истории ХМАО уже восемь лет. Выпущенная на рубеже веков, одновременно с «Очерками истории Югры», «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней» оказалась хорошим заделом на будущее. Два краеведческих издания стали своеобразной отправной точкой для последующего развития исторических знаний в округе. Они содействовали, да и сейчас содействуют развитию региональной культуры. Несмотря на заявленные «школьные» параметры и очерковую подачу изложения, обе книги вышли по-хорошему универсальными. Благодаря их появлению сократилась фрагментарность исторических сведений о нашем крае. Материалы, представленные в книгах, достаточно востребованы местным населением. В частности, они используются в процессе обучения не только школьниками, но и студентами югорских вузов. Особенно теми, кто недавно приехал в наш округ с Большой земли и пока еще плохо сориентирован в местных реалиях.

Конечно, восьмилетнее существование двух книг — достаточно значимая дата. И есть смысл задуматься о перспективах изданий по исторической тематике в нашем крае. Несмотря на несомненные достоинства, описываемые книги не лишены недостатков. В них чрезвычайно большой объем информации, да еще сухо, по-научному изложенной, тексты мало адаптированы к восприятию учащейся молодежью. Ощущается дефицит проблемного и эмоционального подходов — историческая информация «подается» отстраненно, без диалога с читателем. Лапидарно представлены религиозные представления и повседневная жизнь. Недостаточно отображены связи с сопредельными территориями. Блеклостью изображения страдает советский период истории Югры.

Думаю, что в будущем количество претензий к этим книгам будет только увеличиваться. Дело, впрочем, не в них как таковых. Книги существуют и активно используются. Меняются внешние обстоятельства. Историческая наука и историческое краеведение не стоят на месте. Уточняется оценка тех или иных событий; безостановочно, через творческие исследовательские усилия краеведов, историков, этнографов, археологов прирастает новая научная информация. Все более обостряется вопрос о том, как правильно «уложить» исторические сведения в рамки школьного часа и студенческой пары. Стоит ли агитировать за то, что для лучшего усвоения изложенного в краеведческих книгах учебного материала необходимы детальные и даже поурочные научно-методические пособия? Ведь открытия историков-исследователей не могут поглощаться «сырыми», они нуждаются в своеобразной расшифровке, надежном «тыловом» обеспечении.

Увы, долгое время серьезные методические разработки запаздывали к читателю. Дело сдвинулось с мертвой точки сравнительно недавно. Первой ласточкой оказалась сургутская книга: Гололобов, Е. И. *История Сибири: экологическое источниковедение Северо-Западной Сибири (конец XIX — начало XX в.): учебное пособие*. — Сургут, 2005. Пособие, по сути, является дополнением к одновременно вышедшему в Новосибирске сборнику документов: Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919—1929). Книги имеют одного «родителя». Им является профессиональный сургутский историк Е.И. Гололобов. Автору-составителю удалось воссоздать широкую историческую ретроспективу взаимоотношений природы и человека на Северо-Западе Сибири в переломное для нашей страны время.

Если сборник документов предлагает нам уже опубликованную составителем экологическую историческую информацию, то учебное пособие, напротив, помогает ее найти. Формально пособие предназначено для студентов исторических факультетов. Но не только. Сфера его применения может быть гораздо шире заявленной. Книга удачно вмещает в себе свойства путеводителя по фондам архивов Урала и Сибири и краткого учебника по архивоведению для начинающих исследователей. Е.И. Гололобов подробно передает читателям навыки поисковой работы в архивах, объясняет, как вести записи, как правильно оформлять ссылки, как написать отношение и заполнить формуляр.

Все это не мелочи. Надо трезво оценивать современную ситуацию в школьном, да и вузовском краеведении. При господстве инноваци-

онных подходов все большее количество юных исследователей, причем не только историков, устремляется в различные архивы, не имея для поисковой работы необходимых навыков. Нередко они отсутствуют и у их научных руководителей — школьных учителей и даже у вузовских преподавателей; ведь далеко не все из них регулярно работают в архивах или получили базовое историческое образование. Кроме того, историческая экология пока еще находится в стадии формирования. В настоящее время возможно лишь рассуждать даже не о степени изученности экологических проблем прошлого, а лишь о первых подступах к их осознанию. Нет сомнения, что работы Е.И. Гололобова обладают ценностью справочных пособий, жаль лишь то, что напечатаны они мизерными тиражами.

Еще два краеведческих пособия были изданы через год в Нижневартовске: Цысь, В. В. *Историческое краеведение : учебное пособие*. — Нижневартовск, 2007 и Казакова, Н. С. *Поурочное планирование по истории Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XIX в. : учебно-методическое пособие*. — Нижневартовск, 2007. Они также напечатаны минимальными тиражами — всего лишь по 100 экземпляров каждая книга.

Первое из этих пособий отличается глубоким теоретическим подходом и строго системным изложением материала. В начальных главах кратко перечислены история изучения Сибири и основные этапы краеведческого движения в России. Далее В.В. Цысь дает читателям хорошие методические и прикладные указания, с чего начинать краеведческую работу в сфере археологии, этнографии, лингвистики и генеалогии. Соответственно, нет сомнений, что эти сведения будут широко использованы при проведении исследовательских работ. Главная ценность книги, однако, в ином. В ней бережно отслеживаются сегодняшние достижения в местном изучении Северо-Запада Сибири. Фактически в этой работе систематизированно подводятся итоги развития современного краеведения в Обь-Иртышском регионе.

К рецензируемой книге В.В. Цысь можно предъявить частные претензии, в основном методологические. Не объясняется, какая именно территория отображена на страницах его работы. Как справедливо указано в аннотации, пособие «построено на конкретном региональном историческом материале». Однако предмет исследования оказывается во многом «размытым» — внимание читателя разделяется между Тюменью и Югрой. В книге широко применяется невнятный топоним «Зауралье». Заметим, что в расширенном понимании это любая

территория к востоку от Урала. В «зауженном» же смысле ученые обычно подразумевают территорию современной Курганской области — так называемое Южное Зауралье. Автор преимущественно тяготеет к работам современных местных исследователей, нередко игнорируя вклад предшественников и «соседей». Так, в пособии изложена биография П.А. Словцова, но не нашлось места для упоминания работ его последователя Н.М. Ядринцева. Список лакун можно продолжить, но не они определяют основные качества в целом добротной книги.

Нельзя не согласиться с мнением Н.С. Казаковой о том, что внимательный анализ учебника «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней» убедил ее, что вопросы и задания «не в полной мере обеспечивают условия для развития исследовательских навыков учащихся и формирования у них чувства сопричастности к истории края». Не мудрствуя лукаво автор «Поурочного планирования...» подробно детализирует свои уроки от древности вплоть до рубежа XX века. В подготовительные материалы включены доступные исторические источники, отрывки из научных трудов, карты, схемы. Ученики на уроке подключены учителем к самостоятельной работе. Они сравнивают, исследуют, думают. И не беда, что использованная информация лишена правильно оформленных ссылок — ведь это не парадно-выходное издание, а «рабочая лошадка», предназначенная для того, чтобы достойно «вытянуть урок».

Критиковать такие работы, как «Поурочное планирование...», легко, куда труднее их создать. Говорю об этом как преподаватель, а не понаслышке. В 2006 г. мне и самому довелось составлять и готовить к публикации две брошюры: учебно-методический комплекс и методические материалы по истории Югры, предназначенные для студентов и школьных учителей. Не буду утверждать, что они без недостатков и полностью доведены «до ума»... Потребности образовательного процесса и отсутствие детальных методических публикаций волей-неволей заставляют крутиться преподавателей местной истории.

Настоящий обзор учебно-методической литературы не претендует на полноту и завершенность критики. Его цели несколько иные: лучше понять путь, пройденный краеведами, возможно — помочь установлению «горизонтальных связей», а в идеале — хоть чуть-чуть содействовать появлению новых академических трудов, краеведческих учебников и научно-методических пособий.

Михаил Ершов

О запахе плесени под сенью цветущей липы

(Краеведческий капустник)

Глядя на этот альбом¹, начинаешь понимать, что в нашей местности к краеведческой книжке начали относиться лучше. Формат, тиснение фольгой, цветные форзацы... И бездна иллюстраций в стиле очень авангардного кинематографа: картина, фрагмент, очень крупный фрагмент, занимающий целый разворот. Наезд, крупнячок... Все как положено. У крупных мастеров надо учиться искусству детали.

А имена творческого коллектива уже сами по себе говорят.

Их и представлять не надо. Каждого из них тюменцы давно узнают без визитки...

Наталья Сезева — искусствовед с устойчивой несгибаемой репутацией.

Наталья (Надежда²) Дементьева — видный редактор. Недавно на одном из книжных конкурсов, ранг которого позволял присуждать места даже зарубежным участникам, но только из Италии, — была признана лучшим по профессии. Российская традиция определять лучшего токаря, сантехника, сапожника и пекаря сформировалась окончательно и бесповоротно, захватив в цунами всевозможных соревнований и творческие профессии.

И наконец, лучший представитель периода расцвета тюменского дизайна Николай Пискулин. Сегодня без его участия в городе, как утверждают некоторые, не производится ни один маломальский цельный кусок даже туалетной бумаги.

Но обо всем по порядку...

¹ Сезева Н.И. Иван Калганов. Сибирский Хогарт. Тюмень: Искусство, 2008. 182 с.

² В выходных сведениях не расшифрованы инициалы — Н.П.

1. Редактура...

Конечно, российское книгоиздательство ушло далеко вперед, обгоняя западное на поворотах смены миллениумов. Проклятые капиталисты в погоне за наживой не знают, что Гарри Поттеру нужен редактор. Без него их менеджеры вынуждены обращаться к нам с просьбой продать залежавшиеся миллионы экземпляров этой многострадальной книги. Бедная Россия... Она решилась оказать помощь загнивающему строю...

Наши редакторы чувствуют себя гораздо уверенней и на пути книги к читателю заботятся о занимательности последней.

Вот только несколько примеров мастер-класса, демонстрируемого Н.П. Дементьевой на страницах книги альбомного формата.

«Высоцкий являлся типичным “шестидесятником”, потому что вырос и воспитывался в среде декабристов, отбывавших в городах Западной Сибири ссылку» (с. 76). Редактор очень бережно отнесся не только к авторскому тексту, но и к женской логике, уяснившей со средней школы, что все явления в общественной жизни — следствие исторических катаклизмов, происшедших как минимум тридцать-сорок лет назад. К тому же очень важно для сегодняшнего читателя: деструкция всяческих стереотипов. Даже вчерашний школьник знал, что в Тобольской губернии среди декабристов вырос лишь один художник и писатель — Михаил Знаменский. Отрадное явление, что ряды выявленных участников воспитательного процесса пополняются. Тяжесть ленинского бревна на субботнике должно почувствовать все общество.

Развитие эстетической мысли в нашем крае выражено смелой фразой, вчера еще бывшей лишь достоянием андеграунда: **«Отец сибирского областничества» — общественного движения, возникшего в 1860-е, члены которого ратовали за развитие и автономию Сибири»** (с. 13). Редактор мудро обошла стороной написанное автором, наверное, предположив, что искусствоведу лучше известно, у кого члены, а у кого участники. Тем более что предложением выше шла речь о коллеге, редакторе **«лучшей профессиональной газеты в провинции конца XIX века»**. Исключительно непрофессионализм отличал все остальные газеты Сибири от «Восточного обозрения», перерабатывавшего из номера в номер информацию этих изданий и помещавшего подновленный продукт на своих страницах. Культуру «Восточного обозрения» отличало всегда наличие ссылок на непрофессиональ-

ные издания, мелькающие иногда даже на трех-четырёх страницах номера. Не ленились же в профессиональной газете наборщики.

Не обошелся мастер-класс и без изюминок. **«Новые архивные материалы из фондов Омского уездного и женского училищ»** (с. 68) позволили автору сгладить у читателя впечатление от чукмалдинской информации о запойном Калганове. Очевидно, совершенно новая справка, буквально вчерашняя, из медвытрезвителя, уточнила, что это привычное состояние их клиента: **«Калганов ведет нетрезвую жизнь»** (там же).

Так его! Ударим книжкой с цветными картинками по бездорожью в мире знаний.

Чтобы читатель иногда не засыпал, безудержный талант редактора обязательно оставлял ему в книге какой-нибудь «крюкворд». Например, **«Н.И. Наумов — литературный критик»** (с. 11). Атрибутирован, как гвоздем прищпандорен, автор книги рассказов «Сила солому ломит». Правда, более внимательный читатель заметит хитрый редакторский маневр. Уже на следующем развороте устроена переключка однофамильцев **«Н.И. Наумов — сибирский писатель»** (с. 13). Очевидно, близнецы, родились и умерли в один год.

Но это так, для первоклашек. А чтобы уже на 11 странице в сон не клонило, помещен капкан помощнее. В сносках идет речь о газете **«Сибирь» 1893 года**. Двоечник и неудачник не знает, что иркутская «Сибирь» почилла в бозе в 1887 г. А П.М. Головачев активно сотрудничал с петербургской «Сибирью», выходявшей в 1897–1898 гг. Т.е. альбом, как дидактический материал, предполагает выработку навыков использования комплекта словарей разного профиля. Редакторский лозунг «растем вместе с книгой» успешно *водворен* в жизнь.

Для тех, кто ездит в поезде и давно получил высшее «крюквордное» образование, мелочи типа **«на страницах дореволюционных сибирских газет и журналов “Тобольские губернские ведомости”, “Сибирь”, “Сибирская торговая газета”, “Сибирский вестник”, “Восточное обозрение”** (с. 16) — как два пальца обсосать. Ха-ха, журналов-то здесь нет. Или: **«Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга»** (с. 47). Такое даже старушня, торгующая семечками, знает, что только банки, когда покупают их товар по безналичке, указывают свое местонахождение. Они-то могут скрыться. Но пока никому и в голову не приходило перекинуть РГИА дальше чем с одной станции метро на другую.

Правда, такое случается с некоторыми учреждениями, перелетающими, как сороки, из одного города в другой, словно в фантазмагорической феерии: «Типолитография Калининой, занимавшаяся только частными заказами, была открыта в Тюмени в начале 70-х годов XIX столетия» (с. 102). Исключительно редакторская толерантность к инакомыслию не позволила автору текста дискутировать с мнением своего научного оппонента «историка-библиографа Е.Н. Коноваловой» (с. 77): «С конца 60-х годов XIX века в губернии стали появляться частные типографии ... А.Г. Калининой (1876) в Тобольске»³.

Талантливый редактор во всем талантлив. И он всегда думает о сотворчестве текста книги с каждым читателем. Даже как этот, как его, ужасный злыдня и неудачник Лукич, озлобленный на всякое научное сообщество. Для него приготовлено специальное задание. Не то чтобы высший пилотаж, а так, проверка зрения, расчет на авось. Заметит или нет...

«На плечах Лонгинова висит⁴ ожерелье из более мелких голов купцов и купчих. На воротнике, в виде золотого шитья, длинная цифра “200000” и надпись: “Незабвеннейшему из незабвенных и дорогому”. Материалы областного архива разъяснили эту цифру и надпись: за время своего правления Лонгинов разорил около 20 купцов, ограбив их свыше чем на 200 тысяч рублей. Калганов прекрасно понимал, что “деятельность” Лонгинова — это деятельность всей городской управы, недаром художник в правом нижнем углу картины поместил щит с надписью: “Столетие величия и силы кончилось раньше срока. Материалы созрели, и памятник выразителю и олицетворителю оного и оных готов”» (с. 93).

И отгадка этой шарады помещалась, как смерть Кощея Бессмертного, наверное, где-то там, скорее всего в яйце. Потому что это нечто оказалось весьма тухлым...

«По плечам Логинова тянется ожерелье из более мелких голов купцов и купчих. На воротнике, в виде золотого шитья, длинная цифра 200000 и надпись “незабвеннейшему из незабвенных и дорогому”. Материалы архива разъясняют эту цифру и надпись: оказывается за время своего правления Логинов разорил около 20 купцов, ограбив их свыше чем на 200 тысяч рублей. Действительно “незабвеннейший” и “дорогой”! Калганов прекрасно понимал, что “деятельность”

³ Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX века) : учеб. пособие. Тюмень, 2002. С. 54.

⁴ Орфография подлинника сохранена.

Логинова — это деятельность всей городской управы, купечества и церковников. Недаром художник в правом нижнем углу картины поместил щит с надписью: “Столетие величия и силы кончилось раньше срока... Материалы созрели и памятник выразительно и олицетворителю оного и оных готов”⁵.

Конечно, “о этот великий и ужасный”⁶ усмотрит в сходстве текстов именно плагиат, а отнюдь не игру «Найди сорок различий». Чтобы такая примитивная мысль не возникала в голове этого придирчивого читателя, ему обязательно подавай название архива, фонд, опись, дело... И тогда он может согласиться, что слово «областной» является еще одним подтверждением «новых архивных материалов» и уникальности искусствоведческого анализа. А так — плагиат, и не больше... К тому же этот «хохломансиец» не понимает разницы употребления предлогов в текстах «по плечам» и «на плечах»...

Но Лонгинов и Логинов — это так, проще пареной репы. Есть и другие примеры редакторских ухищрений. Для детей дошкольного возраста, сличающих в садике два абсолютно непохожих предмета и отыскивающих нечто общее.

«В левой части композиции, на втором плане, изображен еще один действующий персонаж картины — классный “воспитатель”, которого тошнит после обильных возлияний» (с. 69). «В левой части картины, на втором плане видна согнувшаяся фигура второго “воспитателя” (возможно, самого Калганова), которого рвет после вчерашних возлияний»⁷. Понятное дело, если Бойль и Мариотт открыли одновременно закон, то почему два искусствоведа, пусть и с разрывом в пятьдесят лет, не могут мыслить одинаково. Тем более при описании одной и той же картины. Зато, заметьте, именно благодаря стараниям редактора, столь удачно оставившего почти дублетный текст, можно увидеть, как растет культура искусствоведческого анализа. Раньше героя рвало, а теперь его просто тошнит. Чувствуете разницу?..

Не будем перегружать однотипными примерами мастер-класса. Понимаю, это утомляет даже дотошного читателя. Иногда до тошноты...

⁵ Кроллау Е. Талантливый тюменский художник // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1960. Вып. 2. С. 88–89.

⁶ Фраза, принадлежащая безусловно краеведу Стасу Белову, произносящему ее по всякому поводу. И даже без...

⁷ Кроллау Е. Талантливый тюменский художник // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1960. Вып. 2. С. 92.

И, конечно, редактор книги не должен все знать, иначе чем он может заинтересовать читателя. Голимо́й правдой, достоверностью факта? Да, этим грешат иногда и современные энциклопедии. Даже трехтомные... И с продолжением тоже...

А так читатель вынужден интересоваться, что и где, кто и с кем, как и сколько?

Например, оставляет редактор в альбоме информацию, что **«Высоцкий Николай Константинович (1864–1932) — сын К.Н. Высоцкого, в будущем выдающийся русский геолог»** (с. 177). Так это так и есть. У Константина — всегда сын Константинович. И не очень важно, какого Константина. Нашего ли... Некоторые любители открыток, марок и других фотографий запросто пишут историю Тюмени по наличию надорванных контролером проездных билетиков на речной трамвайчик... Им и знать ни к чему, что в некрологе выдающийся русский геолог атрибутирован как сын барнаульского учителя. Работал ли родитель «Сибирского листка объявлений» когда-нибудь в Барнауле (а такое могло быть после уезда Константина Николаевича из Тюмени, когда его родной брат Евгений Высоцкий, регистратор Томского губернского правления по экспедиции о ссыльных⁸, был предан суду за растрату казенных денег)? Этим краеведы, даже те, кто популяризировал исключительно польскую ссылку, пока не интересовались. Вот теперь, с подачи редактора, наверное, будут... Есть мощный стимул ушучить редактора...

И уж, конечно, напоследок, вопрос на засыпку: так когда все-таки родился Константин Николаевич Высоцкий? Конечно, в **1835** (с. 142). Это единственный недочет редакторской работы: текстуально не уточнено о «новых архивных материалах». Ибо, согласно прошлогодним, вернее, прогрессивно не подновленным данным, наш «тюменский гений» и «Дон Кихот», словно стареющая кокетка, был тогда на год моложе⁹. Хотя и в этом есть железная логика: год прошел — значит, даже покойник стал старше.

Как талантливо сформулировала свое удивленное восхищение русскому Ивану автор книги в короткой полуфразе: **«Откуда возникло его искусство...»** (с. 16)! Эти слова, готовые вновь сорваться с уст и стать крылатыми, применимы не только к творчеству великого сибирского Хогарта, но и к мастерству редактора...

⁸ ГАТомО. Ф. 3. Оп. 11. Ед. хр. 926; ГАОмскО. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 6456. Л. 1.

⁹ Сезева Н.И. Художественная жизнь Тюмени второй половины XIX века: кружок Высоцкого // Врата Сибири. 2007. № 3. С. 166.

Вот откуда дети возникают, я знаю. Из капусты. Белые из белокочанной, а цветные... А вот когда и почему возникают редакторы? На этот шкурный вопрос, наверное, не ответит даже пятилетний курс обучения на гуманитарном факультете вуза...

2. Авторство

Плодовитая авторесса альбомов в представлении не нуждается. Даже без имени на обложке, уже по одной стилистике каждого подготовленного ею очередного альбома, без всяческого предварительного искусствоведческого анализа она узнаваема. Нашим потомкам сильно повезло: на книгах без титулов и обложек им легко будет определять ее почерк. Секреты ее стилистики прячутся в монтаже.

Технология его проста, как и все истинно талантливое. К примеру, берешь портрет неизвестного мужчины, атрибутируешь его как, скажем, портрет тюменского купца К.К. Шешукова, особенно когда известно, что **«в 1866 году по заказу Тюменской городской думы и на средства тюменского общества»** (с. 58) **«благодаря энергичным стараниям тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича»** (с. 56). При этом на одной странице с портретом ставишь слова очевидно ближайшего его учителя, родственника и ближайшего знакомого одновременно Виси Белинского, подчеркивая этим значимость картины, величие художника и т.д. И не важно, что расцвет творческих потенций Белинского и Калганова происходил в различное время. Главное, при царизме. К черту политкорректность научного исследования. Для большей достоверности ввергаешь в текст эссеизированный плод своих бессонных ночей: **«Вероятнее всего, что Тюменская городская дума обратилась именно к Калганову с просьбой исполнить важнейший заказ»** (с. 58). При этом **«можно предположить»** (с. 32), что Калганов в составе туринских резчиков... А еще **«можно предположить»** (с. 33), что именно Деспот-Зенович... Сплошная теорема, в которой все превращается как-то само собой разумеющееся в аксиому.

«...не удалось обнаружить ни одного упоминания имени... несомненно, их пути неоднократно пересекались» (с. 36); **«несмотря на отсутствие авторской датировки, можно смело утверждать»** (с. 38); **«можно смело утверждать: в процессе работы...», «нет сомнения, что Калганов видел...»**(с. 47); **«и хотя до настоящего времени не удалось найти архивных документов, подтверждающих данный факт, в пользу этой версии...»** (с. 58); **«к сожалению, архивных документов о поступлении и пребывании**

Калганова в училище не сохранилось: имя сибиряка не обнаружено также и в списках вольноприходящих... Став вольнослушателем... К сожалению, о периоде его учебы в училище мы знаем крайне мало» (с. 107).

Отсутствие информации всегда легко заменяется эмоциональным рассматриванием картин, в которых художник «**достигает необыкновенной конкретности в изображении интерьера комнаты»** (с. 147). А купюры в сведениях о жизни и деятельности героя, который «**сближается с кружком «Молодая Сибирь»**» (с. 78), наводняются пафосом об этой мифической организации, которая не только не представляла собой «формально организованного объединения», но и не имела «программы, устава»¹⁰. Лет тридцать назад такому кружку рукоплескала бы вся Европа. Конечно, советская. Сегодня залежалый под сукном и пахнущий плесенью продукт напоминает фарс, к которому часто прибегают неудачники: мол, не в то время я родился. А ведь было время, когда обнаруженная автором альбома публикация Г. Баитова в «Сибирской торговой газете» могла быть востребована Большой тюменской энциклопедией, так и вышедшей с датой смерти К.Н. Высоцкого, указанной по беллетризованному Шараповым Чукмалдину. К тому же уже давно историки Сибири смеют говорить, что такого кружка «Молодая Сибирь» не было. Так называли молодежь, в которую представители областничества верили как в свое лучшее будущее.

Сравнивая цветного Калганова с черно-белым почти пятидесятилетней давности, хорошо понимаешь, что наши знания о нем мало изменились. Разве что уточнены годы жизни.

Совсем не использована информация из писем И.Я. Словцова, хранящихся в Барнауле в государственном архиве и недавно опубликованных в Тюмени, увы, но не в Ежегоднике ТОКМ. Имя Калганова упоминается в них даже не один раз. Более того, часть рисунков своего тезки Иван Яковлевич переслал тестю. Сохранились ли? А где же портрет Сперанского?

Не рассказана история произведений И.А. Калганова, список которых составлял Е. Кроллау при подготовке к публикации 1960 г. Все ли они живы? А если каталоги не совпадают, то что это? Только результат нового атрибутирования? Или еще одна губительная вежа новейшей истории?

И еще об участниках кружка «Молодая Сибирь» (прошу прощения у авторессы, что ворую у нее название тюменских мужских посиделок по-

¹⁰ Сезева Н.И. Художественная жизнь Тюмени второй половины XIX века: кружок Высоцкого // Врата Сибири. 2007. № 3. С. 166.

чти середины XIX в.). Да, и Ядринцев, и Потанин бывали в гостях и у Чукмалдина, и у Тимофеенкова, и у Павлова, и у Высоцкого. Об этом они часто признавались в своих письмах, оставленных для потомков. Чаще это делал последний. Вот только существует необъяснимая тайна: оба идеолога провинциальной печати, интересующиеся прессой Сибири, нигде и ни разу не оставили упоминания о «Сибирском листке объявлений».

Согласно методу авторессы **«можно смело утверждать... хотя до настоящего времени не удалось найти архивных документов, подтверждающих данный факт»** письма с упоминаниями о первой частной газете Западной Сибири нечаянно потерялись. Но как известно, подобный **«научно-архивный метод»**, согласно терминологии автора альбома, не прояснит вопроса.

И еще. В «Политическом обзоре Тюменского, Ялуторовского и Туринского округов Тобольской губернии за 1881 и 1882 года», сохранившемся в фонде департамента полиции, есть такие строки: «Были привлечены к дознаниям... тюменский 2-й гильдии купец Терентий Тимофеенков в принадлежности к преступному сообществу под названием “крестомучеников”... давать средства к побегу ссыльным государственным преступникам из Сибири»¹¹.

Вот кто такие крестомученики и какое отношение они имеют к «Молодой Сибири» — предстоит решать не только краоведам, но и историкам. Разность между ними, по мнению Владимира Темплинга, в подходах. Краоведа интересует маленький человек, творящий историю; историка — течения, эпохи, партии, направления. В нашей жизни ничего не происходит без участия человека, но последний малоинтересен для истории. Исключение составляют особенно заметные фигуры...

Может, книга и вышла такой, потому что автор, зная информацию о крестомучениках, решил ею пренебречь: разрушался выстроенный годами и вылежавший в ожидании своего часа миф, где главный персонаж картины всегда **«указывает пальцем на стоящего у края пьедестала члена кружка “Молодая Сибирь”»** (с. 81).

3. Дизайн

Красота и польза — объединяющая идеология любой промышленной технологии. Это сочетание невозможно, если дизайнер, конструирующий книгу, не в материале. Разворот как элемент структуры изда-

¹¹ ГАРФ. ДП, 3 делопроизводство. Ф. 102 (1884). Д. 88, ч. 59. Л. 19об.

ния строго выдержан, за редким исключением (разворот с портретами А.И. Деспот-Зеновича и М.С. Знаменского — с. 34–35), сбивающим ритм книги с заданного темпа. Названия глав и более мелких частей текста не всегда соразмерны с объемами последних (с. 8, 10). Много воздуха, но не простора: имеется изобилие разнородных текстов. Плавающие выражения великих. Сноски, не всегда имеющие представление о своем месте. Имена, и на других языках тоже, удаленные от картин «чужими текстами» (с. 122–123), совсем непонятны.

Конечно, критиковать легче, чем сделать самому. Но совсем в тупик ставят часть третья и приложения.

Если внимательно посмотреть воспоминания Николая Чукмалдина и Захара Барша (с. 161–164), то обязательно можно обнаружить отсутствие их функциональности в дискурсе книги. Ибо практически все эти куски были уже единожды разодраны на мелкие части и использованы в тексте альбома. Иногда со ссылками, иногда — нет.

Пожалуй, только републикация из шестого номера «Сибири» за 1880 г. единственно интересная. Она не вписывается в концепцию книги о кружке «Молодая Сибирь», заботящемся о провинциальных дарованиях. Ибо в ней идет речь о якобы меценате, который на самом деле грабит, обирает И. Калганова. Оказывается, и в кружке Высоцкого были распри. Да еще какие. Недаром же один из его «членов» решил даже рассказать об этом через прессу, представив Н. Чукмалдина в стриптизе демифологизации. И здесь бы комментарий автора книги был бы как нельзя кстати. Но вместо него появляется непонятно чей комментарий к тексту Г. Баитова (с. 173). За ним помещены четыре колонки курсива. Чьи? Зачем?

Дизайнер, собирающий книгу, заботясь лишь о наличии текста, дабы соблюсти ритм изобразительного ряда, а также о технологичности объема издания, забывает о сущности и назначении продукта. А в результате — красиво, но не всегда понятно — о чем, а зачастую — и во имя чего... В таких случаях говорят: посмотришь — конфетка, а развернешь бумажку... Даже краеведческая тематика не спасает при этом издание.

Юрий Мандрика,
канд. филол. наук

P.S. Посмотрев такую книгу, начинаешь понимать, почему сложно объединить усилия всех искусствоведов, имеющих в домашних запасах материалы о И.Калганове, к созданию шедевра о местном гении...

В поисках современных мифов

Писать об этой книге¹ очень непросто хотя бы потому, что эссе о первом ее издании опубликовал еще при жизни в журнале «Югра» безвременно ушедший талантливый критик Владимир Рогачев. Он очень точно сформулировал позицию А.С. Знаменского по отношению к провинциальному бытию: «Сургут был центром мироздания». Таким Аркадий Степанович сотворил его не только в своем мировоззрении.

Приехав в Сургут почти сразу после окончания Тобольской гимназии, А.С. Знаменский практически всю свою жизнь провел здесь, работая учителем в школе. С «отсутствующим идеологическим оформлением сознания», как выразился в «Летающих мыслях» он сам, ему в начале учительской карьеры «не пришлось слушать профессоров» (с. 177). Но это не помешало Аркадию Степановичу стать самобытным педагогом и преподавать математику и физику юным сургутянам, водить школьников в краеведческие экспедиции, заниматься научными изысканиями, демонстрировать свое пристрастие к музицированию, искать философский камень человеческой души, которая «нередко пребывает в туманном мраке на жизненной тропе и ищет светлого луча» (с. 205).

Учителей с такими биографиями найдется, наверное, не один десяток даже в том же Сургутском крае. Правда, обилием таких заметных учеников похвастаться могут далеко не все. Среди бывших учеников школы художник Геннадий Райшев, биолог Юрий Конев, географ Геннадий Бардин, востоковед Петр Грязневич, доктор технических наук Юрий Туринцев, конструктор энергетических установок подводных лодок Казимир Ландграф...

¹ Тропа жизни учителя Знаменского / сост.: В.К. Белобородов, Е.А. Знаменская. — 2-е изд., испр. и доп. — Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. — 376 с.

Канонизация героя на местном уровне начала происходить с подачи бывшего сургутянина, которого в силу профессиональных журналистских качеств заинтересовало наследие Учителя. Еще в начале девяностых прошлого века в приложении к журналу «Югра», который основал и редактировал тогда его ученик В.К. Белобородов, тоненькой брошюрой повились «Летающие мысли» Аркадия Степановича.

Именно в это время, именуемое и сейчас перестройкой, уничтожалась мифология советского периода, в основе которой стояли плотными рядами строители общества-миража. Деструкция отнюдь не способствовала созидательной идеологии в обществе. Удивительно, но та же провинция, что и семьдесят лет тому назад, по-прежнему продолжала искать в вечных коллизиях понимание добра и зла. И это столкновение происходило не где-то там, среди заоблачных героев.

Книга-рассказ об Учителе выстроена в классической манере. Открывает ее родословная Знаменских, среди которых не было неименитых людей. Скрупулезное исследование В. Белобородова о прародителях обосновывает закономерное появление еще одного небезысладного человека, реализовавшего себя, как и многие в роду Знаменских, в качестве учителя, сохранив при этом честь фамилии.

Воспоминания бывших учеников и переписка с супругами Аркадием Степановичем и Анной Андреевной Знаменскими занимает почти половину книги. И здесь вы не встретите ничего необычного. Запоминающиеся, с точки зрения бывших школьников, уроки, не похожие ни на чьи другие. Стоимость картофеля на рынке. Воспоминание о походе за ягодами и грибами. Бытовуха, в которой сельский учитель пытается подавать руку помощи бывшему ученику. Это скорее штрихи к портрету эпохи, которую олицетворяли сургутяне через призму общения с Учителем.

Но на фоне этой повседневности выстраивался в стопку тетрадей, как окрестил его В.К. Белобородов, «внутренний монолог» Учителя, приобретший вид «Летающих мыслей». А.С. Знаменский считал, что они действительно прилетают. Верил в это настолько, что в своих тетрадках призывал всех мыслящих людей: «...не теряйте прилетевшие мысли, запишите их скорее, иначе они улетят и могут никогда не вернуться» (с. 195). И эта часть книги как бы заставляет по-другому воспринимать воспоминания и эпистолярный: «Стандартное мышление — это рак человеческой души» (с. 199). Очевидно, в этой

фразе составители книги и нашли ключ к достижению контраста в освещении жизни сельского Сургута.

Будучи идеологическим работником — советское государство всегда относилось к учителям к таковым, — А.С. Знаменский, несмотря на это, пытался подняться выше той повседневности, которая фиксировала конец четверти и учебного года, качество знаний учеников, организацию летних каникул и т.д. Его занимали те же вопросы, над которыми думали многие его современники. Времена в советской России всегда были нелегкие, если не сказать — тяжелые, но он не боялся доверить наболеее бумаге. Он понимал, что «в жизни часто не разрешается человеку быть самим собой» (с. 202). И характерной чертой цивилизованного государства является положение, при котором «разрешается» и в то же время не разрешается свободно мыслить» (с. 201).

Сложность бытия в советской провинции как в зеркале отразилась на жизни сельского учителя А.С. Знаменского. Простоватая по форме, она, судя по «Летающим мыслям», была богата внутренним содержанием, о котором догадывались далеко не все. На тысячи сложных вопросов, заданных самой жизнью, надо было отвечать так же просто, словно декламируешь известные всем стихи. «Когда ты познаешь истину, улыбка исчезнет с твоего лица, и ты, может быть, скажешь однажды: “Не лучше ли было мне пребывать в неведении, как все животные, ибо познание истины сделало меня несчастным?”» (с. 202). Ученики не должны были решать все волнующие их проблемы уже за школьной партией. Только в таком случае у них возникала перспектива... Многие из них успешно реализовали ее...

Миф об Учителе, который взрастил целую плеяду талантливых учеников, уже возник на фоне всеобщей деструкции мифов. Ион не только во вновь вышедшей книге. Уже есть заведения, носящие его имя... Выплачиваются стипендии... Ничего в этом отрицательного нет. Человек не может жить без идолов, которым хочется поклоняться, брать с них пример, учиться Добру, а также сеять разумное и вечное...

Но при этом надо помнить, что за плечами героя этого мифа стоит целое поколение. И, может, даже не одно. Просто документальных источников Степан Аркадьевич о жизни эпохи оставил больше, нежели его современники, тем самым аккумулировав в своем имени бытие целой эпохи.

Ю.М.

«Сенькин»*

Продолжение темы

Минуло три года со времени первой публикации повести Ю.М. Козловой и материалов к ней. Оставались еще «за кадром» некоторые записанные на отдельных листках, порой перечеркнутые, забракованные автором, но ценные исходящим от них чувством достоверности кусочки текста. Казалось, что они могут пригодиться позднее. Тем временем обнаруживались новые подробности событий и биографий их участников. Весной 2007 г. в Березове В.И. Ахтямова, руководившая тогда районным архивом, предоставила для копирования воспоминания Домники Серапионовны Онуфриевой (Шиловой) и две фотографии. Публикуем их вместе с набросками Ю.М. Козловой, надеясь на то, что для исследователя они сослужат какую-то службу.

Воспоминания Д.С. Онуфриевой написаны в июле 1972 г. и носят название «Рассказ о партизанском отряде и его командире Сенькине Тихоне Даниловиче, в 20-е годы боровшихся за советскую власть». Значительная часть их содержания уже воспроизведена в повести Ю.М. Козловой, так как автор воспоминаний была основным источником информации о главном герое. Но есть ряд существенных деталей, дополняющих текст повести. Воспоминания печатаются по автографу с грамматическими и стилистическими поправками и некоторыми сокращениями.

Жизнь на севере политико-ссылного¹

т. Сенькина Тихона Даниловича и его партизанского отряда

Т. Сенькин Тихон Данилович, судя по одному письму, которое я по ошибке получила (перепутал конверты), был курский. Писал одновременно матери своей и мне в 1912 г. в январе (сидел в тюрьме Тобольска).

* Козлова Ю.М. Сенькин: страницы неоконченной повести // Подорожник. Тюмень. 2005. Вып. 6. С. 134–167.

¹ В действительности Т.Д. Сенькин был выслан на Север Тобольской губернии за уголовное преступление.

...По окончании ссылки на родину свою отказался ехать... Он был хороший пекарь, особенно по выпечке баранок. Березовские купцы снабжали его мукой для выпечки. Работал в заброшенном старом домике, печь сложил сам. В настоящее время на этом месте дом ветеринарный, угол улиц Кооперативной и Кибардина, станция по борьбе с болезнями животных. Вообще он никакой работы не избегал, нет работы — идет в трубочисты или грузчиком.

Мне пришлось познакомиться с тов. Сенькиным во время моих каникул в 1909 г. в июне месяце. Женился на бедной 17-летней девушке, жившей с малолетства в няньках, Ануфриевой Агафье Серапионовне, она мне родная сестра. После женитьбы уехал с ней в Обдорск. Дома своего не было, жили в бараке-пекарне. Тоже занимался выпечкой баранок и булок с товарищем-ссылным. В 1910 г. летом во время каникул была у них в Обдорске. Сенькин работал грузчиком и в то же время в пожарной с товарищем. Родился при мне у них первый ребенок — сын Володя. Как он радовался своему первенцу!

В этом же году был осужден на три года. При споре с врагом дело дошло до стрельбы. Выстрелил и невзначай попал в руку урядника. Протокол составили ложный — на это он объявил восьмидневную голодовку. Только по просьбе жены ради ребенка согласился принять пищу. Осудили. По вскрытии рек был перевезен в березовскую тюрьму, и семья переехала в Березов. Последним водным путем отправили в тобольскую тюрьму. До окончания срока не дотерпел полтора месяца, выпилил брешь в стене, бежал и еще бежали 20 заключенных. Причина: не имел сведений о семье. Доехал до Березова, семьи не оказалось на месте — пробрался в Обдорск, встретил семью, живы-здоровы. Пробыл сутки и пошел объявляться в полицию. Отправили обратно и прибавили полтора года.

Вернулся в Березов в 1915 году. На квартиру, где жили жена с ребенком, не пустили, и он поселился с семьей в лесу на Змиевом мысу в охотничьей избушке. (Этот мыс перевесный, на нем занимались ловлей уток, принадлежал он Ф.Н. Котовщикову, сын его Федор Федорович участвовал в революционных делах совместно с Сенькиным.) При посещении их в августе я старшего сына пятилетнего Володю увезла с собой в Няксимволь, я там работала учительницей.

Сенькин прозимовал в лесу. Родился второй сын, Яша. Тихон Данилович в зимнее время заготовил сруб для дома, весной сплавил в Березов и выстроил дом по ул. Республики (Собянина). Строил один,

никто не помогал. В настоящее время стоит этот дом, перестроенный, на том же месте — между домами Е.Ф. Первова и В.В. Гурьянова. По-настоящему в этом доме должен быть музей.

По возвращении из ссылки Тихон Данилович принялся за организацию потребительского общества. Периодически выезжал в Обдорск. В 1917 г. с последним пароходом вернулся в Березов с женой и тремя сыновьями: Володей, Яшей и Петей. В 1917 и 1918 гг. как большевик боролся за революцию совместно с товарищами, их было 5 человек: Сенькин, Сосунов, Котовщиков, Железнов и Защипас. Был избран совет депутатов трудящихся.

...Во время кино, которое шло в частном доме Гурьянова 17 марта 1918 г., услышали выстрел в соседней комнате. При споре убили белого офицера. Выстрелил Сосунов, и нечаянно рикошетом [пуля] убила местного молодого человека (кажется, по фамилии Ослопов).

Весной 1918 г. Т.Д. Сенькин уехал в Обдорск, сколотил небольшой партизанский отряд. С первым пароходом прибыл в Березов. При остановке его сразу арестовали, увезли в тобольскую тюрьму... Из Тобольска перевезли в иркутскую тюрьму. Жена его Агафья Серапионовна осталась с малолетними детьми одна, ничем не обеспеченная. Как-то нужно было существовать с детьми. Она взялась за выпечку белого хлеба. Брала муку от торговавших купцов и выпеченный хлеб сдавала им. Хлеб нужен был для пароходов. Выпекать нужно было много. Она надорвалась, заболела и умерла 25 июля 1919 года. Дети — Владимир (9 лет), Яков (3 года и 8 месяцев) и Петр (полтора года) — остались одни. Мы с мужем Евгением Моисеевичем Шиловым взяли их под свою опеку. Старшие два брата остались в своем доме, с ними стала жить мать моего мужа Шилова Анастасия Матвеевна, а Петю я взяла к себе. Так продержали их до приезда отца.

Он вернулся из тюрьмы в 1920 г. Накануне прихода Красной армии в Иркутск сам бежал и выпустил из тюрьмы других заключенных... Как он говорил, переплыл Ангару. Большею частью до Березова шел пешком, не зная, что жена его умерла. Как горько было встретить своих сыновей сиротами².

Свекровь моя Анастасия Матвеевна жила с ними до второй его женитьбы. Весной поехал в Обдорск, женился на Марфе Ефимовне. Организовал снова партизанский отряд. В его отряде были березов-

² Изложенное выше заставляет думать, что одной из главных причин несчастной судьбы жены и детей было поведение главы семьи, которое вряд ли можно назвать разумным и ответственным. — *Ред.*

ские и обдорские (по фамилиям всех не помню). Из нашей семьи была молодая девушка Шилова Таисья Моисеевна (сестра моего мужа) и подруга ее Ослопова. Т.М. Шилова первая вступила в коммунистическую партию и по окончании школы была принята делопроизводителем в райком партии. Работала с 1919 по 1931 год. Умерла от болезни легких 6 февраля 1931 года.

Т.Д. Сенькин был командиром отряда. Довел отряд до д. Ворона, где должна была быть решительная битва, но пришлось отступить. Целую неделю они почти не сходили с лошадей, все уставшие и без сна. Сенькин почти с ног валился. Один из его товарищей предложил отдохнуть в лесной избушке. Т.Д. согласился хоть немного вздремнуть, пока идет отступление. В избушке этой была охранницей женщина. Чья она была жена — того ли, который предложил отдохнуть? Неизвестно. Когда он лег отдыхать, эта женщина известила белых, они были недалеко... Т.Д. проснулся, вышиб окно и бежал. Но далеко ли убежишь в лесу без лыж, по глубокому снегу? <...> Белые просили у него золото для выкупа. Он сказал: «Ведите меня до Березова, там получите». Кто-то из толпы народа сказал: «Да у него нет золота, он последнюю рубашку снимет с себя и отдаст. А в Березовом народ не даст вам его». Тогда белые стали издеваться над ним. <...> Партизанский отряд после гибели своего командира прибыл в Березов в марте. Все находились вместе в штабе (дома Добровольского и Нижегородцева), готовые каждую минуту к отступлению. Кони стояли в упряжке больше недели. Перед отступлением порох из пороховушки вывезли на устье Вайсовой и взорвали. Такой страшный взрыв получился — все перепугались. Стекла в домах сыпались³.

Белые неожиданно появились в Шайтанске. Прискакал нарочный и известил. Отряд ночью выехал на Обдорск. Утром рано белые вступили в Березов, их встретили хлебом-солью Никитин Михайло Дмитрич, Ростовцев Г. Партизаны из Обдорска перебрались на Урал и дошли до Екатеринбургa. По рассказу Таси Шиловой, сколько пришлось им перенести: хлеба нет, ели кошек и собак. Но все преодолели. С первым пароходом вернулись в Березов.

³ Как и во множестве других воспоминаний и публикаций советского времени, здесь упущена куда более существенная подробность: перед отступлением из Березова большевики расстреляли более двадцати заложников — влиятельных и авторитетных жителей Березова и Березовского уезда. — *Ред.*

<...>

При отступлении отряда красных партизан из Березова три семьи коммунистов с малыми детьми остались в Березове: жена Сенькина Марфа Ефимовна с его сыновьями, жена Шмительского Никиты Матвеевича Антонида с двумя детьми, фамилию третьей семьи забыла. Две из них успели все же выехать на запад. Семья Сенькина выехала позже. Доехали до Шайтанки и встретились с белыми. Те узнали, что семья командира красных партизан, взяли их с собой в Березов. Пошли сразу в дом Сенькина искать золото. Все перины и подушки растрясали, но ничего не нашли. Семью не тронули. Марфа Ефимовна потом уехала с детьми в Обдорск. Им выделили пособие за погибшего отца. Вскоре у Марфы Ефимовны родился сын — четвертый сын Сенькина.

Старший из сыновей, Володя, впоследствии жил у Чупровых, средний — у Марфы Ефимовны, а Петя был определен в интернат в Березов. По окончании трех классов приехал к нам в Полноват, мой муж тогда работал секретарем исполкома. Окончил 4-й класс, и его направили в Тобольск. Старшие братья тоже там учились, но Петю через год отправили заканчивать учение в Обдорск, по окончании учебы он работал продавцом. Жил у матери, потом ушел по призыву в армию. Все сыновья Т.Д. Сенькина — участники Великой Отечественной войны.

Через много лет, 28 декабря 1971 года, я неожиданно встрети-лась в Березово с младшим сыном моей родной сестры Петром. Его братьев Владимира, Якова и Тихона в живых уже не было, они умерли после войны.

Из набросков к повести «Сенькин»

[Знакомство Сенькина с городом Березов]

...Мост этот пролегал через крутой лог, соединявший третий и второй холмы. Улица, на которую он вышел, была главная, дома ее выделялись особо: большие, одноэтажные, обшитые тесом, окрашенные в разные цвета — голубой, розовый, зеленый, белый, коричневый.

Миновал Гостиный ряд — строения под одну крышу на протяжении целого квартала, похожие на складские помещения, лишь в улицу выходили окна и двери с вывесками разных купцов.

Взгляд Сенькина устремился в ту сторону, где стояли два огромных дома темно-коричневого цвета, в один тон с заборами и окон-

ными рамами, выглядевшими очень мрачно. В одном из них Сенькину уже пришлось побывать в день прибытия — это полицейское управление. Внутри его двора виднелся высокий тюремный забор. Второе такое же здание, из двора которого доносились звуки маршировки солдат, — это была солдатская казарма. Пройдя мимо купеческих домов и магазинов, от угла, где находилось казначейство, свернул по адресу, полученному от Марии Ивановны...

[Ануфриевы]

Серапион Ануфриев⁴, житель Няксимволя, переехал в Березов. Жены у него не было, рано померла, оставив четверых девочек. Старшая работала по дому, ухаживая за сестрами. С ними жила и бабушка, мать жены. Вторую из дочерей с большим трудом удалось пристроить в приют при Тобольском Ивановском монастыре.

В Березове жили три сродных брата Серапиона — Филипп, Георгий и Григорий, поместились они пока у своего дяди Петра Езекилева [Езекиилевича?] в маленькой комнатке. Братья были очень дружны. Родом они были зыряне, но, живя среди русских, чисто говорили по-русски. И все трое могли заниматься плотницким делом.

— Как же быть, Серапион? — сказал Филипп. — Надо нам общими силами жилье соорудить.

— Так-то так, но на что? Ведь мы пока ничего не заработали. Да если и заработаешь, так семью кормить надо. Одна надежда — Домника кончает учебу в Тобольске, сдает экзамены на учительницу. Да Анна просватана, осенью первым путем приедет жених, увезет ее.

Братья давно приметили на берегу заброшенную барку. Раньше, пока купцы не имели своих пароходиков, хлеб на север отправляли в барках, которые плыли по течению. Одна такая барка уже несколько лет лежала на сухом берегу заброшенной. Филипп пошел к уездному начальству просить продать эту барку. Получив согласие на покупку бесхозного имущества за небольшую плату, братья приступили к делу: разобрали ее, свезли на место стройки и построили себе дом. Братья были уже в годах, но неженатые, поэтому в доме хватило места и для семьи Серапиона.

⁴ Ануфриев Серапион Терентьевич — крестьянин с. Мехченского Печорского уезда Архангельской губернии. Переехал в с. Няксимволь Березовского уезда, в 1915–1916 гг. служил псаломщиком в Няксимвольской Николаевской церкви. Умер 4 мая 1916 г. в возрасте 48 лет.

Осенью 1908 г. Нюра, старшая дочь, вышла замуж и уехала в Няксимволь⁵. Серапион остался с двумя дочерьми и бабушкой. Агаше уже исполнилось 17 лет и 15 лет Доре...

Весной 1914 года приехала Домника, получив назначение на работу учительницей в Няксимволь. Прожив в семье до августа, взяв с собой бабушку, на лодке уехала на работу...

Филипп Иванович был старшим из братьев и считал, что он должен вытащить на дорогу своих братьев, были они сироты. Скопив денег, отправил Георгия в Тобольск обучаться пароходному делу. Григорий еще учился, кончал высшее начальное училище...

[Текст зачеркнут автором]

[Козловы. Первовы]

...Почтовый работник Козлов умер в 40-летнем возрасте. Харитина Павловна получила 25-рублевую пенсию за покойного мужа. Старший сын уехал работать телеграфистом в Челябинск, дочь вышла замуж, остальные семеро подрастали, учились в школе. Пенсии не хватало, Харитина Павловна зарабатывала шитьем: шила белье для богатых. Ночи проводила за работой, перед утром засыпала, потом отправляла детей в школу и снова бралась за шитье.

Самый младший, Тося, учился в первом классе вместе с Ксенофонтом Добровольским. Ребята были очень дружны. В свободное от уроков время ходили к братьям Первовым, которые славились игрой на музыкальных инструментах. Один из них, Петр [Федорович], организовал [позднее] оркестр, даже сам подбирал мотивы и писал ноты. Среди многих исполнявшихся музыкальных пьес были и его собственные ... [Текст зачеркнут автором]

[Добровольские]

...Несмотря на свои 80 лет, с раннего утра, помолившись Богу, [Ксенофонт Васильевич Добровольский] ходил по двору, следил за порядком и подгонял рабочих, особенно в пору лова рыбы. Торопить у него уже вошло в привычку. Владея хантыйским языком (а работники были в большинстве ханты), он все твердил: «Молях! Молях!» (Скорей!). Так и

⁵ Согласно записи в метрической книге няксимвольской церкви, 22-летняя Анна Серапионовна Ануфриева 11 июля 1918 г. вышла замуж за гражданина села Никито-Ивдельского Аркадия Николаевича Ворошилова. Поручителем от жениха был его весьма состоятельный земляк Филарет Степанович Рогалев.

закрепилось за ним прозвище Дед Молях. Бегал старик еще бодро. Заметив его, рабочие старались во всю мочь, но он, еще не добежав, кричал: «Работай, работай! Что как сонный ворочаешься?». Так и проходили дни у старика в большом беспокойстве. А вечером он требовал, чтобы дома была полная тишина, так как он молился.

Дом у Добровольских был большой. С парадного входа находился кабинет деда, дальше — гостиная. К потолку подвешена огромная люстра, в которую вставлялись свечи. Из гостиной дверь вела в широкий коридор, вдоль которого располагалось несколько комнат. Последней была столовая. Из сеней в сторону двора был вход в большую «кухню по-белому». Была еще кухня для рабочих во флигеле. Две кухарки с утра до вечера готовили на семью, сама же Анастасия Ивановна, жена сына Деда Моляха Ивана Ксенофонтовича, целыми днями следила за приготовлением пищи. Детей у них было семеро: три дочери и четыре сына. Двое младших, Василий и Ксенофонт, учились в высшем начальном училище⁶.

Иван Ксенофонтович не имел страсти к торговым делам, он больше сидел за чтением книг. Поведение сына раздражало отца, он ворчал: «Сам не приучился и детей не приучаешь, умру — рухнет капитал». Дед всячески старался внушить внукам их будущие обязанности, водил их за собой по всем хозяйственным объектам, показывал, объяснял, но стоило деду с кем-нибудь заговорить, как внук Ксенофонт убегал. За обеденным столом дед жаловался на Ксенофонта, а когда уходил, Ксенофонт говорил: «Жадный дедушка. Пусть сам хватает, мне ничего не надо».

[Театр]

Страстные любители драматического искусства Григорий Васильевич Кузьмин, которому было уже за 60, простой крестьянин-плотник, и пожилая одинокая Клавдия Яковлевна Железнова, всю жизнь имевшая заработок только от вязанья чулок на машинке, с увлечением руководили драмкружком. Жители Березова невольно останавливались возле оформленной на большой фанере афиши: «Сегодня,

⁶ Стараясь опираться в своем повествовании на реальные факты, автор не всегда была достаточно осведомлена. Вот пример: у Анастасии Ивановны и Ивана Ксенофонтовича Добровольских (эти имена подлинные) было семь сыновей (Андреи-

10 февраля, на сцене Народного дома силами комсомольцев ставится пьеса «Свои люди — сочтемся». Режиссер Г. Кузьмин».

— Видал, Кузьмин-то? Ай да молодец! — встретясь у афиши, толковали двое мужчин. Один из них — старый почтальон Аркадий Арсентьевич Ершов, другой — ночной сторож Иван Алексеевич Копыльцов.

— Да ведь он же артист! Помнишь, как он выходил: «Шире дорогу! Любим Торцов идет!» — И Иван Алексеевич изобразил эту сцену. Старички пошутили, посмеялись и решили обязательно сходить в театр.

Близилось начало выступления. Накладывали грим, надевали костюмы. Волнение охватывало тех, кто впервые выступал перед зрителями. Роль героини поручена худенькой стройной Анне. Это ей однажды на репетиции режиссер сказал: «Тебе бы учиться — артисткой могла бы стать».

Люди все подходили к Народному дому. Играл струнный оркестр. Все было празднично, всюду дежурили комсомольцы...

ан, Константин, Дмитрий, Иван, Василий, Ксенофонт, Алексей, последний умер младенцем) и четыре дочери (Руфина, Феврония, Юлия и Мария). — *Ред.*

Содержание

К 415-летию Березова

Д. Юрьев. Описание города Березова	3
Н. Повод. Деятельность А.М. Сибирякова в Тобольской губернии	10
О северных путях (Письмо в редакцию от А.М. Сибирякова)	25
Новый путь на Печоре (Письмо в редакцию А.М. Сибирякова)	27
В.Б. Березов на рубеже XIX и XX веков в письмах А.Я. Штернберга	29
В. Белобородов. Грязновы	35
Из истории березовской Пушкинской общественной библиотеки ...	38
Имена	
Академик из Березово. Рассказы геофизиков записала Елена Шмелева	47
М. Мадьярова. В главном сходимся	143
Библиография работ Т.В. Пуртовой	148
Источник	
Г. Колпаковский. [Обдорская ярмарка]	69
Наследие	
Ф. Ларионов. Семейная хроника. Материалы к истории культуры Западной Сибири	85
Стол находок	
Записки самаровского крестьянина	122
Краеведение	
Т. Исаева. Одного лоскутка земли разные люди	127
Злободневное	
С. Волженина. Библиотеки в борьбе с коррупцией: размышления о том, кто виноват и что делать библиотекам в условиях 94-го федерального закона о закупках	132
Г. Кондакова. Нужны ли Тобольску музеи?	137
Круг чтения	
М. Ершов. «История Югры», или Путь от учебников к пособиям	157
Ю. Мандрика. О запахе плесени под сенью цветущей липы (краеведческий капустник)	161
Ю.М. В поисках современных мифов	171
Постскриптум	
«Сенькин». Продолжение темы	174
Из набросков к повести «Сенькин» [Знакомство Сенькина с городом Березов]	179

Подорожник

Краеведческий альманах

Вып. 9

Редактор-составитель Валерий Белобородов

Корректор Н. Тиунова

Подписано в печать 14.05.2008.

Формат 60x84/16. Гарнитура «AbbatMix».

Печать Riso. Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 10,73. Усл.-печ. л. 8,1. Тираж 300 . Заказ № 21.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501

Тел. 8(922) 48-369-48.

e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

323632008

Государственная библиотека Югры

